

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

Джон Армстронг

СОВЕТСКИЕ ПАРТИЗАНЫ

ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

1941—1944

Джон Армстронг
Советские партизаны. Легенда
и действительность. 1941-1944

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=608205

Армстронг Дж. Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944 :

Центрполиграф; Москва; 2007

ISBN 978-5-9524-2643-6

Аннотация

Книга «Советские партизаны» была создана под руководством профессора Висконсинского университета (США) Джона Армстронга. Известные историки провели гигантскую работу по подбору материала, сделали подробный анализ целей и задач противоборствующих сторон и подвели итог эффективности действий советских нерегулярных вооруженных сил.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Цели противоборствующих сторон	6
1. Цели Советского Союза	6
2. Цели Германии	8
3. Итог попыток достижения своих целей Германией и Советским Союзом	9
Релевантность советского партизанского движения	10
Глава 2	13
Возникновение и задачи партизанского движения	13
1. Исторические примеры	13
2. Планирование	15
3. Задачи	16
Условия и обстановка проведения партизанских операций	16
1. Природные условия	17
2. Техника и вооружение	19
Основные этапы действий партизан	21
1. Первый этап: июнь – декабрь 1941 года	21
2. Второй этап: декабрь 1941 г. – осень 1942 г.	23
3. Третий этап: осень 1942 г. – лето 1944 г.	25
Борьба с партизанами	26
1. Проникновение	26
2. Блокпосты, окружение и прочесывание	27
3. Операции против гражданского населения	29
4. Местная самооборона	29
Оценка. Эффективность партизанского движения как средства ведения войны с помощью нерегулярных сил	29
1. Разрушение коммуникаций	30
2. Боевая поддержка Красной армии	30
3. Разведка	31
4. Подрыв экономики	31
5. Материальные и людские ресурсы	32
6. Общий итог	35
Глава 3	37
Сохранение советского присутствия	37
Нажим на крестьян	39
Партизаны и советский аппарат управления	42
1. Возрождение конспирации	44
2. Средства обеспечения контроля	45
3. Характерные особенности партизанской элиты	46
Расширение коммунистической системы	50
1. Западные территории, отторгнутые СССР	50
2. Будущие страны-сателлиты	53
Партизаны в послевоенном СССР	57
Часть вторая	62

Введение	62
Глава 1	64
Довоенная советская концепция партизанской войны	64
Территориальная организация	65
1. Роль партии	65
2. Роль НКВД	66
3. Отряд в действии	68
Партизанское движение и Красная армия	69
Судьба созданного по территориальному принципу партизанского движения	71
1. Северные регионы	71
2. Степные регионы	72
3. Крым	73
4. Северный Кавказ	73
Глава 2	75
Возрождение партизанского движения, начало 1942 г.	75
Развитие партизанского отряда	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Джон Армстронг

Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944

Предисловие

Эта книга, созданная под руководством профессора Висконсинского университета Джона А. Армстронга, подводит итоги послевоенной программы исследований возникновения, доктрины и эффективности действий советских нерегулярных вооруженных сил. Данный труд может рассматриваться как самостоятельный важный вклад в историю Второй мировой войны и в изучение советской политической системы в условиях оказания на нее давления извне. Такие исследования помимо прочего дают возможность по-новому взглянуть на недавний и весьма значительный опыт Советского Союза по ведению войны нетрадиционными методами.

Как отмечает во введении профессор Армстронг, о характере и военной значимости партизанского движения в период Второй мировой войны делались прямо противоположные заявления, а официальные советские оценки часто расходятся в толковании важности «спонтанной» патриотической реакции населения, мужества и организаторских способностей местных партийных руководителей, направляющей роли центральных партийных и военных органов. Данная книга представляет собой первую попытку внести ясность в эти вопросы путем системного исследования огромного количества подлинных документов – по большей части немецких, но также и советских, – захваченных в конце Второй мировой войны.

После того как начавшееся в июне 1941 года немецкое вторжение – в результате которого значительная часть советского населения оказалась под контролем гитлеровской Германии – было остановлено в ходе героической обороны Москвы, Ленинграда и Сталинграда (сейчас Волгоград), пришлось пройти долгий путь страданий и жертв, прежде чем удалось изгнать агрессоров с советской территории. В какой мере партизанские силы, действовавшие в тылу гитлеровских армий, ослабили военные усилия Германии и тем самым сняли часть груза с плеч Красной армии? Данные исследования дают убедительные ответы на этот вопрос, а также на вопрос о том, какова была реакция населения оккупированных районов на присутствие немцев и перспективы восстановления советской власти. Исследования, как отмечает профессор Армстронг, касаются осуществлявшегося из-за линии фронта «теневое» правление, одной из важных целей которого было напомнить населению посредством действий партизан о последующем неминуемом возвращении советской системы.

Наконец, действия партизан во Второй мировой войне представляют собой значительную часть накопленного Советским Союзом опыта по использованию нерегулярных вооруженных сил в боевых операциях. Этот опыт запечатлен в памяти целого ряда советских руководителей различных рангов. Многие из них, став в дальнейшем активными проводниками советской политики и занимая высокое положение в руководстве, в годы войны были неразрывно связаны с организацией и направлением деятельности этой военной и политической силы. Фактор преемственности доктрины и психологии делает полезным изучение современными специалистами по советской политике опыта советского партизанского движения во Второй мировой войне.

Часть первая

Введение

Джон Армстронг

Глава 1

Значение опыта советского партизанского движения

В свете веяний 1960-х годов действия партизан в СССР во время Второй мировой войны занимают особое место в ряду партизанских движений, представляющих собой один из важнейших аспектов всего многообразия методов ведения войн в XX веке. Действия советских партизан, конечно, во многом сходны с другими современными партизанскими операциями. Однако в целом ряде отношений опыт советских партизан весьма необычен, хотя и не является полностью уникальным. Одним из подходов к пониманию этого опыта является анализ особых целей каждой из противоборствующих сторон, участвовавших в конфликте на оккупированной немцами территории Советского Союза.

Цели противоборствующих сторон

1. Цели Советского Союза

Исторически силы партизан всегда были орудием более слабой в военном отношении стороны. Появление партизан представляет собой замену соответствующих регулярных сил, хотя они могут становиться и вспомогательными войсками в составе наступающей армии при изменении баланса сил в ходе войны. С точки зрения стратегии советские партизаны играли именно эти две традиционные роли. Когда советский режим приступил к созданию партизанских сил, его регулярные вооруженные силы, пусть и превосходя в общей численности, значительно уступали в мощи силам нацистской Германии, задействованным на Восточном фронте. До декабря 1941 года само существование советской системы находилось под вопросом; лишь ценой невероятных усилий Красной армии удалось остановить наступление немцев. В таких условиях даже незначительная помощь нерегулярных сил могла оказаться решающей; отсюда становится понятным, что партизанские силы в первую очередь создавались именно для военных целей. Какими бы огромными ни были людские потери, с ними не считались, пока действия партизан способствовали достижению первостепенной по важности цели сохранения советской системы. В этом отношении почти не существовало различий между жертвами среди советских граждан, страдавших в результате действий партизан, и жертвами среди тех, кого война затронула иначе, яркими примерами чего могут служить голодающее население блокадного Ленинграда и миллионы людей, отправленных в не приспособленные для нормального существования места эвакуации промышленных предприятий, а также солдаты Красной армии, принявшие на себя главные тяготы войны. Принцип, согласно которому по «гуманитарным» соображениям не следовало отвергать любую возможность воспрепятствовать врагу, исповедовался советским режимом с того самого момента, как он оказался втянутым в войну, и в последующем от него уже не отказывались. Даже главные союзники, такие, например, как Соединенные Штаты, подвергались критике за слабость и сдачу своих позиций ради сохранения человеческих жизней. Подобные обвинения в малодушии постоянно звучали в советских нападках на существовавшие в

Европе некоммунистические движения сопротивления, стремившиеся сохранять свои силы путем отказа от активных действий, пока общий баланс сил не оказывался для них наиболее благоприятным¹.

По мере постепенного уменьшения угрозы существованию советской системы более важными для партизан становились политические цели; пожалуй, даже можно сделать вывод, что они являлись преобладающими. Но позиция советского режима в этом отношении была особой. Как правило, правительство, прибегающее к помощи партизан для возвращения оккупированной территории, заинтересовано в сохранении социальной системы и восстановлении здесь своей власти. Советский режим, разумеется, стремился к этому. Более того, его целью явно было восстановление всеобъемлющей тоталитарной коммунистической системы, в которой правительство являлось лишь одной из составных частей. Но до 1941 года коммунистический тоталитаризм представлял собой скорее цель, чем существующее положение даже в пределах СССР. Коммунистические рецепты призваны навязать ранее существовавшему обществу не только систему новых институтов, но и полностью изменить само общество и даже психологию отдельных его членов.

Справедливости ради отметим, что в тех частях СССР, которые находились под контролем Советов со времени окончания Гражданской войны, процесс преобразования общества к 1941 году продвинулся далеко вперед. В частности, после происходивших в 1930-х годах коллективизации сельского хозяйства и насильственной индустриализации большая часть старых общественных устоев оказалась разрушенной. Формально советское общество базировалось на новой основе. Но четверть населения на оккупированной Германией территории прожила в условиях советского правления в течение такого короткого периода (начиная с 1939 или 1940 года), что процесс общественных преобразований там был едва начат. Поэтому существовавшая в этих регионах общественная структура в основе своей была враждебной режиму. Даже в «старых» советских регионах сохранились многие черты предыдущего общественного уклада. Основную часть населения (в частности, как будет показано ниже, в тех районах, где существовали предпосылки для возникновения партизанского движения) составляли крестьяне. И хотя формально они были объединены в колхозы (официально считавшиеся одним из первых шагов в направлении обобществления), крестьяне сохранили много своих традиционных общинных и родственных связей. В обычных условиях режим не торопился резко разрушать подобные связи. Политические и экономические последствия, вызванные сопротивлением такому разрушению, в условиях мира могли оказаться крайне тяжелыми для советской системы. Более того, традиционные связи служили определенным краткосрочным целям режима, таким, например, как сохранение высокого уровня рождаемости среди сельского населения и сдерживание роста подростковой преступности. Но все эти соображения утрачивали силу, когда население оказывалось под контролем врага. С другой стороны, если нежелательные социальные черты могли исчезнуть в общем хаосе, то это способствовало бы успешному построению коммунистического общества в послевоенный период.

Не существует прямых свидетельств того, что советские лидеры руководствовались вышеизложенными соображениями, и крайне маловероятно, что какое-нибудь из них будет претворено в жизнь в будущем. Вполне возможно, что никто из руководителей сознательно не мыслил подобным образом. Однако очевиден тот факт, что советские лидеры проявили куда меньше здравого смысла в заботе о сохранении традиционной основы общества, чем требуется режиму, стремящемуся восстановить свою власть. Позиция советского режима в этом отношении, конечно, была полностью последовательной в стремлении нанести наи-

¹ Армстронг Дж.А. Политика тоталитаризма: Коммунистическая партия Советского Союза с 1934 г. до наших дней. Нью-Йорк: Рэндом Хауз, 1961. С. 166.

большой урон противнику, не считаясь с потерями: «Я, конечно, знал, что гитлеровцы могут послать карательный отряд в деревню, обвинить ее жителей в связях с партизанами и жестоко отомстить местному населению. Но мне также было известно, что люди, которых враг сгонял на ремонт дорог, вольно или невольно, на какое-то время отдаляли час победы. Кто может определить, чего стоит одна минута боевых действий?»²

Отсюда можно сделать вывод, что пусть при поверхностном рассмотрении советское партизанское движение и имеет сходство с партизанскими силами, стремящимися восстановить власть подвергшегося агрессии государства, на самом же деле оно во многих отношениях было ближе к партизанским движениям в тех странах, где коммунисты стремились создать новую систему на обломках старой административной и общественной структуры. Как отмечал Франц Боркенау³, в Европе во время Второй мировой войны партизаны-коммунисты имели неисчислимые преимущества по сравнению с некоммунистическими движениями сопротивления, ибо, будучи кровно заинтересованными в разрушении старого общественного строя, они были готовы противостоять жестоким ответным ударам, тогда как последним приходилось постоянно сдерживаться, руководствуясь соображениями морального характера и желанием избежать больших потерь среди гражданского населения. Парадоксальность ситуации в Советском Союзе заключалась в том, что партизанское движение, обладая поддержкой законного правительства страны, могло неограниченно использоваться для безжалостных акций.

2. Цели Германии

Позиция Германии в отношении партизан была по-своему столь же необычной, как и советская. Силы, ведущие борьбу с партизанами в настоящее время, пытаются восстановить законную власть. Их задача, как правило, намного более трудная, чем у партизан, ибо последним нужно лишь разрушить хитросплетения тонкой паутины экономических и общественных отношений, тогда как ее защитники вынуждены не только нанести поражение партизанам, но и сделать это так, чтобы сохранить подвергшуюся нападению систему. Неспособность понять это принципиальное отличие либо отсутствие терпения и средств, требующихся для решения более сложных оборонительных задач, становились главными причинами провалов многих антипартизанских операций. В ряде случаев подобные недостатки приписываются действиям немцев против партизан. Но на самом деле цели Германии по самой своей сути были настолько отличны от целей любых «обороняющихся» против партизан сил, что сравнение здесь просто неуместно.

На протяжении всего времени главной целью Германии было вывести Советский Союз из войны. Данная задача с самого начала была личной целью Адольфа Гитлера, ибо он понимал, что лишь при полной победе ему удастся сохранить занимаемое положение. Сделав безрассудный шаг и напав на СССР, Гитлер имел единственную реальную возможность одержать победу над «Большой коалицией» своих врагов – сокращение военной мощи Советского Союза до того, как Великобритания и Соединенные Штаты смогут обрушить все свои военные ресурсы на Германию. Для достижения этой цели Гитлеру было отпущено максимум один или два года. Все далекоидущие планы в отношении Восточной Европы были подчинены цели одержать над Советским Союзом победу в войне. И пусть он исходил из вызывающих отвращение предпосылок, а методы достижения цели по любым меркам

² Линьков Г. Война в тылу врага. М.: Худож. лит., 1959. С. 93–94.

³ Боркенау Ф. Европейский коммунизм. Нью-Йорк: Харпер Брозерс, 1953. С. 319, 358.

выглядели абсурдными, в том упорстве, с каким Гитлер стремился к достижению этой цели, присутствовала своя логика⁴.

Главная цель Гитлера – сокрушить военную мощь Советского Союза в кратчайшее время – заставляла германское командование рассматривать партизан в качестве важного фактора лишь тогда, когда они препятствовали военным усилиям немцев. Успехи партизан в контроле территории или влиянии на местное население не имели особого значения, пока они не снижали потенциала, необходимого немцам для нанесения ударов по основным советским военным силам. Обширные оккупированные регионы Европы, находящиеся между самой Германией и немецкими армиями на фронте, были важны лишь как необходимые пути сообщения и источники материальных ресурсов (включая рабский труд) для ведения войны. В результате германские власти не рассчитывали, что столкнутся с многочисленными проблемами, обычно возникающими при борьбе с партизанами. Надежный контроль территории, лояльность местного населения, сохранение существующих порядков или традиционного общественного уклада сами по себе не интересовали германские власти. Нацистский режим, разумеется, рассчитывал господствовать в оккупированных регионах Восточной Европы и эксплуатировать их ресурсы на протяжении веков. Но нацистская идеология рассматривала жителей этих регионов (во всяком случае, их славянское большинство) как людей низшей расы, которые должны безжалостно эксплуатироваться и чья численность, коль скоро их нельзя полностью истребить, должна постепенно сокращаться. Считалось, что чем большим окажется порожденный ходом военных операций хаос, способный уменьшить численность и социальную жизнеспособность славян, тем лучше.

Как следствие, соображения о благополучии населения в районах партизанских действий не являлись препятствием для проявления крайней жестокости в борьбе с партизанами. Нацистское руководство иногда признавало желательность укрепления сотрудничества с местным населением ради достижения своих военных целей. Однако ограничения, которые Гитлер налагал на такое сотрудничество, наводят на мысль о недостаточной «рациональности» в ведении Гитлером войны. Вплоть до того момента, когда война уже была практически проиграна, он отказывался дать разрешение вооружать бывших советских граждан (за небольшим исключением) даже для борьбы с советским режимом. С большой долей уверенности можно утверждать, что даже на ранних этапах попытка массового призыва на военную службу местного населения оккупированных территорий не имела бы решающего значения, ибо главные сражения были проиграны немцами (в результате недостатка материальных ресурсов и ряда других факторов) задолго до того, как славянские антикоммунистические армии могли стать реально действенной силой.

3. Итог попыток достижения своих целей Германией и Советским Союзом

В сочетании цели Советского Союза и Германии создали положение, при котором беспримерные по своей жестокости меры стали нормой как при проведении партизанских операций, так и в борьбе против партизан. Нацистская доктрина превозносила использование насилия и с подозрением относилась к любому, кто проявлял склонность к милосердию. Для немецких войск, ведущих борьбу с партизанами, жестокость стала не только нормой, но и правилом. Если у части командиров противостоящих партизанам сил, в особенности у младших армейских офицеров, и наблюдалось стремление к проявлению сдержанности по соображениям целесообразности и гуманности, то у других садистские наклонности к

⁴ Вмешательство Гитлера в стратегию ведения войны на Восточном фронте сопровождалось крупными ошибками; вдобавок расовые предрассудки Гитлера привели к отказу от использования важных ресурсов для достижения военных целей, примером чего может служить безжалостное уничтожение евреев.

проявлению ничем не оправданной жестокости и уничтожению вели к крайностям, выходящим даже за рамки поощрявшихся официальной политикой⁵. За исключением отдельных случаев проявления садизма, действия советских партизан диктовались не желанием причинять страдания, а пренебрежением ими как «необходимостью» для достижения военных целей. Однако часто на практике различие между этими двумя видами мотивации четко не прослеживалось.

Релевантность советского партизанского движения

Своеобразие целей противоборствующих сторон определило особый характер партизанской войны на оккупированных территориях СССР. К тому же – как будет показано в последующих разделах этой главы – множество других особенностей, таких как условия местности, роль хозяйственной деятельности и наличие вооруженных сил, способствовали тому, что опыт советских партизан может считаться единственным в своем роде. Поэтому вполне понятно, что ряд авторов были склонны умалять важность советского опыта для понимания более поздних по времени партизанских операций⁶. Можно согласиться, что различия между советским партизанским движением и партизанскими движениями националистического и даже коммунистического толка в слаборазвитых тропических странах столь велики, что не представляется возможным сделать большое количество обобщений применительно к ним. Но во многих случаях ярко проявляющиеся различия способны сделать сравнение весьма полезным. Более того, отнюдь не является очевидным, что в будущем партизанские движения будут действовать в условиях, характерных для «национально-освободительных» партизанских движений 1950-х годов. Последние, во всяком случае в самом начале, были намного хуже обеспечены современными средствами ведения войны, чем противостоящие им силы. Но, как будет показано ниже, советские партизаны часто были лучше оснащены легким стрелковым оружием и имели значительную поддержку с воздуха. Существует вероятность возникновения ситуаций, когда подобный «технический паритет» между партизанскими и антипартизанскими силами может возникнуть в будущем.

Одна из таких ситуаций – по всей видимости, весьма отдаленная – партизанская война после нанесения мощных ядерных ударов. Если вообще можно представить себе подобную войну, то в ней могут принимать участие относительно хорошо оснащенные партизаны, ведущие борьбу с «оккупационными» силами, едва ли имеющими лучшее вооружение. Значительно более вероятной явилась бы ситуация искусственно ограниченной войны. Нетрудно представить себе условия, в которых противники выразят молчаливое согласие ограничить действия авиации определенным районом; таким по существу и был Корейский конфликт 1950–1953 годов. Если оказывающей поддержку партизанам стороне удалось бы добиться паритета или получить преимущество в воздухе на ограниченной территории, то оснащение и методы действий партизан во многих важных отношениях стали бы напоминать ситуацию в Советском Союзе. В таких ситуациях, как восстание коммунистов в Греции в 1946–1949 годах и наступление вьетнамских коммунистов в 1954 году, попыткам усиления коммунистами поддержки партизан с воздуха несомненно воспрепятствовали и техническое превосходство в воздухе Запада, и угроза применения ядерного оружия. Подобные факторы, разумеется, нельзя предусмотреть для всех возможных в будущем ситуаций.

Каким бы полезным ни оказалось изучение опыта советских партизан для понимания нетрадиционных методов ведения войны, оно, по твердому убеждению автора, является

⁵ О германской политике см.: *Даллин А.* Германское правление в России: 1941–1945. Лондон: Макмиллан, 1957; Нью-Йорк: Сент Мартино, 1957.

⁶ *Гартхофф Р.Л.* Использование нерегулярных вооруженных сил в коммунистической стратегии // *Форин Эффэрс*. 1962. Вып. 40. С. 570.

куда более полезным для получения более глубоких представлений о сущности советской системы. Поскольку суть этих представлений будет более подробно представлена в главе 3 данной части, здесь лишь необходимо подчеркнуть их важность. В период с 1918 года до начала 1930-х годов советская система являлась относительно открытой для стороннего наблюдателя. Приезжавшие с Запада люди могли вполне свободно передвигаться по стране. Почти не существовало ограничений на контакты отдельных советских граждан с иностранцами. Режим публиковал большое количество информации (например, подробные сведения о переписи населения 1926 года). В избытке имелись свидетельства о разногласиях в официальных кругах, порой они даже принимали вид публикуемых в печати дебатов на партийных съездах. Многие об истинном характере советской политики стало известно от расходящихся во взглядах с режимом крупных политических фигур, таких, например, как Л. Троцкий. В совокупности все эти источники информации обеспечивали, пусть и не вполне отвечающую всем требованиям, основу для объективного анализа советской системы. После смерти Сталина в 1953 году наблюдалась тенденция к появлению новых доступных источников информации.

Прошедшие с начала 1930-х годов двадцать лет представляют собой пробел в наших знаниях о советской системе. Но именно за эти годы находившийся в зародыше в начале 30-х годов режим превратился в развитую тоталитарную коммунистическую систему. Поэтому любые сведения, относящиеся к этому периоду, являются крайне важными.

Недавно появились две крупные научные работы, в основу которых положено множество уникальных материалов, относящихся к периоду, предшествовавшему вступлению Советского Союза во Вторую мировую войну. Работа Мерл Фейнсод «Смоленск под властью Советов»⁷ представляет собой подробный анализ многотомной отчетности о деятельности провинциальной партийной организации. В книге раскрывается динамика взаимодействия институтов власти и приводятся неопровержимые документальные свидетельства обширного набора практикуемых советским режимом методов. Работа Алекса Инкелеса и Раймонда Бауэра «Советский гражданин»⁸ основана на опросах более двух тысяч бывших советских граждан, большая часть которых покинула Советский Союз на ранних этапах Второй мировой войны. Если работа Фейнсод рассматривает советскую систему главным образом с позиции пользующегося ее привилегиями «обитателя», Инкелес и Бауэр рассматривают систему снизу и пытаются разобраться, каково ее влияние на простого гражданина. Данные печатные труды прекрасно дополняют друг друга и намечают нечто вроде основной линии для оценки изменений, произошедших за последние годы в советской системе.

Надеемся, что данная книга сможет внести вклад в дальнейшее определение этой основной линии. Наша работа уступает работе Фейнсод по количеству и многообразию советских политических документов и не базируется на богатом социологическом материале, собранном Инкелесом и Бауэром. Но данное исследование обладает рядом особых преимуществ. Оно рассматривает кризисную ситуацию в ее крайнем проявлении. Несомненно, что советская система – во всяком случае, до недавнего времени – постоянно находилась в кризисе. Но проблемы, возникавшие при попытках утвердить советскую власть в районах, номинально контролируемых противником, означали столь масштабный кризис системы, с каким ей никогда не приходилось сталкиваться. Этот кризис по большей части имел отношение к сельской местности, о которой в наших источниках имеется крайне скудная информация. Хотя наша информация о партизанах частично базируется на советских документах того периода, мы обладаем преимуществом, дающим возможность проверить эти документы по двум другим источникам информации: более поздним по времени советским отчетам, кото-

⁷ Кембридж, Массачусетс: Гарвард юниверсити пресс, 1958.

⁸ Кембридж, Массачусетс: Гарвард юниверсити пресс, 1959.

рые весьма многочисленны и подробны, и многотомным отчетам немецких оккупационных властей. И хотя каждый из этих источников в отдельности не может удовлетворять всем необходимым требованиям, вместе они дают столько информации, сколько обычно может рассчитывать получить ученый, занимающийся исследованием общественных и политических процессов.

В последующих разделах две темы, о которых кратко упоминалось выше, – партизанское движение как метод ведения войны с помощью нерегулярных сил и отношение партизан к советской системе – будут рассмотрены более подробно. Однако не должно сложиться впечатление, будто эти две стороны, характеризующие опыт партизан, можно разделить лишь для анализа. И еще более важно избежать поспешных выводов, определяя партизанское движение как способ ведения войны нерегулярными силами лишь на основе «военной составляющей» этого явления, ибо ведение войны нерегулярными силами по самой своей сути является социальным и политическим. Получить четкое представление о сущности партизанского движения на оккупированных территориях СССР невозможно без учета политической ситуации, в которых оно возникло, и общественных и политических условий, в которых оно развивалось.

Глава 2

Операции советских партизан как способ ведения войны нерегулярными силами

Возникновение и задачи партизанского движения

1. Исторические примеры

В предыдущем разделе высказывалась мысль о существовании естественной взаимосвязи между коммунизмом и партизанской войной, поскольку особые цели коммунистических движений позволяют им применять партизанскую тактику необычайно эффективно. Поэтому вряд ли удивительно, что традиция использования партизан коммунистами существовала задолго до 1941 года. В 1906 году сам Ленин занимался этим вопросом, хотя его рассуждения об использовании большевиками тактики террористов в борьбе против царизма не имели большого практического значения для более поздних по времени партизанских операций⁹. Во время Гражданской войны в России в 1918–1920 годах большевики весьма широко использовали партизанские части. Регулярная армия красных и ее многочисленные противники находились в стадии реорганизации; подготовленность военнослужащих была недостаточной, а их вооружение значительно уступало вооружению армий Западной Европы того времени. Помимо этого, быстро меняющаяся обстановка на фронтах и огромные пространства театров военных действий требовали быстрых и скрытых маневров. В таких условиях нерегулярные силы оказывались весьма полезными в военном отношении. Многие партизанские командиры, такие, например, как Николай Щорс, удостоились почетных мест в пантеоне героев революции и Гражданской войны. С другой стороны, стремление большевиков к централизации управления и железной дисциплине противоречили анархическим и индивидуалистическим настроениям партизан. Такие «атаманы», как Нестор Махно и Г. Григорьев, создавшие свои партизанские силы еще до присоединения к большевикам, яростно сопротивлялись попыткам добиться от партизанских командиров полного подчинения. Даже преданные коммунисты, призванные осуществлять руководство действиями партизан, иногда проявляли стремление к независимости. Очень жаль, что не проводилось подробного изучения появившегося в период между войнами большого количества советских публикаций о партизанском опыте Гражданской войны, поскольку такое изучение могло бы многое прояснить в процессе развития партизанского движения в начале Второй мировой войны. За неимением такого исследования можно достоверно утверждать лишь то, что режим твердо усвоил: партизаны были вполне пригодны в качестве вспомогательной силы, но могли оказаться обоюдоострым оружием при отсутствии строгого контроля за ними.

Свидетельств советских оценок зарубежных коммунистических партизанских движений не много, но известны они лучше. Как удалось выяснить автору этих строк, советские источники не уделили никакого внимания столь выдающемуся подвигу, как марш сил Луиса Престеса по находящимся в глубине территории Бразилии районам в 1924–1927 годах, хотя вскоре после этого Престес стал коммунистом. Советские коммунисты имели непосредственное отношение к использованию партизанской тактики во время гражданской войны в Испании. Высокопоставленный представитель НКВД Эйтингон отвечал за организацию

⁹ *Осанка Ф.М.* Современная партизанская война: Борьба с коммунистическими партизанскими движениями, 1941–1961. Гленко, Иллинойс: Фри Пресс, 1962. С. 65–67.

партизанских действий республиканцев. Поскольку во время Второй мировой войны Эйтингон стал заместителем начальника Четвертого управления НКВД – подразделения, курировавшего действия партизан, – вполне вероятно, что он использовал накопленный им в Испании опыт¹⁰. Испанских беженцев в СССР специально готовили для участия в операциях партизан-подрывников¹¹. Первым командиром партизанского движения в Крыму был один из высокопоставленных советских военных советников в Испании¹². Вместе с тем советские авторы при описании гражданской войны в Испании были склонны преуменьшать важность партизанской борьбы в этой стране. Автор одной из неопубликованных диссертаций считает, что республиканских партизан в Испании нельзя сравнивать с советскими партизанами, поскольку первые не представляли «массового движения», контролировавшего обширные территории. В основном это были «диверсионные» группы, засылаемые на вражескую территорию на ограниченное время для выполнения особых заданий¹³. Хотя такие «диверсионные» подразделения (аналогичные американским рейнджерам) использовались и советским режимом, они всегда считались менее важными, чем партизаны.

Верна или нет советская оценка республиканского партизанского движения в Испании, несомненно, что последнее имело куда меньшее значение в военном и политическом отношении, чем коммунистическое партизанское движение в Китае в тот же период. Каждый серьезный ученый, изучающий коммунистическое партизанское движение в Китае, приходил к заключению, что Мао создавал его не опираясь на советскую модель. В своей работе «Проблемы партизанской войны в борьбе против Японии» (1939 г.) Мао с уважением отзывается о партизанском опыте Гражданской войны в России и подчеркивает, что партизаны, по сравнению с регулярными силами, представляли собой лишь второстепенный фактор. Мао не уделяет советскому примеру столь большого внимания, как многим партизанским движениям некоммунистического толка, и нигде не упоминает, что советский опыт должен являться для китайцев примером для подражания¹⁴.

Действительно, есть серьезные основания полагать, что скорее китайский опыт оказал влияние на советскую концепцию партизанской войны, чем наоборот, хотя отсутствие детального изучения данного вопроса не позволяет с полной уверенностью сделать подобный вывод. Как отмечается ниже, советские планы партизанской войны на ранних этапах, похоже, воплощали в жизнь ряд принципов Мао, хотя это и делалось по большей части механически. Наиболее ярко аналогия прослеживается между первоначальными советскими замыслами создания партизанского отряда в каждом районе и предписаниями Мао об отдельном партизанском отряде или группе в каждом небольшом уезде (административно-территориальной единице, приблизительно равной по размерам советскому району)¹⁵. По меньшей мере один из советских авторов обратил пристальное внимание на такую схему организации, но, похоже, недооценил важность того, что базирующийся на определенной территории отряд являлся лишь одним из низших звеньев в цепи, включавшей в себя более крупные и более мобильные подразделения¹⁶. В целом многие аспекты китайского опыта

¹⁰ Армстронг Дж.А. Политика тоталитаризма. С. 163.

¹¹ Македонский М. Пламя над Крымом. Симферополь: Крымиздат, 1960. С. 154.

¹² Сравните с приводящими те же факты докладами 11-й немецкой армии (GMDS, AOK 11, 35774/16) и работой: Шанко Е. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 гг. Симферополь: Крымиздат, 1959. С. 155–156.

¹³ Мещеряков М. Коммунистическая партия Испании в борьбе за демократические свободы и национальную независимость Испании (1936–1939 гг.): Неопубликованная диссертация. М.: Московский педагогический институт им. Ленина, 1953. С. 207–208.

¹⁴ «Проблемы партизанской войны в борьбе против Японии» (1939 г.), перевод см.: Ханрахан Дж.З. Партизанская тактика китайских коммунистов. Б. м. С. 14.

¹⁵ «Проблемы партизанской войны в борьбе против Японии» (1939 г.), перевод см.: Ханрахан Дж.З. Указ. соч. С. 22.

¹⁶ Колан А. Партизанская война в оккупированных районах Китая // Коммунистический интернационал. 1940. № 6. С. 60–72.

были недопоняты советскими специалистами; существуют свидетельства, что китайские коммунисты весьма скептически относились к попыткам Советов выработать четкую доктрину партизанской войны¹⁷.

2. Планирование

Сам по себе интерес Советов к более ранним по времени примерам партизанской войны наводит на мысль о том, что режим уделял внимание возможности использования партизан в случае агрессии против СССР. Тем не менее нельзя сделать однозначного вывода о том, что конкретный план использования партизан был разработан до июня 1941 года. Две причины этого вполне очевидны. Во-первых, ни один режим не может позволить себе выступать перед всем населением или широкими официальными кругами с пораженческими заявлениями о том, что он рассчитывает потерять значительную часть своей территории. Если бы власти широко распространяли инструкции по ведению партизанской войны, это стало бы признанием не только того, что превозносимая стратегия Сталина не допустить участия СССР в войне путем заключения с нацистами пакта о ненападении потерпела провал, но и того, что такой провал обернется трагическими последствиями для страны. Во-вторых, почти наверняка высшее руководство не рассчитывало, что в случае войны противник оккупирует значительную часть территории СССР. В этой связи интересно отметить, что Мао (писавший еще до заключения Советским Союзом пакта с нацистами) предсказывал, что, даже если Советскому Союзу в течение какого-то времени и не удастся дать должного отпора агрессору, тот не сможет оккупировать обширной территории¹⁸.

Можно предполагать, что в описанных выше условиях план использования партизан мог быть строго охраняемой тайной, известной лишь узкому кругу высших руководителей и нескольким особо доверенным специалистам, преимущественно из полицейских органов, занимающихся безопасностью страны. Поскольку было бы небезопасно консультироваться с руководителями низшего звена, лучше знающими местные условия, план должен был бы оказаться весьма схематичным и негибким. Вследствие недостатка времени для отбора и подготовки кадров выполнение этого плана могло быть доверено особо преданным членам партии и государственным служащим, в частности из органов государственной безопасности. И в самом деле, первоначальная схема организации партизанского движения была весьма близка к вышеуказанной гипотетической модели. Данное совпадение является в определенной мере косвенным свидетельством того, что планирование в предвоенные годы все же осуществлялось.

Существуют и прямые свидетельства. Штабы немецких частей, боровшихся с партизанами, пришли к заключению, что планы были разработаны до войны, хотя к подобным немецким заявлениям следует относиться с определенной долей скептицизма, поскольку масштабы таких приготовлений в них часто сильно преувеличиваются. Если немцы и обладали информацией из секретных советских документов или получили ее на допросах высокопоставленных советских чиновников, они на нее не ссылаются. В действительности один из хорошо осведомленных сотрудников НКВД на допросе отрицал, что этот орган предпринимал шаги по подготовке партизанских действий до 25 июня 1941 года¹⁹. Но послевоен-

¹⁷ Чарльз П. Фицджеральд в книге «Революция в Китае» (Нью-Йорк: Ф.А. Прагер, 1952) приводит рассказ о том, как вскоре после Второй мировой войны в Пекине один из генералов Мао после прочтения присланной Мао Сталиным книги о советском партизанском движении во время войны сказал: «Если бы мы пользовались этой книгой в качестве учебника, нас бы уничтожили уже десять лет назад». Ср.: *Катценбах Э.Л., Ханрахан Дж.З.* Революционная стратегия Мао Цзэдуна // Политические науки. 1955. Вып. 70. С. 321–340.

¹⁸ Перевод см.: *Ханрахан Дж.З.* Указ. соч. С. 22.

¹⁹ АОК 16 Ис. Допрос лейтенанта ГПУ Александра Жигунова, 18 ноября 1941 г. Пер. на англ. яз. см.: ЕАР-3а-11/2.

ные советские публикации являются значительно более откровенными. Верно то, что большинство из них не содержат информации о существовании заранее подготовленных планов партизанских действий. Но Алексей Федоров в ранних и крайне ценных мемуарах о действиях партизан утверждает, что Центральный комитет Коммунистической партии Украины «уже наметил схему организации подпольного движения» к 4 июля²⁰. Первой официальной директивой (в тот период строго секретной), цитируемой послевоенными советскими источниками, являлся параграф в письме Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии от 29 июня²¹. Но в вышедших советских мемуарах утверждается, что Никита Хрущев (в то время глава Коммунистической партии Украины) подробно проинструктировал одного из региональных секретарей партии по вопросам организации партизанского движения еще 27 июня – через пять дней после начала войны²². В тот же день Моисей Спивак, секретарь Компартии Украины по кадрам, приступил к организации партизанского отряда в Каменец-Подольской области²³. Возможно, конечно, что советские источники стараются сделать особый упор на заслугах режима в развертывании партизанского движения. Но в целом советские заявления кажутся весьма правдоподобными. Если инструкции могли быть даны в течение недели после начала войны, то вполне вероятно, что разработка планов проводилась еще до начала военных действий.

3. Задачи

Как указывалось в главе 1 данной части, в самом начале при создании партизанского движения советский режим преследовал цель внести вклад в защиту режима от агрессии военными средствами. И хотя политические цели, по всей вероятности, учитывались с самого начала, они являлись вторичными вплоть до более поздних этапов, и поэтому здесь нет смысла останавливаться на них. Даже столь важная военная цель, как сбор разведывательной информации, являлась вторичной в первоначальном плане организации действий партизан. Подпольная разведывательная сеть создавалась отдельно, ее агенты получили приказ не вступать в контакт с партизанами. Первоначальная программа действий партизан в любом случае не предусматривала проведения разведывательных операций, поскольку они были плохо обеспечены радиопередатчиками и с ними не было воздушного сообщения. Главным направлением партизанских действий стало нанесение ударов, отнюдь не крупномасштабных, по силам немцев. В тактике действий партизан особый упор должен был делаться на нанесении ударов по изолированным или неохраняемым немецким военным объектам, разрушении коммуникаций и диверсиях. Другими словами, партизаны должны были вести «малую войну» путем нанесения урона военной машине противника. И пусть эффективность партизанских ударов неизбежно оказывалась недостаточной, они были направлены на достижение главной цели Советского Союза – избежать полной военной катастрофы.

Условия и обстановка проведения партизанских операций

Вышесказанное представляло собой первоначальный замысел проведения партизанских операций в 1941 году. На практике, как будет показано ниже, партизанское движение

²⁰ Федоров А. Подпольный обком действует. М.: Иностранные языки, 1952. С. 16.

²¹ Цит. по: *Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины, 1941–1943 гг.*: Документы и материалы. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1962. С. 18.

²² Бегма В., Кизя Л. Дорогой нестигаемых. Киев: Советский писатель, 1962. С. 26.

²³ *Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны*. М.: Госполитиздат, 1960. С. 441.

развивалось совершенно в иных направлениях. На это развитие во многом влияли условия и обстановка, в которых партизаны проводили свои операции.

1. Природные условия

Иногда можно столкнуться с суждениями о том, что чем меньше местность подходит для хозяйственных и военных целей, тем больше она пригодна для партизанских операций. Это не совсем так. Если партизаны призваны стать действенной силой в военном отношении, они должны иметь возможность находиться на таком удалении от военных объектов, чтобы легко наносить удары по ним. Если они преследуют политические цели, то должны поддерживать тесные контакты с населением. Уход партизан в труднопроходимую местность означает добровольный отказ от эффективного использования их в качестве инструмента ведения войны нерегулярными силами. А поскольку в такой местности практически невозможно найти достаточного количества продовольствия для крупных сил партизан, это часто приводит к их гибели. Партизаны могут эффективно действовать только в районах, которые являются относительно труднопроходимыми для оснащенных тяжелой техникой регулярных войск, но по которым несложно передвигаться пешком или на лошадях партизанам, имеющим легкое вооружение. Такие районы должны находиться в непосредственной близости от важных населенных пунктов и путей сообщения; обычно наиболее подходящие районы расположены в зонах, где благоприятная местность граничит с труднопроходимой.

Горные районы так часто обеспечивают подходящие условия для действий партизан, что кое-кто склонен считать типичного партизана настоящим «горцем». Но на оккупированной территории СССР горных районов было мало. К их числу относились лишь северо-западная часть Кавказа и его предгорья, небольшая горная гряда Яйла в Крыму и Карпаты в западной части Украины. Советские партизаны стремились использовать все эти горные районы, но мало преуспели в этом. Основной причиной стало крайне недружелюбное отношение местного населения. Часть наиболее подходящих для действий партизан районов Кавказа населяли мусульмане, восстававшие против советского режима еще до подхода немецких армий. За пределами мятежных районов в предгорьях Кавказа оставалось вполне достаточно подходящих мест для операций советских партизан. Но им практически не удалось получить никакой поддержки местного населения, к тому же, будучи «пришлыми», они плохо знали местность и не могли использовать ее преимуществ. Весьма примечательно, что наиболее успешно «северокавказские» партизаны действовали в плавнях дельты реки Кубани, а отнюдь не в горных районах.

Партизаны Крыма – у нас нет возможности подробно рассматривать в этой книге их действия – были более многочисленными (их численность составляла от двух до десяти тысяч человек), но им пришлось испытать куда больше трудностей ради достижения меньших результатов, чем любой другой группе партизан, сравнимой с ними по численности. Ранние советские источники открыто признают, что большая часть трудностей для действовавших в Крыму партизан возникала в результате того, что основное население региона составляли крымские татары, яростно сопротивлявшиеся советскому режиму. Появившиеся после смерти Сталина источники более сдержанны, но также признают роль хорошо знакомых с местностью татар, помогавших немцам выслеживать и уничтожать партизан²⁴.

Большая удаленность Карпат от центра затрудняла организацию партизанского движения там до конца 1943 года. Тем не менее летом 1943 года «кочующий отряд» под командованием Сидора Ковпака попытался обосноваться на северных склонах Карпат. Крайне враждебно настроенное население Западной Украины не оказывало ему поддержки и не

²⁴ Козлов И. В Крымском подполье: Воспоминания. М.: Воениздат, 1958. С. 69–70; Македонский М. Указ. соч. С. 189; Шапко Е. Указ. соч. С. 18.

снабжало сведениями; в результате его отряд был почти полностью уничтожен. В более поздний период этот регион стал очагом мощнейшего антисоветского партизанского движения²⁵. Как будет показано ниже, советские партизаны, действовавшие в других частях Карпат, где население было не столь враждебно настроенным, добились значительно больших результатов.

Приведенный выше анализ позволяет понять, что даже наиболее благоприятные условия местности не могут стать преимуществом при наличии крайне враждебно настроенного местного населения. В большинстве равнинных частей оккупированной территории СССР население никогда не было враждебным к партизанам и со временем даже стало проявлять к ним расположение. Но более половины оккупированной немцами территории СССР, за исключением небольших участков болотистой местности и лесных массивов вдоль рек, представляло собой лишенную лесов степь. Первоначальный план партизанских действий не делал различий между степью и менее открытыми участками. Каждый район в степной местности, как и везде, должен был иметь свой партизанский отряд. В этой связи стоит отметить, что один из китайских специалистов по партизанской войне (1938 г.) высказывал сомнения, что партизаны способны успешно действовать на равнинах, используя преимущество небольших лесистых районов и других труднопроходимых участков местности²⁶. За упомянутыми ниже редкими исключениями, степь оказалась непригодной для действий советских партизан. Формируемые отряды старались продержаться на изолированных участках лесистой или болотистой местности, но оказывались не в состоянии уклоняться от ударов на этих ограниченных пространствах и быстро уничтожались немцами.

Северная треть оккупированной территории была намного более подходящей для действий партизан. Будучи равнинной, эта часть местности была лесистой и изобиловала множеством болот, озер и медленно текущих рек. Именно этот регион стал местом мощного и крупного по размаху партизанского движения. Однако следует подчеркнуть, что действия партизан не получили широкого распространения в Припятских болотах – одном из самых труднодоступных регионов Европы. Глубокие болота не позволяли снабжать продуктами питания крупные партизанские силы, и там не существовало важных целей, способных привлечь партизан. В основном они базировались в осушенных лесистых районах, таких, например, как окрестности Брянска, на многочисленных небольших участках болотистой местности и в обжитых районах по берегам Припяти.

Но в северных частях оккупированной территории партизаны встречались с трудностями, которых никогда не испытывали послевоенные партизанские движения. Если последние обычно действовали в регионах с тропическим или мягким климатом, советским партизанам приходилось действовать и в условиях суровых зим. Почти во всех источниках информации о партизанах подчеркивается, что знаменитая русская зима не являлась для них союзником. В тропических джунглях партизаны надежно скрыты вечнозеленой растительностью, которую противостоящие им силы с переменным успехом пытались уничтожать с помощью химических средств. Зимой в оккупированных регионах СССР зеленый покров естественно исчезал. Вместе с тем снежный покров не давал возможности партизанам скрывать свои следы. Ведущие борьбу с партизанами немецкие войска легко пересекали замерзшие болота и реки. Не менее важным был и тот факт, что, для того чтобы просто выжить в суровых зимних условиях, советским партизанам требовалось тратить значительную часть своих сил на создание запасов продовольствия и строительство жилья. В направляемых партизанам на ранних этапах директивах подчеркивалась крайняя важность подготовки жилищ на зиму; по всей видимости, огромные трудности, выпавшие на долю действовавших в

²⁵ Армстронг Дж.А. Украинский национализм. 2-е изд. Нью-Йорк: Колумбия юниверсити пресс, 1963. С. 296.

²⁶ Чу Те. О партизанской войне. Перевод см.: Ханрахан Дж.З. Указ. соч. С. 73.

Крым партизан (значительная часть которых являлась жителями городов), стали результатом того, что они строили наземные жилища, напоминавшие вигвамы индейцев²⁷. В большинстве других районов на ранних этапах основным видом жилища стали землянки. Будучи неудобными, они тем не менее давали пристанище, но значительно снижали мобильность партизан, заставляя их держаться крупными группами, способными отбить любую, кроме крупномасштабной, атаку противника. Типичный партизан, действующий в составе небольшой группы, постоянно передвигающийся, живущий большую часть времени под открытым небом и пусть даже имеющий возможность раздобыть себе пропитание в лесу, оказывался просто нежизнеспособным в условиях зимы.

2. Техника и вооружение

Влияние климата и условий местности ограничивало зону действий партизан и вынуждало их объединяться в большие группы. Если бы ведущие борьбу с партизанами силы были крупными, хорошо подготовленными и хорошо вооруженными, они могли бы добиться ликвидации партизанского движения. Но на самом деле, по всей видимости, еще никогда не существовало партизанского движения, которое по сравнению со своим противником находилось бы в более благоприятном положении в плане технического оснащения, чем советское. Когда немцы вторглись в СССР, они уступали русским в численности войск и количестве военной техники. Первые быстрые победы явились результатом внезапности нападения, продуманной стратегии и лучшей подготовки (отчасти благодаря накопленному за несколько лет боевому опыту), большей инициативы и (в меньшей степени) качественного превосходства военной техники. Приблизительно в период между июлем и октябрём 1941 года немцы, благодаря своим победам, добились количественного превосходства в некоторых видах вооружений, в частности в авиации. Но к началу 1942 года налаженное Советским Союзом военное производство, помощь Запада и переброска немцами войск на другие театры военных действий изменили баланс сил. К середине 1942 года Советский Союз уже имел превосходство в количестве самолетов повсюду, кроме отдельных участков южной части фронта, но к 1943 году и там положение изменилось. Немцы испытывали такую нехватку танков и других механизированных средств, что данный вид вооружения редко мог использоваться в больших количествах против партизан. Даже легким стрелковым оружием партизаны часто были лучше оснащены, чем немцы.

В негативном плане технический паритет между партизанами и противостоящими им силами означал, что немцы не могли прибегать к тактике, доказавшей свою эффективность в борьбе с партизанами. Положительным же было то, что партизаны имели возможность использовать современные методы связи и снабжения с таким размахом, какого никогда прежде, да и в последующем, не удавалось добиваться крупным партизанским силам. Основными используемыми техническими средствами стали радио и самолеты. По всей видимости, первоначальный советский план партизанской войны не предусматривал возможности применения этих средств. Оснащение радиоприемниками и передатчиками было налажено, но часто эта техника не работала²⁸. Отчасти трудности, вероятно, возникали в силу того, что, по предположениям советского руководства, оккупированной должна была оказаться лишь ограниченная часть территории. Через много месяцев после начала войны находившиеся в распоряжении партизан радиооборудование имело такой небольшой радиус действия, что командир партизанского отряда, отправлявшегося в западную часть оккупированного

²⁷ См. фотографию: *Шапо Е.* Указ. соч. С. 40.

²⁸ В качестве примера см.: *Партизанские были.* М.: Воениздат, 1958. С. 128.

района, получал предупреждение, что может потерять радиосвязь с своим штабом²⁹. Еще одной трудностью – несомненно затрагивавшей и другие виды техники – являлось то, что катастрофическое снижение советских производственных мощностей в 1941 году сделало просто невозможным выпуск техники в достаточном для партизан количестве³⁰. В середине лета 1942 года Центральный штаб партизанского движения имел радиосвязь всего лишь с 10 процентами партизанских отрядов. Но уже к середине ноября того же года удалось наладить связь с 20 процентами отрядов, а многие из них имели радиосвязь с центрами управления более низкого уровня³¹. К началу следующего года у партизан имелось 424 радиопередатчика, позволявшие Центральному штабу поддерживать связь с 1131 партизанским отрядом³². Но даже к этому времени в западной части оккупированной территории продолжали существовать партизанские группы, не имевшие надежной радиосвязи с центрами управления.

Надежная связь с Центром оказывала огромное положительное влияние на моральное состояние партизан. Наличие радио являлось одним из основных факторов, позволявших отдельным командирам брать под свой контроль соседние партизанские отряды. Это также помогало убедить местное население в том, что партизанский командир является представителем власти, и давало ему возможность успешно вести пропаганду на основе получаемых из Москвы сообщений.

«Партизанский штаб, имевший радиостанцию, был в глазах населения официальным органом советской власти, а командир отряда, с которым имела дело Москва, являлся и для партизан, и для населения официальным представителем Советского государства, его полномочным представителем на оккупированной территории. Можно считать, что одной из главных заслуг Украинского штаба партизанского движения в это время (конец 1942 г. – начало 1943 г.) была организация широко разветвленной радиосвязи между Москвой и населением временно оккупированной территории»³³.

Важная роль радио почти неразрывно была связана с использованием другого вида техники – самолета. Совместно эти два средства давали возможность партизанскому командованию поддерживать силы партизанского движения и превращать его в направляемый из центра инструмент советской военной и политической стратегии. С точки зрения количественных характеристик важность воздушного сообщения оценить довольно трудно, поскольку характер линий фронта позволял поддерживать наземное сообщение между не занятой противником территорией и партизанами со значительно большим размахом, чем это обычно имеет место при партизанских операциях. «Витебский коридор», проходивший через позиции немцев в Северную Белоруссию с конца 1941 года до 1943 года; «Кировский коридор», открытый в северную часть Брянской области на значительно более короткий период времени; «Овручский коридор» в северо-западную часть Украины зимой 1943/44 года являлись самыми важными из таких брешей. Но для всех партизанских отрядов в определенные периоды, а для большинства из них постоянно, воздушное сообщение являлось единственным доступным способом контактов с «Большой землей». Доля снабжения пар-

²⁹ Линьков Г. Указ. соч. С. 306.

³⁰ История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 / Под ред. П.Н. Поспелова. М.: Воениздат, 1961. Т. 3. В дальнейшем: *История Великой Отечественной войны*. В книге утверждается, что в 1943 году рост военного производства позволил снабжать партизан боеприпасами и средствами связи. Один из офицеров Белорусского штаба партизанского движения пишет, что в августе 1942 года К.Е. Ворошилов (номинально являвшийся руководителем всего партизанского движения) заявил ему, что, к сожалению, правительство не может обеспечить нормального снабжения партизан; этот офицер утверждает, что осуществляемое его штабом снабжение партизан (в том числе и средствами связи) было недостаточным. (См.: *Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1945 годы): Сборник воспоминаний*. Минск: Гос. изд-во БССР, 1961. С. 113. В дальнейшем: *Из истории партизанского движения в Белоруссии*.)

³¹ История Великой Отечественной войны, 1961. Т. 2. С. 487.

³² История Великой Отечественной войны, 1962. Т. 4. С. 468.

³³ Наумов М.И. Хинельские походы. Киев: Худож. лит., 1960. С. 373.

тизан оружием по воздуху в ходе войны увеличилась с одной четверти в начале 1942 года до половины летом 1944 года. Если радио могло передавать командирам партизан необходимые сведения и приказы, то только по воздуху можно было организовать доставку специально подготовленных кадров, инспекторов и представителей центрального командования, призванных обеспечить беспрекословное подчинение партизанских командиров требованиям режима. Зримое свидетельство заботы Центра о партизанах, обеспечивавшееся воздушным сообщением, вероятно, имело даже более важное значение для морального состояния партизан, чем радиосвязь. Если обеспечение партизан всем прочим, помимо оружия, взрывчатки и радио, не являлось важным аспектом поддержки с воздуха, то возможность снабжения партизан по воздуху продуктами питания в чрезвычайных ситуациях порой являлась единственным средством поддержания жизни партизан. Что означало для партизан полное отсутствие поставок по воздуху – было продемонстрировано в Крыму, когда в результате превосходства немцев в воздухе и большой удаленности от советских аэродромов (после сдачи Севастополя ближайшие базы находились на Кавказе) воздушное сообщение было полностью прервано на четыре месяца зимой и весной 1942/43 года³⁴. По признания очевидцев, партизанам пришлось питаться мясом умерших еще осенью лошадей³⁵, а по докладам немцев, отмечались случаи людоедства. Справедливости ради следует сказать, что поддержка с воздуха в определенной степени оказывала негативное влияние на действия партизан; необходимость строительства посадочных площадок и затрачиваемое на ожидание самолетов время снижало их мобильность. По всей вероятности, задержка, вызванная ожиданием прибытия самолетов, стала главной причиной почти полного уничтожения партизанского отряда М.И. Наумова³⁶. Но в целом подобные негативные последствия были не столь значительными. Ярким свидетельством признания советским руководством важности радиосвязи и воздушного сообщения с партизанами может служить тот факт, что Центральный штаб партизанского движения находился отнюдь не в непосредственной близости к руководимым им отрядам, а неподалеку от Москвы, с тем чтобы обеспечить более качественную радиосвязь и использовать находящиеся в Московской области авиационные базы³⁷.

Основные этапы действий партизан

Нередко встречающееся в серьезных и отличающихся глубиной научных работах неправильное понимание роли советского партизанского движения возникает от недостатка информации об этой стороне войны в СССР и обусловлено спецификой целей и условий, оказавших влияние на партизанское движение. Еще большую путаницу способно внести то, что советское партизанское движение не развивалось единообразно. Существовало три четко просматриваемых этапа в действиях партизан, причем первый этап настолько отличается от последующих, что его можно охарактеризовать как отдельный эпизод в истории партизанских войн.

1. Первый этап: июнь – декабрь 1941 года

Первый этап действий партизан базировался на плане, упомянутом выше. Следует лишь отметить, что планом, по сути, намечалось равномерное распределение небольших партизанских отрядов по всем административно-территориальным единицам оккупированной территории. Отказ учитывать особенности местности, по всей видимости, отчасти объ-

³⁴ *Македонский М.* Указ. соч. С. 82.

³⁵ Там же. С. 64.

³⁶ *Вершигора П.* Рейд на Сан и Вислу. М.: Воениздат, 1960. С. 226.

³⁷ *Советские партизаны.* С. 331.

яснялся неправильным пониманием китайского опыта партизанской войны. План также был основан на ошибочном предположении, что действия партизан будут ограничены относительно небольшой территорией, оккупированной противником на сравнительно короткий период времени. Учитывая быстроту продвижения немцев и загруженность советского руководства другими проблемами, вряд ли стоит удивляться, что первоначальный план не претерпел кардинальных изменений в течение 1941 года. Кроме того, план преследовал важные политические цели, которые, по всей видимости, заставили режим сохранять подобную форму организации партизанского движения везде, где это было возможно. Но самой серьезной ошибкой стало заблуждение, будто территориальный партизанский отряд сможет опираться на тесные тайные контакты с местным населением. Ядро партизанского отряда должно было быть «постоянным» – партизанам следовало жить вместе в лесу, а не скрываться каждый в отдельности в деревнях после проведения операций. Но партизанам было необходимо иметь тайных помощников среди крестьян для участия в коротких рейдах. К тому же предполагалось, что партизанские группы смогут оставлять раненых на попечение жителей деревень³⁸. Окажись все эти расчеты верными, партизанские отряды смогли бы оставаться небольшими и высокомобильными (в пределах ограниченной территории). Но все эти планы строились на безоговорочной поддержке советских партизан местным населением, которой они не смогли заручиться и которую сравнительно редко получали в 1941 году. Вероятно, одной из главных особенностей, наложивших отпечаток на развитие партизанского движения в этот период, стало отсутствие поддержки советской политической системы широкими слоями населения после крупных побед немцев. Большая часть населения оккупированных регионов была убеждена, что советская система оказалась слабой и возврата к ней уже не будет. Здесь нет необходимости оценивать размах, с которым население приветствовало подобное развитие событий, ясно лишь то, что большинство было готово мириться с ним. Но даже среди этого большинства всегда находились люди, помогавшие партизанам потому, что те тоже были «русскими» (или «нашими», реже «украинцами»). Партизаны никогда не испытывали недостатка в помощниках, собиравших и передававших сведения о действиях противника. Но и немцам в свою очередь также удалось создать широкую сеть добровольных осведомителей из открытых противников советской власти и предателей. Хотя наибольших успехов удалось добиться в 1941 году, но и впоследствии противостоящие партизанам силы немцев в большинстве сельских регионов продолжали получать подробные сведения. Например, один партизан вспоминает, как был вынужден нести своего умирающего товарища пятнадцать километров, поскольку, хотя во встречавшихся по пути деревнях и не было немецких войск, он знал, что, если остановится в одной из них на несколько часов, об этом непременно сообщат оккупационным властям³⁹. В подобной обстановке, хотя партизаны и могли получить какую-то поддержку симпатизирующих им жителей деревень, все же не приходилось особо на нее рассчитывать.

Изоляции, в которой партизаны оказались в 1941 году, во многом способствовало и то, что в большинстве своем они были «ярыми сторонниками» советской системы, а не простыми гражданами. Среди партизан была высока доля городских жителей и людей, занимавшихся на селе посты хозяйственных и партийных руководителей; крестьян было мало. Связь командиров и многих рядовых партизан с партией и НКВД была не способна внушить простым сельским жителям любовь к ним. Хотя данное обстоятельство на ранних этапах мешало партизанскому движению заручиться поддержкой населения, оно способствовало довольно высокой степени сплоченности и лояльности к режиму самих партизан. Кроме того, проводимая немцами политика уничтожения коммунистов просто не остав-

³⁸ Гнедаш С. Воля к жизни. М.: Воениздат, 1960. С. 49.

³⁹ Партизанская борьба... на территории Смоленщины. С. 274.

ляла им выбора. Однако, несмотря на попытки использовать имевших опыт конспиративной работы «старых большевиков», «аппаратчикам» недоставало необходимой подготовки и знания местности. И что еще более важно, партизанам не хватало того, что могло дать партизанскому движению лишь время, – процесса «естественного отбора», путем которого те, чьи психологические качества делали их непригодными для партизанской жизни, должны были быть удалены или, во всяком случае, отстранены от командования.

Итог всех этих недостатков можно сформулировать кратко. Первые партизанские отряды несли огромные потери; во многих районах, в особенности на враждебно настроенной Западной Украине, они исчезли бесследно. Практически никаких значительных успехов в военном отношении добиться не удалось. Остатки партизанских отрядов скрывались в лесах или деревнях либо пытались добраться до занимаемых Красной армией позиций. В одном из неопубликованных советских источников признается, что в Сталинской (ныне Донецкой) области многие подпольщики и партизаны дезертировали или даже переходили на сторону немцев. Другие без разрешения «эвакуировались» в тыл за линию фронта; в одном из районов число таких «эвакуировавшихся» составило двадцать семь человек из тридцати трех, оставленных для подпольной работы. После войны кое-кто из этих людей в свое оправдание придумывал истории о несуществующих партизанских отрядах. В мае 1942 года даже потребовалось создавать совершенно новый «подпольный обком»⁴⁰. Одно из недавно появившихся советских мемуарных произведений, подводя итог сложившейся ситуации, прямо утверждает, что крупные по размаху, но непродолжительные действия партизан (в Киевской области) в конце лета 1941 года стали лишь «прологом к организации и ведению партизанской войны на Украине»⁴¹.

2. Второй этап: декабрь 1941 г. – осень 1942 г.

Сигналом к началу второго этапа, характеризующегося появлением практически заново организованного партизанского движения, послужил разгром немцев под Москвой. Тогда удалось не просто остановить наступление, а нанести противнику поражение, имевшее важнейшее значение. И хотя силам немцев удалось избежать полной катастрофы, способность Красной армии снова сражаться на равных стала очевидной. Большинство населения на оккупированной территории больше не считало, что советская система потерпела крах. Простому человеку теперь не надо было думать о том, как приспособливаться к жизни в условиях жесткого немецкого правления, тем более что попытка приспособиться могла оказаться отнюдь не безопасной в случае возвращения советской власти.

Звучит иронично, но отчасти сами по себе победы немцев на раннем этапе стали причиной создавшегося положения, при котором резкое изменение общественного мнения могло стать основой для возрождения партизанского движения. В течение лета и в начале осени миллионы советских солдат оказались отрезанными за вражеской линией фронта. Большинство попало к немцам в плен. И хотя многие (главным образом лица украинского происхождения) позднее были отпущены, сотни тысяч оказались брошенными голодать за колючей проволокой. Появление слухов о подобном обращении заставляло остававшихся на свободе солдат всеми силами стремиться избежать плена. Они тысячами прятались в деревнях, стараясь не попадаться никому на глаза. Те, кому это не удавалось, скрывались в лесах и боло-

⁴⁰ Холоденин А. Коммунистическая партия – вдохновитель и организатор борьбы трудящихся Сталинской области против немецко-фашистских захватчиков (октябрь 1941 – сентябрь 1942 г.): Неопубликованная диссертация. Киевский гос. университет, 1956. С. 42–48. Одна из недавних советских публикаций, умалчивая причины, также признает, что было необходимо создать «параллельно действующую подпольную» организацию в Сталинской области. (См.: Петров Ю. Коммунистическая партия – организатор и руководитель партизанского движения в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1958. № 5. С. 27.)

⁴¹ Бета В., Кузя Л. Указ. соч. С. 49.

тах. Там они сбивались в отряды для самозащиты и добычи пропитания. Появление подобных спонтанно возникавших отрядов является единственной крупницей правды в широко распространенном после войны в эмигрантских кругах мифе о том, что партизанское движение якобы стало самопроизвольным восстанием русского народа против немецкой оккупации. На самом же деле «спонтанно возникавшие» отряды были почти целиком озабочены проблемой выживания. Их нападения на деревни и атаки против созданных там немцами из местного населения вспомогательных полицейских сил в первую очередь имели целью добычу продовольствия.

В любом случае большинство «кочующих» групп красноармейцев вскоре попадало под контроль представителей режима. Так же как и партийные «аппаратчики», политработники Красной армии (комиссары и политруки) объявлялись немцами вне закона, и в результате у них не оставалось иного выбора, кроме сохранения лояльности к советскому режиму. Многие офицеры Красной армии также считали себя связанными обязательствами с системой. Пока перспективы существования советского режима выглядели безнадежными, эти люди мало что могли сделать для активизации согласованных действий солдат против немцев. Зачастую сами офицеры и политруки пребывали в апатии и бездействовали. Возникшие после поражения немцев в декабре 1941 года перспективы победы Советского Союза побуждали ярых сторонников системы на активные действия; порой даже незначительные успехи Красной армии имели тот же результат. Очень часто на помощь офицерам Красной армии приходили остатки территориальных партизанских отрядов.

Описанный выше процесс происходил главным образом в северных лесистых и болотистых регионах: в Белоруссии, в Брянских лесах и в более удаленных к северу частях оккупированной территории РСФСР. В этот период на Украине и в степных областях РСФСР партизан практически не было, немцы быстро очистили эти места от отрезанных от основных сил красноармейцев. Но с точки зрения ближайших военных задач возрождавшиеся там партизанские силы находились в выгодном положении, поскольку были способны оседлать ведущие к главным полям сражений линии немецких коммуникаций. Поэтому, несмотря на другие неотложные дела, режим (действуя главным образом через командиров Красной армии и политработников) прилагал огромные усилия по организации, снабжению и централизации управления разрозненными и плохо организованными солдатами-партизанами. Для этого очень широко использовались радиосвязь и воздушное сообщение. Группы, высаживающиеся на парашютах или направляемые через коридоры, вступали в контакт с партизанами, смещали ненадежных командиров, а от других добивались подчинения Москве.

К лету 1942 года возникавшие в результате вышеописанного процесса партизанские отряды по количественному составу значительно превосходили те, чья численность в соответствии с территориальным планом не должна была превышать двухсот человек. Как правило, численность партизанской группы (вполне заслуживающей обобщающего названия «бригада») составляла от 350 до 2000 человек. В отличие от территориального отряда партизанская бригада не была привязана к одной административно-территориальной единице, и многие партизанские отряды время от времени перемещались. Но такие перемещения, как правило, происходили нечасто и вызывались необходимостью, а не были подчинены какому-либо плану. Если отряду удавалось занять выгодную позицию по отношению к немецким коммуникациям, он мог относительно успешно проводить свои операции. Но даже в таких условиях в каждом отдельном случае эффективно использовать удавалось лишь небольшую часть имевшегося личного состава. Партизаны стремились избегать рискованных или требовавших значительных усилий операций, ибо после периода огромных трудностей и лишений их положение к тому времени стало относительно безопасным и благополучным. Поскольку в большинстве своем они являлись бывшими солдатами, призванными на службу из разных частей СССР, мало кто из них был связан с местным населением, но многие вступали

в связь с местными женщинами. Подобные связи усилили стремление партизан отвести от себя «гнев» немцев. В результате возродившееся партизанское движение с его крупной численностью и влиянием на достаточно обширной территории имело весьма скромные военные достижения. Вместе с тем, поскольку партизаны стремились ограничить свое пребывание лишь районами с благоприятными условиями местности, единственным значимым результатом их действий на большей части оккупированной территории могла стать лишь демонстрация того, что советская власть не перестала существовать.

3. Третий этап: осень 1942 г. – лето 1944 г.

Вполне очевидно, что описанное выше положение дел не могло полностью удовлетворить советский режим. Он прилагал значительные усилия для возрождения партизанского движения, направляя в него существенную часть и без того скудных людских и материальных ресурсов. Взамен удалось получить довольно мощное политическое орудие и нанести кое-какой ущерб линиям немецких коммуникаций. Однако требовалось намного большее, в особенности потому, что численность партизан постоянно возрастала.

Предпринятые советским режимом меры шли в двух направлениях. Во-первых, там, где это было возможно, партизанские отряды должны были усилить удары по немецким коммуникациям. Последовавшие ответные удары немцев расшевелили партизан и вынудили их отказаться от «оседлого» образа жизни. «Семейные связи» оказались нарушенными. В результате в Белоруссии и находящихся севернее районах РСФСР в действиях партизан стала наблюдаться большая активность, но масштабы вооруженной борьбы по-прежнему оставались ограниченными в сравнении с огромным количеством вовлеченных в нее людей. На юге был выбран несколько иной курс. Партизаны в районе Брянских лесов занимали исключительно важное в стратегическом отношении положение, находясь в непосредственной близости к основным немецким позициям. К концу 1942 года, после советской победы под Сталинградом, отступление немцев было лишь делом времени. После этого местоположение партизан теряло свои стратегические преимущества по отношению к немецкой армии. С другой стороны, Брянские леса по своему стратегическому положению были выгодно расположены по отношению к Украине. Они находились на стыке с северной оконечностью раскинувшихся на востоке Украины степей (между ними находилась переходная зона, или лесостепь). К тому же скрытый разрозненными лесными массивами путь вел от Брянска к Днепру. За Днепром находились обширные леса Северо-Западной Украины, где до этого времени партизаны практически не появлялись. Поэтому Брянские леса предполагалось использовать в качестве гигантского плацдарма, откуда партизанское движение должно было распространяться на новые регионы⁴². План действий в течение 1943 года предусматривал переброску украинских партизан (которые тогда почти целиком базировались в южной части Брянских лесов) на запад и юго-запад.

«Выполнение этого важнейшего задания было сопряжено с серьезными трудностями, в особенности в малолесных и степных районах, занимавших большую часть территории Украины. Их можно было преодолеть путем переброски сильных, хорошо вооруженных и обеспеченных всем необходимым партизанских соединений из северных, лесистых районов Украины на правый берег Днепра и дальше на юг и юго-запад, в районы, где находились важнейшие коммуникации армии противника. Именно такое задание было дано в Кремле 2 сентября 1942 года руководителями партии командирам двух самых сильных партизанских соединений Украины – С.А. Ковпаку и А.Н. Сабурову. Их соединения должны были проло-

⁴² Партизанские были. С. 253.

жить другим крупным партизанским соединениям путь на запад, на правобережную Украину»⁴³.

Эти «кочующие» отряды стали отличительной особенностью последнего этапа партизанской войны. Пользуясь дезорганизацией немцев и катастрофической нехваткой у них войск и техники после поражения под Сталинградом, партизанские соединения перемещались на сотни километров. Обычно «кочующие» отряды держались в лесах. Партизанские штабы прилагали огромные усилия, стремясь заставить такие отряды выдвигаться в глубь степных районов, но даже эти партизанские части «особого назначения», как правило, не торопились выходить на открытую местность к югу от железной дороги на участке Киев – Ровно⁴⁴. Исключением стала кавалерийская бригада М.И. Наумова, хотя и ее достижения вряд ли были обнадеживающими. Бригада покинула Брянскую область в феврале 1943 года, повернула на юг к Днепру (который перешла по льду около Черкасс) и успела пересечь большую часть степной полосы Украины до того, как ее почти полностью уничтожили в лесах к западу от Киева. Из 1400 человек, участвовавших в рейде, лишь трехстам удалось укрыться в лесах на севере Украины в нескольких километрах от Днепра. Там Наумов и уцелевший личный состав его отряда сыграли свою роль в развитии партизанского движения на северо-западе Украины.

Более важное значение в этой «пересадке» партизанского движения на «новую почву» имели действия бригад под командованием С.А. Ковпака и А.Н. Сабурова, которые двигались от Брянска прямо вдоль среднего течения Днепра, где река переходит из Белоруссии на Украину. Вслед за ними последовали другие партизанские группы, и к лету 1943 года весь лесной регион Северо-Западной Украины, к востоку от Волыни, превратился в новый партизанский плацдарм. В целом в плане военных достижений эта «пересадка» дала весьма скромные результаты, но имела, как оказалось впоследствии, крайне важное политическое значение. Более того, в 1944 году «кочующие» отряды стали готовым орудием для распространения советского партизанского движения на соседние страны.

Борьба с партизанами

1. Проникновение

Послевоенный опыт, в частности в Малайе и на Филиппинах, показал, что одним из самых эффективных методов борьбы с партизанами является использование небольших по численности подразделений хорошо подготовленных солдат, проникающих в леса, где находятся партизаны. Сражающиеся с ними войска имеют в своем распоряжении весь набор современных технических средств ведения войны, но им приходится передвигаться «ошупью», с тем чтобы не выдать своего присутствия партизанам. Их атаки способны уничтожить и деморализовать всех партизан в зоне проведения операций, но в первую очередь целями для них являются командные кадры партизанского движения.

В ряде случаев немцы весьма успешно использовали подобную тактику. Подразделение «Граукопф», в состав которого входили в основном русские, сочетало отвлекающие действия с проникновением. Оно сыграло существенную роль в сокращении численности партизан, сосредоточенных в районе Ельни и Дорогобужа, хотя последних удалось полностью уничтожить другими методами. Были и другие аналогичные примеры. На юге Брянской области группа сотрудничавшего с оккупантами Бронислава Каминского отчасти использо-

⁴³ Советские партизаны. С. 475.

⁴⁴ Вершигора П. Рейд... С. 106–107.

вала тактику проникновения. Небольшие отряды крымских татар при поддержке немцев и их союзников наносили удары по советским партизанам в горах Крыма. Украинские партизаны-националисты (обычно без поддержки немцев) вели настоящую войну против советских партизан в лесах Северо-Западной Украины.

Примечательно, что во всех этих примерах основная нагрузка по проведению операций против партизан выпадала на долю подразделений, состоявших из их соотечественников, а немцы лишь направляли и поддерживали их действия. Опыт последних лет свидетельствует, что проникающие в места расположения партизан подразделения вовсе не обязательно должны состоять из местного населения, но, как легко понять, «чужакам» требуется больше времени для подготовки и ознакомления с условиями местности. Немцам не хватало времени и ресурсов для самостоятельного успешного проведения операций по проникновению. Они крайне неохотно выделяли даже небольшие силы своих отборных войск для борьбы с партизанами. Ввиду сильной нехватки войск на фронте немецкая позиция вполне понятна. Лишь очень сильные и умеющие приспосабливаться к нелегким условиям молодые солдаты способны выдержать все тяготы такого вида операций против партизан. Пожилые люди, преобладавшие в немецких охранных войсках, были не только физически негодны, но и просто боялись густых лесов. Если бы немцы в начале войны оказались готовы провести призыв на службу советских граждан, то им удалось бы создать большое количество способных эффективно действовать подразделений, аналогичных описанному выше. Но к тому моменту, когда указание Гитлера не вооружать «недоразвитых» славян выполнялось уже не столь строго, времени для тщательной подготовки, которой требуют операции по проникновению, уже не осталось. Партизанам удалось хорошо закрепиться; антисоветски настроенная часть местного населения оккупированных территорий оказалась деморализованной. В таких условиях было трудно подобрать надежных исполнителей для проведения операций. Более того, особый характер действий советских партизан ставил под сомнение успех проведения данного вида операций в качестве основного средства борьбы с партизанами. Небольшие подразделения, выполнявшие операции по проникновению, могли наносить крупным партизанским бригадам лишь беспокоящие удары, но были не в силах уничтожить их полностью. Кроме того, при отсутствии поддержки с воздуха или более совершенного оружия значительно снижалось преимущество подразделений, направляемых на борьбу с партизанскими отрядами, равными им по численности.

2. Блокпосты, окружение и прочесывание

Основные тактические приемы, широко использовавшиеся немцами, включали в себя создание блокпостов для охраны важных шоссейных и железных дорог, а также периодически проводимые крупные операции по окружению и прочесыванию лесов, где находились основные опорные пункты партизан. Первый тактический прием был чисто оборонительным, но он в значительной мере способствовал достижению одной из главных целей – не дать партизанам возможности ослабить военные усилия Германии, направленные против советских регулярных сил. В северных регионах, не имевших крупного промышленного производства, немцев не особо беспокоило положение в районах, удаленных от городов, шоссейных и железных дорог, пока там сохранялось спокойствие. В городах находились немецкие гарнизоны, чьи посты располагались через определенные промежутки вдоль дорог. Небольшие мобильные группы периодически патрулировали дороги или оказывали помощь блокпостам в случае нападения на них. Как правило, этих оборонительных мер в сочетании с эффективной системой ремонта дорог было вполне достаточно для сохранения линий коммуникаций. Эти меры не могли предотвратить отдельных повреждений шоссейных и железных дорог, а также внезапных согласованных действий партизан (особенно в

1943 и 1944 годах) по нарушению движения транспортных потоков, но они оказались способны помешать полному прекращению движения.

У немцев в решающие моменты какой-либо кампании, разумеется, вызывали беспокойство потенциальные возможности партизан по нарушению движения транспорта. Поэтому немецкое командование признавало необходимость наступательных действий для сдерживания растущей мощи партизан. Тактика окружения и прочесывания стала главным средством немцев для достижения этой цели. Крупные подразделения войск блокировали лесные районы, где базировались партизаны. Когда все выделенные для проведения операции подразделения прибывали на место, они начинали движение к центру окруженного района, уничтожая на своем пути всех встречавшихся им партизан. Если удавалось сохранить кольцо окружения и тщательно обыскать весь район, то теоретически по окончании проведения операции партизан не должно было остаться вообще. Там, где численность осуществлявших окружение войск была крупной, район прочесывания небольшим, а партизаны были слабы или неопытны, такая тактика время от времени приносила успех. В одном случае (в районе Ельни и Дорогобужа) она оказалась успешной и тогда, когда партизаны были сильны и многочисленны. В этом случае важным фактором стало то, что партизаны, усиленные большим количеством войск Красной армии, в военном отношении представляли собой скорее регулярную часть. Партизаны в районе Ельни и Дорогобужа действовали столь успешно, были так хорошо вооружены и подготовлены к проведению военных операций, что смогли сражаться с немцами, приняв их правила игры. Партизаны нанесли противнику значительный урон, но сами были полностью уничтожены. Следует отметить, что впоследствии в этом районе не произошло возрождения партизанского движения в крупных масштабах. В последующие годы в ряде случаев немцам удавалось ловить крупные партизанские группы (такие, например, как отряды Наумова и Ковпака) на открытой местности или в малопригодных для партизан районах, где их можно было почти полностью уничтожить путем окружения. Но в густых лесах и болотах, являвшихся основными районами действий партизан, ядру окруженного партизанского отряда почти всегда удавалось прорваться через слабые места в кольце окружения и скрыться в близлежащих лесных районах.

Поэтому такая тактика редко позволяла немцам уничтожить большое количество партизанских отрядов или их командиров, а рядовым партизанам всегда можно было найти замену. Однако это отнюдь не означает, что данная тактика была выбрана неверно. Она мешала наращиванию сил партизан и срывала их планы, резко ослабляла их боевой дух, в особенности когда они оказывались лишены жилищ на зиму, запасов продуктов питания и воздушного сообщения, а также на время уменьшала угрозу линиям коммуникаций. Подобная тактика позволяла воспользоваться изначально присущими партизанам слабостями, связанными с их зависимостью от лагерей или аэродромов; она также давала возможность немцам использовать свои определенно сильные стороны. И хотя в борьбе с партизанами немцы не стремились постоянно действовать силами более крупными, чем ограниченное количество второразрядных войск охраны, время от времени они могли себе позволить привлекать для коротких операций значительные подразделения, снятые с фронта. В Ельнинской операции, которая была особенно крупной и продолжительной, в течение почти двух месяцев использовались два армейских корпуса. В конце весны 1943 года примерно такие же силы действовали в течение нескольких недель на севере Брянской области. Поскольку привлеченные войска не проходили специальной подготовки, их отсутствие на фронте по времени не намного превышало продолжительность самой операции. Подобным же образом для коротких операций удавалось получить необходимое количество самолетов наблюдения, когда потребности фронта в авиации были не столь высоки.

3. Операции против гражданского населения

Учитывая, что главной целью было обеспечение безопасности коммуникаций, а не усмирение непокорных, используемая немцами тактика сама по себе была неплохим средством снизить наносимый партизанами ущерб, при затрате на это минимальных ресурсов. Но тактика немцев заставляла их не считаться с населением занятых партизанами районов и так называемых «сумеречных зон», находившихся на стыке с ними. Если предположить, что немцы оказались бы готовы платить иную цену, то есть как можно меньше тревожили бы беззащитное местное население при проведении операций против партизан, они, вероятно, проявили бы больше благоразумия. В весьма успешной Ельнинской операции отношение к гражданскому населению было достаточно взвешенным. Но в большинстве случаев при проведении операций против партизан немцы придерживались мнения, что, поскольку гражданское население снабжает партизан продуктами и разведывательными сведениями, оно должно быть наказано. К тому же немцы полагали, что уничтожение сельскохозяйственной продукции заставит партизан голодать. В результате ужасные злодеяния совершались против гражданского населения, в том числе против стариков, женщин и детей. Сожжение деревень было одной из главных отличительных черт операций по прочесыванию местности. Кроме этого, немцы проводили облавы на всех трудоспособных молодых мужчин и женщин для отправки их на работу в Германию. Совокупный результат подобных мер приводил к тому, что нейтрально настроенная часть местного населения обращала свои взоры в сторону партизан, что, в частности, обеспечивало приток в их ряды свежих сил из лиц, стремившихся избежать отправки на работу в Германию. Теоретически немцы могли бы добиться изоляции партизан путем полной эвакуации населения из районов проведения операций, но обширные пространства и количество жителей, трудные условия местности, а также сила самих партизан делали подобное решение проблемы невозможным. Антигуманные полумеры способствовали полному отторжению населения от немцев и значительно облегчили советскому режиму проблему возврата поддержки народа.

4. Местная самооборона

Одним из относительно эффективных методов борьбы с партизанами является вооружение местного населения для самозащиты. Учитывая цели Германии, подобный тактический ход в лучшем случае мог иметь второстепенное значение. Там, где антисоветские элементы сотрудничали с немцами, например в отдельных районах Брянской области и в Крыму, деревенская самооборона в сочетании с операциями по проникновению использовалась уже на ранних этапах. Немного позднее в деревнях немцы стали вооружать отряды местной вспомогательной полиции. Эти отряды сыграли существенную роль в поддержании порядка, например в районе Ельни и Дорогобужа. Как правило, отряды полиции были плохо вооружены, а их боевой дух был слишком низок для успешной борьбы с партизанами, но созданные в отдельных районах в 1944 году так называемые «укрепленные деревни» в ряде случаев успешно отбивали атаки партизан.

Оценка. Эффективность партизанского движения как средства ведения войны с помощью нерегулярных сил

В очередной раз следует подчеркнуть, что невозможно разделить политические и военные составляющие любых партизанских операций. На предыдущих страницах достаточно ясно показано, что существовала постоянная тесная взаимосвязь между военной и полити-

ческой обстановкой в районах партизанских операций, а также то, что и партизанские операции, и операции немцев неизменно влекли за собой важные политические последствия. Но для анализа представляется возможным провести разграничение между тем, как результаты партизанских операций в политическом и военном отношении повлияли на исход войны, и тем, какое значение в более отдаленном плане они имели для советской системы в целом. В последующих разделах мы попытаемся определить, какое влияние партизаны оказали на состояние военной мощи воюющих сторон.

1. Разрушение коммуникаций

Одной из главных задач, поставленных советским режимом перед партизанами в самом начале войны, было разрушение немецких коммуникаций. Достижению этой цели придавалось огромное значение на протяжении всей войны. Как отмечено в предыдущих параграфах, германские контрмеры не позволили полностью нарушить сообщение ни по одной из имевших важное значение дорог. Начиная с лета 1942 года атаки партизан, не представляя непосредственной угрозы для немецких фронтовых частей, сильно замедляли поставки и передвижение войск, вызывали нехватку боеприпасов и продовольствия и уменьшали количество подвижного состава железных дорог. В отдельных случаях (например, в городе Дрисса к северо-западу от Полоцка) атаки партизан выводили из строя имевшие важное значение мосты. Крупные операции по разрушению коммуникаций координировались с действиями Красной армии. Весной 1943 года одна из таких операций была проведена на ведущей к Брянску основной железнодорожной магистрали, когда немцы стягивали свои силы для последнего главного наступления (план «Цитадель»). Последовавшая задержка наступления отчасти стала причиной его полного провала. Подобным же образом партизаны своими согласованными действиями по разрушению железных дорог в ночь с 3 на 4 августа 1943 года содействовали контрнаступлению Красной армии, последовавшему сразу после того, как было остановлено немецкое наступление. Крупнейшему наступлению Красной армии в Белоруссии следующим летом предшествовали скоординированные действия партизан, в ходе которых была предпринята попытка провести девять тысяч подрывов железнодорожного полотна. Последовавшее временное прекращение железнодорожного сообщения сильно снизило мобильность немецких частей⁴⁵. Хотя операции по разрушению железных дорог вряд ли были способны кардинально изменить стратегический баланс сил, они имели немаловажное значение. Учитывая то, что советским войскам так никогда и не удалось достичь превосходства в воздухе, способного воспрепятствовать продвижению немцев, операции партизан являлись ценным дополнением, а в отдельных случаях сознательно использовались вместо ударов с воздуха.

2. Боевая поддержка Красной армии

Как и все нерегулярные силы, советские партизаны были призваны наносить беспокоящие удары, а не вести крупномасштабные действия против регулярных войск противника. Сознавая это, советское командование не часто отдавало партизанам приказы атаковать тыловые районы, находившиеся на передовой немецких войск. Такими атаками вряд ли можно было добиться максимального в военном отношении успеха, поскольку принимающие в них участие партизаны почти неизбежно были бы уничтожены. Но в особых условиях партизанские подразделения использовались в военных действиях в качестве вспомогательных сил Красной армии. Во время немецкого контрнаступления в районе Житомира в ноябре 1943 года несколько крупных партизанских частей прикрывали отход регулярных

⁴⁵ Teske H. Die silbernen Spiegel: Generalstabsdienst unter der Lupe. Heidelberg: Kurt Vowinkel, 1952. С 210–225.

советских войск на правом фланге в лесах и болотах реки Припяти⁴⁶. Крупная концентрация партизан и войск Красной армии в районе Ельни и Дорогобужа отчасти представляла собой попытку советского командования отрезать основные силы немецкой группы армий «Центр» на подступах к Москве. Эта попытка провалилась, и партизаны в конечном итоге были уничтожены. Партизаны оказывали помощь войскам, вклинившимся (в районе Кирова и Витебска) в занимаемые немцами позиции зимой 1941/42 года, и позднее помогали частям Красной армии при форсировании рек. Но в целом результаты непосредственного участия партизан в боевых действиях были весьма скромными.

3. Разведка

Роль партизан в сборе важной в военном отношении информации, несомненно, была более существенной, но точно оценить ее довольно трудно. Как упоминалось выше, первоначальный план не предусматривал масштабного участия партизан в сборе разведывательной информации. На протяжении войны советский режим поддерживал связь с большим количеством подпольных разведывательных сетей на оккупированной территории. Часть из них оставалась полностью независимой от партизан. Но многие тайные агенты пользовались партизанскими базами, когда им грозил арест, да и просто в тех случаях, когда требовался отдых от напряжения, в котором постоянно находится разведчик. Даже когда тайный агент не шел к партизанам, сознание того, что рядом есть место, где можно укрыться в случае опасности, поддерживало его морально. Помимо этого, партизаны обеспечивали прямую радиосвязь с советским командованием, передавая разведывательные сведения и получая инструкции. Видимо, желание наладить оперативную передачу разведывательных сведений стало главной причиной того особого внимания, которое уделялось обеспечению партизан рациями. Партизаны вносили свой вклад в сбор разведывательной информации путем создания собственной сети осведомителей, часто занимавшихся сбором не только сведений, касавшихся планов противника в отношении партизан, но и полезных в целом для советской разведки. На более поздних этапах войны партизаны смогли даже подключаться к телефонным линиям немцев. Все это, несомненно, существенно помогало советским военным усилиям, в особенности потому, что Красная армия не обладала теми возможностями радиоперехвата для получения сведений о военных планах противника, какими обладали немцы.

4. Подрыв экономики

Немцы были заинтересованы в производстве продукции на оккупированных территориях, в частности для поддержки своих армий на полях сражений. Если бы партизанам удалось существенно повлиять на уменьшение ее выпуска, они бы нанесли серьезный ущерб военным усилиям противника. Однако те районы, где действовали партизаны, не имели важного экономического значения. Партизаны на протяжении всей войны препятствовали сбору немцами продовольствия в Белоруссии и прилегающих районах Российской Федерации; начиная с 1943 года они срывали планы по сбору продовольствия на севере Украины. Но в этих регионах традиционно ощущался дефицит продуктов питания, их неплодородные почвы не могли обеспечить продовольствием само коренное население. Даже при отсутствии давления со стороны партизан, немцы смогли бы «выжать» из этих неплодородных земель лишь небольшую часть зерна и мясомолочной продукции из того количества, которое они рассчитывали получить на оккупированной территории. Имевшие действительно важное значение излишки продовольствия были в центральных и южных областях Украины, а

⁴⁶ Советские партизаны. С. 491.

также в оккупированных черноземных областях РСФСР (большинство которых, кроме Курской области и Крыма, немцы занимали очень небольшой период времени). Партизаны мало чем могли помешать сбору продовольствия в этих степных регионах. Имеющиеся статистические данные о сборе немцами продовольствия свидетельствуют, что по меньшей мере до 1943 года планы поставок зерна в основном выполнялись за счет зерна, производимого на Украине. Планы по мясу и молочным продуктам были выполнены не полностью, чему отчасти способствовали действия партизан, но основными причинами этого стали бойкот крестьян и неучтенная реквизиция продовольствия немецкими частями.

Предприятия горнодобывающей и металлургической отраслей также почти полностью располагались в южных степных регионах – в Донбассе и Днепропетровске. Если бы партизанам удалось помешать добыче полезных ископаемых, в частности марганца, они бы нанесли серьезный урон промышленности Германии, но партизанские отряды, действовавшие в непосредственной близости к ведущим добычу марганца рудникам, удалось быстро и без труда уничтожить. На западе Украины рейдовый отряд Ковпака предпринял попытку уничтожить важные нефтяные промыслы Галиции, но не добился успеха. Предприятия других отраслей промышленности также были сконцентрированы в городах, расположенных в степных регионах. Даже второстепенные производственные центры в городах Белоруссии и Брянской области были надежно защищены немецкими гарнизонами от атак партизан. Жестокие преступления нацистов, в частности насильственная отправка рабочей силы в Германию, постоянно испытываемый населением городов вследствие прекращения поставок продовольствия голод и убийство сотен тысяч квалифицированных работников еврейской национальности, сыграли куда более существенную роль в снижении уровня промышленного производства, чем действия партизан.

Наиболее серьезные последствия их действия имели для производства древесины. Места ее заготовки были расположены в районах действий партизан. Они уничтожили или захватили много небольших лесопильных заводов в районах Брянска и Припяти, а также препятствовали сплаву леса по рекам Припять, Днепр и Сож. К августу 1943 года немцы были лишены почти 80 процентов круглого леса и лесоматериалов, необходимых им на Украине, вместе с тем половина лесопильных заводов Белоруссии была уничтожена, а план по заготовке древесины был недовыполнен на 44 процента. В целом в 1943 году партизанам удалось уменьшить объем лесозаготовок почти на 35 процентов, а производство лесоматериалов – на 42 процента. Вмешательство партизан в процесс заготовки древесины косвенно повлияло на добычу угля, поскольку шахты Донбасса не могли нормально работать без поставок крепежного леса.

5. Материальные и людские ресурсы

Приведенная выше оценка достижений партизан показывает, что материальный ущерб, нанесенный ими военным усилиям Германии, и материальная помощь, оказанная военным усилиям Советского Союза, были существенными, но далеко не впечатляющими. Однако, прежде чем подводить итоги этих достижений, необходимо рассмотреть затраты, на которые пришлось пойти советской системе ради этих достижений, а также степень истощения ресурсов Германии в результате мер, предпринятых для ограничения действий партизан.

Выделяемые немцами материально-технические ресурсы для борьбы с партизанами были незначительными. Немцы просто не использовали большого количества броневой техники или других видов вооружений, в которых ощущался недостаток. Оккупационные войска немцев были плохо вооружены, а вспомогательные силы, набираемые из местного населения, обычно получали захваченное у противника оружие, которое не могло эффективно использоваться находившимися на фронте немецкими войсками. Незначительное количе-

ство самолетов, выделявшихся для борьбы с партизанами, почти всегда в случае крайней необходимости могло быть изъято для иных целей. Советский вклад материально-технических ресурсов в партизанское движение был куда более существенным. Главные партизанские штабы, такие, например, как Украинский штаб партизанского движения, имели в своем распоряжении самолеты, а для поддержки партизан на время выделялись значительные авиасредства из воздушных частей Красной армии. Но использование этих самолетов существенно не влияло на уменьшение советского воздушного потенциала, поскольку советские силы (после лета 1942 года) редко оказывались в таком положении, когда возникала острая потребность в авиации для достижения важнейших военных целей. Поскольку многое указывает на то, что советский режим до конца 1942 года был не способен обеспечить партизан оружием и техникой в достаточной мере, становится ясным, что количество выделяемого до этого времени вооружения и техники истощало и без того ограниченные советские ресурсы. На протяжении войны возрастающие поставки партизанам вооружения играли уже менее заметную роль в плане истощения советских запасов, поскольку увеличение объемов производства и помощь западных союзников быстро исправили создавшееся положение.

Более важное значение имел баланс людских ресурсов. Изучение немецких отчетов и послевоенных советских источников позволяет дать вполне точную оценку численности советских партизан. В начале 1942 года на всей оккупированной территории было всего около 30 000 активно действовавших партизан, но уже к лету того же года их количество значительно выросло. Из общего количества, равного 150 000 человек, большая часть находилась в Белоруссии и прилегающих к ней регионах. Советские утверждения о том, что на Украине в июне 1942 года действовали 33 000 партизан, преувеличены, даже если включить в это число значительную часть украинских партизан, скрывавшихся на южной границе Брянских лесов⁴⁷. Другие советские источники более осторожны в своих оценках. В одном из них говорится, что в начале 1943 года в Белоруссии было 58 000 партизан и 40 000 в РСФСР, а общее количество партизан на всей оккупированной территории составляло 120 000 человек⁴⁸. Еще в одной советской работе указывается, что в мае 1943 года в Белоруссии было 75 000 «вооруженных» партизан и 20 000 на Украине⁴⁹. В любом случае последние цифры дают меньшее совокупное количество, чем то, которое можно получить по немецким отчетам, где указывается, что в середине 1943 года общая численность партизан составляла 200 000 человек. По всей видимости, верной является немецкая оценка уменьшения общей численности партизан до 175 000 человек после того, как часть наводненной партизанами территории была освобождена Красной армией в следующем году. Но немецкие и советские источники практически не расходятся в своих оценках общего количества людей, вовлеченных в партизанские действия на всем протяжении войны. Согласно советским источникам, 360 000 вооруженных партизан было в Белоруссии, 220 000 на Украине; с учетом партизан в РСФСР и других регионах указывается общее количество в 700 000 человек⁵⁰. Принимая во внимание многие факторы, неизбежно влияющие на точность оценки, советские цифры ненамного расходятся с оценкой численности партизан от 400 000 до 500 000 человек, получаемой по немецким документам. Ясно, что степень истощения живой силы партизан была высока, но нельзя точно сказать, какова в этом процессе была доля собственно потерь и какова доля отозванных и дезертировавших из партизанских отрядов.

⁴⁷ Супруненко М. Украина в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945 гг. Киев: Госполитиздат, 1956. С. 200.

⁴⁸ История Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 446.

⁴⁹ Петров Ю. Указ. соч. С. 37.

⁵⁰ Петров Ю. Указ. соч. С. 37.

Возможное общее количество в полмиллиона человек представляло собой весьма существенный вклад людских ресурсов, в особенности если учесть огромные советские военные потери и, как результат, острую нехватку призывников и рабочей силы. Однако вполне понятно, что было бы неправильным использовать эту цифру в качестве основы для оценки вклада партизанского движения в советские военные усилия, поскольку советский режим находил много других применений партизанам. Ясно, что для него было предпочтительнее, чтобы люди находились среди партизан, а не оказывались в распоряжении немецких властей на оккупированных территориях. Существует много свидетельств того, что людским ресурсам партизан часто находилось альтернативное применение. В ряде советских мемуаров приводятся примеры того, как пользующиеся доверием командиры и политработники убеждали отрезанных от основных сил красноармейцев не пытаться вернуться на фронт, поскольку советское руководство требует продолжения ими борьбы с врагом в рядах партизан. Зимой 1941/42 года коридоры на фронте делали довольно простым возвращение людей из многих партизанских отрядов на советские позиции, если бы это было угодно режиму. Например, в партизанских отрядах на севере Белоруссии в этот период было набрано и отправлено в Красную армию порядка 25 000 человек⁵¹. Трудно объяснить, почему большинство белорусских партизан не было отправлено таким же образом в состав регулярных войск. Даже после ликвидации коридоров масштабное воздушное сообщение с партизанами могло бы быть использовано для возвращения людей на фронт. Но нет свидетельств того, что это делалось, исключением являлись лишь те случаи, когда вывозились тяжело раненные партизаны. Напротив, полеты к партизанам предназначались для постоянной отправки к ним, пусть и в небольших количествах, хорошо подготовленных технических специалистов и офицеров. Поэтому можно сделать вывод, что использование советским режимом людских ресурсов в качестве партизан было сознательным выбором, а значит, его необходимо охарактеризовать как вклад в ведение войны нерегулярными силами. Основную массу партизан составляли люди призывного возраста, и, следовательно, они были потеряны для службы в Красной армии. В конце войны общая численность советских вооруженных сил составляла порядка 10 миллионов человек. В общей сложности в разные периоды, начиная с 1942 года, от 15 до 20 миллионов человек были призваны на службу в советские вооруженные силы (огромные потери, понесенные в 1941 году, будет, пожалуй, не совсем уместно включать в наш подсчет, поскольку до конца этого года не существовало альтернатив использованию живой силы партизан). Следовательно, можно сделать вывод, что партизанское движение поглотило от 2 до 4 процентов от общего количества имевшихся людских ресурсов, пригодных для службы в армии.

Тот размах, с каким людские ресурсы, используемые для партизанской войны, связывали равное количество людских ресурсов Германии, убедительно демонстрирует значение партизанских действий, даже без учета их прочих достижений. Конечно, советские утверждения о потерях, нанесенных партизанами немцам, звучат фантастично. Например, утверждается, что партизаны в Орловской области уничтожили 147 835 немцев⁵². В целом потери противника, понесенные от партизан во всех регионах, не превышали 35 000 человек. Гибель 224 немецких солдат во время одной партизанской атаки на воинский эшелон рассматривается в немецких донесениях как тяжелая потеря. Верно и то, что численность войск охраны на оккупированных территориях (в среднем от 200 000 до 250 000 человек в 1943 и 1944 годах) приблизительно равна численности активно действовавших в это же время партизан. Примерно половину от численности всех войск охраны составляли немцы. На первый взгляд

⁵¹ *Из истории партизанского движения в Белоруссии*. С. 460.

⁵² *Орловская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сборник документов и материалов*. Орел: Орловское книжное изд-во, 1960. С. 259.

может показаться, что имевшиеся в распоряжении Германии людские ресурсы, не используемые на фронте, были приблизительно равны подобным советским людским ресурсам. На самом же деле это было вовсе не так. Любая армия, имеющая протяженные линии коммуникаций в покоренной стране, вынуждена выделять существенное количество войск для их охраны, ибо, даже при отсутствии видимого вооруженного сопротивления, она должна охранять жизненно важные пути сообщения с находящимися в ее собственной стране базами от актов саботажа и стихийных восстаний населения. В действительности немцы крайне экономно выделяли войска для охраны линий коммуникаций; в 1941 году всего лишь одна дивизия охраняла 250 километров основной железной дороги в Белоруссии. Атаки партизан, несомненно, вынудили немцев увеличить количество войск охраны. С другой стороны, в случае крайней необходимости немцы могли посылать свои войска охраны на фронт. В других случаях регулярные войска могли сниматься с фронта для поддержки специальных операций против партизан. Со своей стороны советское командование не проявляло достаточной гибкости в использовании партизан для поддержки фронтовых частей и даже для оказания помощи одного партизанского отряда другим отрядам. Как правило, во время проведения операций против партизан район их расположения представлял собой полностью изолированный для действий немцев «остров».

Вторым, даже более важным фактором при оценке того, в какой степени действовавшие против партизан силы изымались из немецких людских ресурсов, является качественная характеристика войск охраны. Как правило, входившие в состав этих частей военнослужащие были слишком стары или физически непригодны для службы на фронте. От 20 до 25 процентов охранных частей представляли собой части, дислоцированные на оккупированной территории с тем, чтобы их можно было привлекать для охраны, пока они завершали процесс обычной военной подготовки. Хотя использование этих частей для борьбы с партизанами, возможно, и мешало их подготовке, как правило, они не были предназначены для действий на фронте.

Для борьбы с партизанами немцы использовали значительное количество войск стран-сателлитов (в основном словаков, венгров и румын). Подготовка и вооружение этих войск были такими плохими, а моральный дух столь низким, что на фронте они стали бы обузой. Аналогичным образом, большое количество подразделений вспомогательной полиции, набираемой из населения оккупированных территорий, могло иметь крайне ограниченное применение для действий на фронте. По существу, если во вспомогательной полиции не было необходимости, входившие в нее люди просто становились дополнительным контингентом рабочей силы для отправки в Германию, но там они не играли существенной роли в общем балансе людских ресурсов.

6. Общий итог

В целом можно сделать вывод, что ресурсы, направленные на борьбу с партизанами, хотя и существенные, были значительно меньше выделенных советским режимом партизанам. Поскольку материально ощутимые достижения партизан также были ограниченными, возникает вопрос, оказались ли усилия партизанского движения соразмерны вкладу в него ресурсов с точки зрения достижения победы в войне. Когда приходится иметь дело со столь значительным количеством различных факторов, дать однозначный ответ на подобный вопрос, разумеется, нельзя. Существовали определенные, едва уловимые нюансы, характеризующие вклад партизан в военные усилия для достижения победы, способные компенсировать отсутствие у них материально ощутимых достижений. Их внезапные атаки влияли на боевой дух немецких войск, хотя нет никаких подтверждений, что им удалось отбить у немцев охоту сражаться. Крупнейшим достижением партизан в психологическом плане стал их

вклад в превращение населения оккупированных территорий в настроенные против немцев массы. Но немцы и не стремились добиться лояльности местного населения, и, даже если бы им и удалось ее добиться, трудно сказать, как это повлияло бы на окончательный исход войны. Поэтому следует скорее сделать вывод о том, что с точки зрения вклада в победу в войне достижения партизанского движения в целом весьма сомнительны. Но, как будет показано в следующем разделе, партизаны внесли весомый политический и психологический вклад, оказавшийся крайне полезным для советской системы в долгосрочном плане.

Глава 3

Партизаны и тоталитарная система

Сохранение советского присутствия

Каковы бы ни были достижения партизан, они оказали крайне важную услугу советской системе, помогая сохранять присутствие этой системы на оккупированных территориях. Вероятно, больше, чем какая-либо другая политическая система, тоталитарная диктатура нуждается в сохранении жесткого подчинения своим требованиям. Своими первоначальными успехами тоталитарная система может быть обязана применению силы, но привычка подчиняться, коль скоро она является сознательной, опирается на веру во всемогущество режима, а отнюдь не возникает благодаря использованию насилия. Бок о бок с мифом о всемогуществе имеющих в распоряжении режима инструментов контроля соседствует миф об их вездесущности. Но стоит лишь военным поражениям поколебать заблуждения о всеилии и вездесущности, как тоталитарный режим оказывается в куда большей опасности, чем тогда, когда он широко опирается на добровольное согласие. Привычка подчиняться исчезает. Положение становится еще более серьезным, если режим утрачивает средства контроля на длительный период времени, а на смену ему приходит чужеродная власть. Даже если в конечном итоге ее удастся свергнуть, требуется большое количество времени для воссоздания мифа о всеилии и вездесущности восстановленного тоталитарного режима.

Эта точка зрения находит подтверждение в изменениях в сознании людей, связанных с образом советской власти, на территориях, оккупированных Германией в течение двух-трех лет. Последствия этого стали особо заметными после войны. Суровые меры сталинского режима по проверке благонадежности населения оккупированных территорий и по восстановлению жесткого контроля отражают стремление укрепить оказавшийся поколебленным миф путем использования насилия. Однако задаче восстановления советской власти, несомненно, во многом способствовал и тот факт, что эта власть никогда полностью не исчезала на большинстве оккупированных Германией территорий. В значительной степени сохранению советской власти, прямо или косвенно, способствовали партизаны.

На первый взгляд может показаться, что подобное утверждение противоречит выводу о том, что партизаны оказались не способны действовать на большей части оккупированной территории. В общей сложности население территории, оккупированной на длительное время Германией (без учета таких регионов, как часть Московской области и Северный Кавказ, захваченных всего на несколько недель или месяцев), составляло около 70 миллионов человек – примерно две пятых всего населения Советского Союза до войны. Всего лишь около 1 процента населения оккупированных частей СССР проживало на «партизанских территориях», то есть в районах, находившихся под контролем партизан, за исключением периодов, когда против них проводились операции. Большая часть этого населения проживала в изолированных районах Белоруссии, на северных границах Украины или удаленных к северу областях РСФСР. Более значительное количество населения данных регионов – от 15 до 20 миллионов человек – проживало в так называемой «пограничной» зоне и испытывало давление как со стороны партизан, так и немцев. В отдельных частях этой зоны немцам удавалось поддерживать шаткую власть. В деревнях назначались старосты из числа местных жителей. При отсутствии добровольно желающих занять эту должность на нее назначали произвольно, часто распределяя обязанности среди глав отдельных семей. Иногда в помощь старосте выделялся отряд вспомогательной полиции из местных жителей. Староста нес ответственность за поведение жителей деревни: он был обязан сообщать о всех

проявлениях антигерманских настроений, доводить до сведения населения постановления оккупационных властей, содержать в нормальном состоянии дороги и снабжать немцев по разнарядкам продовольствием и людскими ресурсами. Если староста действительно был настроен антисоветски, то вскоре выяснялось, что обременительные обязанности делают его в глазах населения орудием в руках немцев. Для партизан, обычно хорошо осведомленных о настроениях деревенских властей, антисоветски настроенный староста становился мишенью. Сотни старост были убиты; если партизаны не могли добраться до старосты, то их жертвами могли стать члены его семьи. Наоборот, если старосту насильственно принуждали выполнять свои обязанности, то партизаны, в свою очередь, пытались склонить его к тайному сотрудничеству. Не будучи столь хорошо осведомлены, как партизаны, немцы часто не знали об этом, если же это становилось им известно, старосту ждало суровое наказание, и даже лояльные к немцам старосты часто становились жертвами их карательных операций против партизан.

Стоящая перед старостами страшная дилемма касалась любого, кто занимал ответственные посты при немцах в северных сельских регионах, куда могла дотянуться партизанская «длинная рука» советского режима. Начиная с 1942 года партизаны всеми силами старались сделать невозможным продолжение процесса управления и функционирования экономики под властью немцев. Советские авторы находят этому весьма простое объяснение: любое сотрудничество с оккупантами было предательством. Кое-кто из советских авторов видит в кампании против коллаборационизма подтверждение всепобеда и всемогущества советской власти. Рассказывается, например, как один из партизанских командиров заявил старосте: «От нас нигде не скроешься. Предателю нет и никогда не будет спасения на советской земле»⁵³.

Угроза была преувеличенной, но отнюдь не пустой. Бесчисленное количество сотрудничавших с врагом чиновников бежало в занятые немецкими войсками города или в южные степные районы. Там, как отмечалось выше, партизаны не могли широко прибегать к физической расправе. Но почти в каждом городе активно действовали подпольные организации агентов режима. По советским источникам, подпольщики отличались от партизан, исключением было лишь то, что партизаны отчасти тоже подчинялись подпольным комитетам коммунистической партии. Как отмечалось, при проведении операций по сбору разведывательной информации вышеуказанное различие часто стиралось, когда подпольщикам требовалась поддержка партизан. В сентябре 1942 года для руководства пропагандистской работой подпольщиков в Центральном штабе партизанского движения был создан политический отдел⁵⁴. В деле ведения пропаганды и оказания психологического нажима партизаны и подпольщики становились дополнявшими друг друга членами «одной команды». Агенты подпольщиков вели просоветскую пропаганду там, куда не могли добраться партизаны. Часто подпольщики предостерегали коллаборационистов. Иногда вслед за угрозами следовали убийства. Даже если большинство людей на лишенных партизанского движения оккупированных территориях и не подвергались насилию со стороны советских агентов, они знали, что тайные представители режима находятся среди них. Если в тот момент режим и не был способен сохранить иллюзию своего всепобеда, простой гражданин степных регионов или городов не сомневался в его всемогуществе. Не оставался он в неведении и относительно всемогущества находившихся в северных районах партизан, поскольку слухи о действиях партизан, часто специально преувеличенные советскими агентами, распространялись и множились. Даже в крайне отдаленных от их баз районах партизаны помогали поддерживать миф о всепобеде советского режима.

⁵³ Артозеев Г. Партизанская быль. М.: Воениздат, 1956. С. 223.

⁵⁴ Петров Ю. Указ. соч. С. 29.

Влияние партизан, прямое или косвенное, отнюдь не ограничивалось лишь демонстрацией того, что нет и не может быть альтернативы советской власти. Всеми доступными средствами партизаны стремились восстановить в той или иной форме советскую власть. Их усилиям в огромной степени способствовала тонко рассчитанная избирательность в обращении с местным населением. Партизаны редко прибегали к карательным мерам в отношении сельских общин. Обращение с открыто антисоветски настроенными этническими группами, такими, например, как крымские татары, может считаться исключением, но даже в этом случае нельзя утверждать, что партизаны при проведении репрессий действовали огульно. Ядро антисоветских элементов уничтожалось, умеренные и бездействующие коллаборационисты подвергались унижениям, но обычно им оставляли надежду на искупление грехов. От простых граждан требовали неукоснительного выполнения обязательств перед советской системой, но в остальном обращение с ними было лояльным. Партизаны вовсе не стеснялись подвергать гражданское население страшному риску и лишениям, когда это оказывалось необходимым в интересах режима, но они не заставляли народ страдать беспричинно.

Командир партизанского отряда сам по себе являлся важнейшим представителем советской власти. Его связь с Москвой служила доказательством продолжения существования советской власти; следует отметить, что многие командиры забрасываемых на парашютах групп являлись москвичами, о чем они сообщали местному населению. Комиссар отвечал за пропаганду среди местного населения. Но в контролируемых партизанами районах по мере возможности обычно пытались восстанавливать существовавшую ранее партийную структуру. Там, где это было возможно, осуществлялся призыв в Красную армию людей призывного возраста. В зависимости от обстоятельств и текущих требований пропаганды затрагивались и другие критерии советской системы, например, делались попытки восстанавливать колхозы. Однако эталоном считалось полное воссоздание советских учреждений⁵⁵.

Нажим на крестьян

Рассматривая влияние партизан на население оккупированных территорий, не следует забывать, что прямое воздействие в основном оказывалось на село. В 1941 году две трети населения СССР проживало в сельской местности; в Белоруссии сельское население составляло почти четыре пятых. В составе его преобладали крестьяне. Небольшая часть так называемой сельской интеллигенции, состоявшей из мелких чиновников и лиц, не имевших непосредственного отношения к сельскому хозяйству, в основном эвакуировалась вместе с советскими войсками. В результате население районов, где ощущалось влияние партизан, почти целиком составляли крестьяне (за исключением отбившихся от своих частей красноармейцев, большинство которых также было крестьянского происхождения).

Подавляющее большинство крестьян в районах, где действовали партизаны, были русскими или белорусами. Последние не проявляли особого стремления к национальной обособленности. У небольшой части украинских крестьян на северо-восточной границе Украины и вдоль южной оконечности Припятских болот уровень национального самосознания также был невысок. Однако, как отмечалось выше, совсем иная ситуация сложилась в Волыни и Галиции, а также среди крымских татар. Если отбросить эти последние группы, то можно сказать, что по своему составу крестьяне, на которых оказывали влияние партизаны, представляли собой национально однородную русскую массу. Однородны были они и

⁵⁵ В качестве примера см. директиву Орловского обкома о воссоздании советских учреждений в кн.: *Орловская область в годы Великой Отечественной войны*. С. 220–222.

по своему социальному и экономическому статусу. Заселенные ими неплодородные земли были пригодны по большей части лишь для ведения сельского хозяйства, обеспечивающего им пропитание. Как результат, экономические последствия коллективизации в этих районах были менее тяжелыми, чем в плодородных черноземных областях на юге и юго-востоке. Доля крестьян, причисляемых к «кулакам» (термин, которым в конечном итоге стали обозначать всех сопротивлявшихся коллективизации крестьян), была небольшой, и средний крестьянин при создании колхозов терял меньшую собственность. Тем не менее крестьяне были крайне враждебно настроены к колхозам. Кулаки, чья численность в составе крестьян не превышала 5 процентов, играли несоразмерно важную роль в экономике этих регионов и, по всей видимости, оказывали серьезное влияние на других крестьян. После того как собственность кулаков была экспроприирована, а многие из них отправлены в ссылку, разрушительные последствия экономического и психологического порядка оказались очень тяжелыми. Но здесь не было массового голода, как на Украине, и доля оторванных от земли крестьян была меньше, чем на юге.

К 1933 году коллективизация в основном была завершена, удалось добиться относительной стабилизации сельского хозяйства. Но агрессия Германии восемь лет спустя четко показала, что крестьяне вовсе не смирились с коллективной системой ведения хозяйства. Большое количество свидетельств этого мы лишь обобщаем в данном разделе (более подробно этот вопрос рассматривается в части четвертой). Там, где было возможно, крестьяне распределяли колхозную землю и имущество среди отдельных крестьянских хозяйств. Крестьяне были сильно разочарованы, когда немецкие оккупационные власти стали настаивать на сохранении колхозов, как удобной формы для обеспечения продовольствием. Советский режим был вынужден признать силу крестьянского недовольства коллективной формой ведения хозяйства. Существуют свидетельства того, что партизаны получали указания терпимо относиться к раздаче земли крестьянам и даже распространяли слухи об отказе от системы коллективного ведения сельского хозяйства после войны. Даже в опубликованных советских источниках указывается, что, во всяком случае на ранних этапах войны, режим избегал информировать крестьян, что коллективная система будет восстановлена. Традиционный термин «крестьянин» стал использоваться вместо советского термина «колхозник». Весной 1942 года, когда партизанам Смоленской области приходилось тяжело, внутри областной партийной организации крестьян продолжали называть колхозниками, но в то же время советские власти сформировали «Ленинский крестьянский антифашистский союз»⁵⁶. По всей видимости, термины «крестьянский» и «антифашистский» должны были взывать к патриотизму крестьян; пропаганда в основном делала упор на плохом обращении немцев с крестьянами, а не на достоинствах советской системы. Однако после того, как ситуация изменилась, о «Союзе» забыли, и в обиход снова вошли привычные советские названия «коммунистический» и «колхозный». Но вплоть до окончания войны партизаны терпимо относились, а иногда даже поощряли активное посещение крестьянами православных религиозных служб. Даже сегодня советские источники признают, что терпимость к религии была необходима для того, чтобы не обидеть крестьян. Положение партизан среди крестьян было двусмысленным. В каком-то отношении крестьяне отождествляли партизан с «нашими». Национальная принадлежность и язык партизан были главными факторами, способствовавшими такому отождествлению в Белоруссии и РСФСР. Почти четыре пятых всех партизан по национальности были белорусами или русскими. Один из советских источников (используя, по общему признанию, неполные данные) указывает, что в Орловской области 70 процентов партизан были русскими, 15 процентов украинцами и 10 процентов

⁵⁶ *Партизанская борьба... на территории Смоленщины*. С. 122–123, 513.

белорусами⁵⁷. Учитывая тот факт, что силы этих партизан были сосредоточены в российском регионе, граничащем с Украиной и Белоруссией, их национальный состав выглядит хорошо сбалансированным для обеспечения им признания местного населения. На Украине же положение было совсем иным. Один из советских источников указывает, что в «крупнейшем партизанском отряде Украины» было 23 097 русских и 5747 белорусов⁵⁸. Общая численность этого отряда не приводится, но, исходя из относительно небольшого количества партизан, активно действовавших на Украине до середины 1943 года, можно заключить, что эти не являвшиеся украинцами люди составляли основную часть партизан, действовавших на Украине в ранний период. Другой советский источник придерживается мнения, что тот факт, что партизанская бригада В.А. Бегмы имела в своем составе в августе 1943 года 73,5 процента украинцев и белорусов, а в феврале 1944 года 82 процента украинцев, поляков и белорусов, свидетельствует о том, что партизанское движение на Украине являлось исконно украинским⁵⁹. По существу, эти данные показывают, что скорее прослеживается тенденция, когда партизаны по мере продолжения войны и призыва в их ряды большого числа местных крестьян становились украинцами, а отнюдь не свидетельствуют о том, что на более раннем этапе участники партизанского движения были украинцами. В целом эти свидетельства указывают на то, что на Украине, в отличие от расположенных севернее регионов, партизаны являлись этнически и социально чуждым слоем.

Социально чуждым слоем партизаны являлись практически повсюду. Как отмечалось выше, на ранних этапах партизанами были главным образом члены партии и лица, состоявшие на службе в органах полиции и государственном аппарате; они являлись выходцами из городов и были относительно неплохо образованы. Таким же было основное ядро офицеров Красной армии, а также комиссары и члены особых «команд», объединившиеся для возрождения партизанского движения зимой 1941/42 года. Хотя отрезанные от основных сил рядовые военнослужащие в основном были по происхождению крестьянами, среди них было много бывших рабочих. До 1943 года этот слой превалировал в составе партизанских сил, чей социальный состав резко отличался от крестьян, среди которых они действовали. Упомянутые выше неполные советские данные указывают, что 38,8 процента партизан Орловской области были промышленными рабочими, 32,2 процента служащими и лишь 31 процент крестьянами⁶⁰. В отличие от низкого уровня образования подавляющего большинства крестьян по меньшей мере 74 процента партизан имели среднее образование. Соответственно до конца 1943 года партизаны представляли собой группу, состоявшую из имевших образование выходцев из городов. Этим они были близки к тем слоям, которые на протяжении нескольких поколений отправлялись из городов для навязывания сопротивляющимся крестьянским массам требований центральной власти.

В 1943 и 1944 годах социальный состав партизан резко изменился. Доля бывших красноармейцев в составе партизан заметно упала в результате крупных потерь после проведения немцами карательных операций. Вместе с тем в рядах партизан оказались десятки тысяч молодых крестьян. Часть из них попала к партизанам, спасаясь от угона на работу в Германию, либо, что было более распространено, откликнувшись на призыв партизанских командиров, стремившихся пополнить ряды партизан, а также помешать немцам получить дополнительную рабочую силу. Небольшое количество дезертиров из вспомогательных полицейских отрядов и другие представители сельского населения, пытавшиеся доказать

⁵⁷ *Советские партизаны*. С. 237.

⁵⁸ Там же. С. 504.

⁵⁹ *Дорошенко С.* О фальсификации партизанского движения в буржуазной печати // Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 103.

⁶⁰ *Советские партизаны*. С. 237.

свою лояльность советскому режиму, добровольно вступали в ряды партизан. К добровольцам относились с презрением, называя «партизанами 1943 года», то есть желавшими прикнудить к одерживающей победу советской стороне. Зачастую таких людей отделяли от закаленных в боях партизан из числа бывших красноармейцев, их хуже снабжали и вооружали. Подобное обращение не преследовало цели вознаградить испытанных сторонников системы и наказать менее рьяных. Партизанское командование отдавало себе отчет в том, что крестьянские новобранцы, в отличие от бывших военнослужащих, были склонны с повышенным вниманием относиться к немецкой пропаганде и даже дезертировать при удобном случае. Более того, крестьяне весьма неохотно подчинялись требованиям режима о перемещении отрядов со своих находившихся рядом с их домами баз. У партизан помимо их официальных званий существовала даже своеобразная табель о рангах: 1) добровольцы 1941 года (обычно работники советского аппарата); 2) отрезанные от своих частей красноармейцы; 3) крестьяне, набранные или добровольно присоединившиеся к партизанам после 1942 года; 4) дезертиры из полиции. Бывшие красноармейцы никогда не пользовались полным доверием у командиров, ибо последние прекрасно понимали, что, если бы обращение немцев с военнопленными было более мягким, а советский режим не оказывал нажима на отбившихся от своих частей солдат, они бы никогда не оказались в рядах организованного партизанского движения. Тем не менее бывшие красноармейцы были незаменимы, ибо (несмотря на возникавшие у них связи с местным населением) их было сравнительно легко убедить перемещаться. Без продолжавшей оставаться высокой (около 40 процентов) численности красноармейцев в партизанском движении сомнительно, чтобы оно смогло бы стать таким мобильным инструментом, каким являлось. В результате, хотя к 1944 году крестьяне составляли большинство партизан, они не были «первосортными» членами своих отрядов. Это стало еще одной причиной того, почему крестьяне продолжали считать партизанское движение чуждой силой, навязанной извне.

Несомненно, что крестьянство отвергало партизан, считая их в лучшем случае меньшим из зол. Однако следует отметить, что спонтанно не возникло ни крестьянской организации, ни крестьянского героя, ставших бы выразителями недовольства крестьян. В очень редких случаях советский режим стремился изображать кого-либо из партизанских лидеров представителем крестьянства. Выдающимся примером такого лидера стал Сидор Ковпак, являвшийся якобы простым человеком, потомком запорожских казаков. Кем бы ни был Ковпак по происхождению, на самом деле до войны он занимал руководящий пост. Как правило, режим не особо старался афишировать связь своих партизанских командиров с крестьянством. С другой стороны, ни один из антисоветских лидеров, появившихся во время оккупации, не являлся выходцем из крестьянских масс. К числу таких, кто находил поддержку главным образом у сельского населения, относится, например, Каминский, который являлся поляком по происхождению и был служащим; партизанский лидер украинских националистов Тарас Боровец до войны был владельцем небольшого карьера. Хотя немцы вряд ли допустили бы настоящую крестьянскую войну, ничто не указывает даже на зачатки крестьянского восстания против своих мучителей, будь то партизаны или оккупанты. Это отнюдь не означает, что крестьянство оставалось пассивным или не знало, чего хочет. Спонтанно возникший «раздел» колхозных земель свидетельствует об обратном. Но, столкнувшись с силой, крестьяне занимали осторожную, выжидательную позицию. Едва ли стоит этому удивляться, памятуя о незавидной доле крестьян в предшествующую четверть века.

Партизаны и советский аппарат управления

В 1941 году советская тоталитарная система только начинала нелегкий процесс «поглощения» крестьянской массы. Командные кадры партизан, в свою очередь, так же как и любой

другой слой населения страны, во многом представляли собой «людей новой формации», воспитание которых было основной целью «социалистических» преобразований. Практически все офицеры воспитывались и получали образование при советской системе и глубоко впитали коммунистические идеи. В 1941 году среди партизан (в Московской области) 63 процента были коммунистами, 15 процентов комсомольцами⁶¹. Однако к концу войны количество членов партии среди партизан едва ли превышало их количество в общем срезе советского мужского населения призывного возраста. Лишь 7 процентов украинских партизан были коммунистами, и менее 12 процентов из остальных являлись комсомольцами. Доля коммунистов и комсомольцев среди белорусских партизан была выше, и, по всей видимости, она была выше в партизанском движении в целом⁶². Но на всем протяжении войны практически все офицеры были членами партии. Большинство вступило в партию еще до войны, но, если не являвшийся коммунистом проявлял свои «качества лидера», его вскоре принимали в партию.

Описанные выше командные кадры представляли собой небольшую часть чиновников аппарата (а всего их насчитывалось несколько сотен тысяч), которых мы называли «приверженцами» советской системы. Эти люди занимали более высокое положение и несли больший груз ответственности, чем рядовые члены партии, уже не говоря о простых гражданах. Они также являлись тем «материалом», из которого в дальнейшем формировалась «элита». Но саму элиту можно определить лишь как средний уровень аппарата: чиновники, занимавшие высокие должности в исполнительной власти, но напрямую не влиявшие на проводимую политику. Эта элита (несколько тысяч человек) состояла из партийных чиновников, среди которых были первые секретари обкомов партии, руководители важных отделов центральных и республиканских партийных органов, НКВД и других государственных органов управления, а также высокопоставленные офицеры и политработники Красной армии. Внутренний круг руководителей (которых мы назовем «режимом») включал в себя несколько десятков человек, имевших относительно свободный доступ к Сталину. В вопросах, привлекавших его внимание, власть Сталина была абсолютной, но обстоятельства вынуждали его делегировать часть полномочий членам Политбюро, Государственного Комитета Обороны, своим личным секретарям и наиболее важным народным комиссарам. Представители режима, разумеется, не участвовали в командовании партизанскими отрядами. Некоторые из них (такие, как Хрущев и Жданов) играли важную роль в руководстве партизанским движением, но эта деятельность была лишь небольшой частью их обязанностей. Вероятно, несколько высокопоставленных чиновников, осуществлявших непосредственное руководство партизанским движением, например Строкач, были близки к тем, кто имел доступ к Сталину.

Многое косвенно указывает на то, что режим не привлекал даже чиновников среднего уровня к опасному делу командования партизанами и подпольными организациями в тылу противника. Одним из известных высокопоставленных чиновников, получивших такое задание, являлся А.Ф. Федоров, первый секретарь одного из обкомов партии. Другие областные чиновники, направлявшиеся к партизанам и на подпольную работу, занимали более низкие посты. Один из направленных на подпольную работу чиновников был болен туберкулезом⁶³.

Есть основания полагать, что некоторые чиновники, направленные для командования партизанами, были в каком-то смысле «расходным материалом». Примером этого являлся С.А. Олексенко, руководивший Каменец-Подольским подпольным обкомом и партизан-

⁶¹ *Народные мстители*. М.: Московский рабочий, 1961. С. 115.

⁶² *Армстронг Дж.А.* Советская бюрократическая элита: Исследование украинского аппарата. Нью-Йорк: Ф.А. Прагер, 1959. С. 131, 139–140; *Он же*. Политика тоталитаризма. С. 163.

⁶³ *Супруненко М.* Указ. соч. С. 82–83.

скими отрядами с весны 1943 года до прихода Красной армии. До ноября 1937 года Олексенко являлся первым секретарем Каменец-Подольского обкома партии, но после этого его имя не упоминалось в советской прессе. Можно предположить, что он попал в немилость во время «Великой сталинской чистки» и получил назначение на подпольную работу в качестве шанса реабилитировать себя. Обстоятельства назначения Олексенко не являются чем-то особенным: С.В. Руднев, который до своей гибели в бою в 1943 году являлся направляющей силой в «кочующем» отряде Ковпака, был опытным кадровым офицером Красной армии. Памятуя о чистках, не трудно понять, почему он прозябал, занимая небольшой пост в Сумской области, когда началась война. Ветеран гражданской войны в Испании Мокроусов занимал должность директора заповедника, пока начавшаяся война не вернула его на положенное ему место. Поскольку воевавших в Испании «старых большевиков» чистки затронули особо широко, можно предположить, что ему тоже была предоставлена возможность реабилитироваться. Существует единственный, но очень важный пример, на основании которого можно утверждать, что человеку удалось себя реабилитировать службой в партизанах. Полная биография Д.М. Медведева совсем недавно была написана одним из его соратников по партизанскому движению. Его биограф вспоминает, как Медведев, старый чекист, оказался в трудном положении после своей критики методов, использовавшихся чекистами при Н.И. Ежове и Л.П. Берии. Незадолго до начала войны Медведев, еще сравнительно молодой, был отправлен в отставку по «состоянию здоровья». Но через несколько дней после нападения Германии Медведев пришел в Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ) с планом создания партизанского отряда, забрасываемого в тыл противника на парашютах⁶⁴. Впоследствии он командовал крупным партизанским отрядом на Волыни.

1. Возрождение конспирации

Главной причиной возвращения в строй старых большевиков и старых чекистов стало то, что эти люди, в отличие от большинства «людей 1938 года», которых Сталин выдвинул на руководящие должности после «большой чистки», имели опыт конспиративной работы, требовавшийся партизанам и подпольщикам. По существу, режим был вынужден возродить традицию использования инициативы отдельных, фанатично преданных делу людей, как это было при Ленине. Образ мыслей, воспитываемый этой традицией, в прошлом вызывал отвращение у Сталина и его соратников. Он противоречил принципам жесткой централизации управления, ознаменовавшей установление полной диктатуры Сталина в 1930-х годах. Индивидуальная инициатива или просто повышенный энтузиазм вызывали у Сталина подозрение. Более того, он усиленно искал критерий стабильности власти, которым едва ли могло служить возвращение к примитивному большевистскому фанатизму. Вполне понятно, что возникшее в результате войны чрезвычайное положение вынудило Сталина пересмотреть свою политику в этом и многих других вопросах. Тем не менее режим явно волновало неизбежное ослабление жесткой организационной структуры среди партизан. Любой диктаторский режим сталкивается с проблемами, когда он вынужден вооружать значительные слои простых граждан. Советский режим выработал строгую систему методов контроля для сохранения лояльности призываемых на службу в Красную армию, но эти методы не вполне годились для условий партизанского движения. Партизанское движение по самой своей сути бросало вызов власти. Советская пропаганда постоянно рисовала немцев «бандитами» и «захватчиками», призывая всемерно срывать их планы и оказывать сопротивление, но в недалеком будущем население, пройдя такую «психологическую обработку», могло взять на вооружение ту же тактику в отношении советской власти. Молодые партизаны вполне

⁶⁴ Цессарский А. Чекист. М.: Воениздат, 1960. С. 309 и далее.

могли усвоить в работе, поведении и семейных отношениях порочные привычки, которые сделали бы их непригодными для послевоенного советского общества. «Нелегальность» – привычка лгать, воровать и прибегать к насилию в борьбе с оккупационной властью – могла наложить отпечаток на поведение людей и в дальнейшем представлять проблему для власти. Отчасти эти недостатки могли быть скомпенсированы теми преимуществами, которые советский режим мог извлечь из разрушения привычных устоев, препятствовавших полному установлению тоталитарной системы. Чистки среди партизан после изгнания немцев затронули самых подозрительных из их числа. Раздуваемый после войны миф о славных делах партизан стремился направлять воспоминания о партизанском движении в нужное русло. Тем не менее режиму с самого начала было очень важно предпринять срочные действия по контролю за потенциально опасными сторонами партизанского движения.

2. Средства обеспечения контроля

Первым и основным шагом было настоятельное требование соблюдения строжайшей дисциплины. Подчинение командирам должно было быть беспрекословным. «Ненужная демократия», такая, например, как практика выслушивать мнения рядовых партизан перед принятием решения, строго осуждалась⁶⁵. От командиров отрядов также требовали соблюдения жесткой субординации, хотя им было позволено высказывать свое мнение. Особенно серьезные разногласия возникли в 1942 году по поводу слияния мелких отрядов в крупные бригады. Помимо чисто военных причин для такой реорганизации режим, видимо, пытался использовать ее в качестве средства усиления контроля. Многие командиры отрядов оказались на своих постах случайно. И пусть они были достаточно сведущи и лояльны для сохранения своих постов, режим мог более надежно контролировать их, подчинив тщательно подобранным командирам бригад.

Интересно отметить, что одним из командиров бригад, которому успешно удалось преодолеть сопротивление командиров отрядов, был А.Н. Сабуров, в прошлом сотрудник НКВД. Опора режима на НКВД в партизанском движении просто поражает. Свидетельства влияния НКВД подробно рассматриваются далее, поэтому нет необходимости останавливаться на них здесь. Внимательное изучение советских источников показывает, что влияние полицейских структур (для удобства НКВД и НКГБ можно рассматривать как взаимозаменяемые органы) было, по всей видимости, намного сильнее, чем считали немецкие аналитики. В советских источниках при характеристике большинства партизанских офицеров всех рангов попутно указывается, что почти все они имели отношение к полицейским структурам. В ряде случаев даже дается понять, что среди этих людей существовало нечто вроде круговой поруки. Например, М.И. Наумов, который был офицером-пограничником, отмечает со ссылкой на одного из партизан, также имевшего отношение к охране границы, что раз этот человек был пограничником, то ему можно было доверять⁶⁶.

В организации партизанского движения НКВД принимал участие все время. «Особые отделы» (ОО), впоследствии появившиеся во всех отрядах, вели тщательную проверку лояльностью партизан. До того как в середине 1942 года были созданы Центральный штаб партизанского движения и региональные штабы, НКВД (вместе с партией и Красной армией) непосредственно участвовал в управлении партизанским движением. В 1941 году, например, в Московской области отбор в партизаны проводился совместно обкомом партии и областным управлением НКВД, радиосвязь с партизанскими отрядами осуществлялась по двум

⁶⁵ Бринский А. По эту сторону фронта: Воспоминания партизана. М.: Воениздат, 1958. С. 254, 349–350.

⁶⁶ Вершигора П. Рейд... С. 234.

каналам, один принадлежал обкому, а другой областному управлению НКВД⁶⁷. По непонятным причинам Центральный штаб был расформирован 13 января 1944 года⁶⁸. Трудно представить, чтобы у него не оказалось преемника, осуществлявшего контрольные функции. Вполне вероятно, что Четвертое управление НКВД, непосредственно занимавшееся партизанскими операциями, взяло на себя эти функции⁶⁹. Начальником Четвертого управления был П.А. Судоплатов (его заместителем Эйтингон), но вполне возможно, что загадочный «Сергиенко» имел отношение к этому управлению. Большая часть полномочий Центрального штаба перешла к Украинскому штабу партизанского движения, возглавляемому Т.А. Строкачом, бывшим заместителем народного комиссара внутренних дел Украины. Многие партийные руководители, тесно связанные с возникновением и развитием партизанского движения, занимали различные посты в партийном аппарате, в частности в ведающих кадрами отделах, имевших тесную связь с полицейскими органами. К этой категории относились М.А. Бурмистенко, М.С. Спивак, В.А. Бегма на Украине; Л.З. Мехлис, являвшийся в 1941 году начальником Политического управления Красной армии; и П.К. Пономаренко, который был начальником Центрального штаба партизанского движения.

Следует подчеркнуть, однако, что НКВД никогда не осуществлял контроля за партизанами подобно тому, как служба СС контролировала отдельные стороны военных усилий Германии. Во-первых, НКВД сам был раздроблен, что, скорее всего, делалось по негласному указанию Сталина. Руководство Четвертого управления состояло из офицеров тайной полиции, которые (судя по послевоенным назначениям) были тесно связаны с Л.П. Берией. Большинство имевших отношение к полицейским структурам высших офицеров в республиканских штабах и непосредственно в партизанских отрядах, наоборот, были из пограничных войск. Между последними и людьми Берии всегда существовали трения. Наиболее заметный из офицеров-пограничников, Строкач, в последующие годы стал одним из самых ярких противников группы Берии. К тому же важную роль в руководстве партизанским движением играли крупные партийные чиновники, не имевшие отношения к полицейским структурам. Н.С. Хрущев, чьи заслуги, возможно, были несколько преувеличены в последние годы, несомненно сыграл важную роль. А.А. Жданову приписывается заслуга создания «прототипа» штаба партизанского движения в подчиненной ему Ленинградской области⁷⁰. И наконец, все наиболее важные вопросы (такие, например, как план партизанских действий на Украине в 1943 году) рассматривались на Политбюро, которое возглавлял сам Сталин⁷¹.

3. Характерные особенности партизанской элиты

Даже тогда, когда вопрос об открытом неповиновении приказам режима не возникал – а подобного, за редкими исключениями, не происходило, – партизанское командование проявляло многие черты, являвшиеся, по мнению режима, отрицательными. Большинство этих черт, пожалуй, не было присуще самому партизанскому движению, а отражало определенные общие черты всего советского руководства. Особые условия партизанской жизни просто обнажали их. Кроме того, большое количество доступной информации о партизанских руководителях позволяет пристальнее взглянуть на эти черты, чем это можно сделать при рассмотрении советской бюрократической машины в целом. То же самое справедливо

⁶⁷ *Народные мстители*. С. 112, 115.

⁶⁸ *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 469.

⁶⁹ *Армстронг Дж.А.* Политика тоталитаризма. Сравните с Супруненко (Указ. соч. С. 200), который отмечает, что получал информацию о численности партизан от Четвертого управления МВД Украины.

⁷⁰ *Кляцкин С.* Из истории ленинградского партизанского края (август 1941 – сентябрь 1942 г.) // *Вопросы истории*. 1957. № 7. С. 27.

⁷¹ *История Великой Отечественной войны*. Т. 3. С. 464.

и в отношении положительных (опять же с точки зрения режима) черт руководителей партизанского движения.

Опыт партизанского движения во многом свидетельствует о том, что советские руководители отнюдь не беззаветно были преданы системе. Если о возможности накопления собственности речь не идет, то о возможности получения вознаграждения забывать не стоит. Ясно, конечно, что понятие «вознаграждение» является условным, ибо почти все партизаны испытывали тяжелые лишения и физические страдания. В каком-то смысле уровень лишений и риска делал возможность получения вознаграждения весьма привлекательной. Такие возможности соответствовали рангу. Офицеры получали символические награды, такие как медали, новая форма и личное оружие. Иногда они лучше питались, часто имели более удобное отдельное жилье. Один из авторов мемуаров вспоминает, что командиры злоупотребляли проживанием в отдельной землянке, но иногда такая практика была оправданна⁷². Вероятно, самой большой привилегией офицеров – тесно связанной с их отдельным жильем – была возможность пользоваться сексуальными «правами» в отношении немногочисленных женщин, находившихся среди партизан. Хотя существует масса свидетельств того, что подобная практика была вполне обычной, она настолько противоречит официально провозглашаемому в СССР «пуританскому» кодексу, что советские авторы мемуаров редко упоминают о сексуальном поведении партизанских офицеров. Один из авторов, правда, описывает, как один из командиров привел из лагеря беженцев девушку и жил вместе с ней. Он даже позволял ей вмешиваться в исполнение своих обязанностей: кому выдавать оружие в первую очередь, а кому во вторую, решал не он, а его «лесная жена»⁷³.

Более существенным, чем свидетельства о личном эгоизме, служит указание на стремление партизан к так называемой «групповщине». Эффективность боевого подразделения во многом зависит от степени его сплоченности и приверженности чести мундира. В частях регулярной армии негативные аспекты такого развития сдерживаются жесткой субординацией по отношению к вышестоящим командирам. Поскольку партизаны практически всегда действовали в изоляции, их сплоченность часто приводила к тому, что они стремились соблюсти интересы своего отряда за счет других партизанских отрядов. Успех командира во многом зависел от уровня его престижа среди подчиненных; в результате он стремился в первую очередь заботиться об их интересах, забывая о других. Некоторые командиры настаивали на своем «суверенитете» и стремились избежать подчинения кому бы то ни было, кроме удаленного Центрального штаба⁷⁴. Эта тенденция имела отношение к высказанным в 1942 году рядом командиров возражениям в отношении формирования бригад. Но, например, Сабуров, который настаивал на формировании одной из наиболее важных бригад, с таким же упорством отказывался сделать следующий шаг по подчинению своего укрупненного отряда вышестоящему командованию на территории Брянской области. Сабурову удалось сохранить «независимость» своего отряда. Отчасти причиной этого было то, что режим не хотел формировать слишком большие партизанские части. Однако (если верить словам захваченного в плен партизанского офицера) привилегированное положение отряда Сабурова также объяснялось тем, что, благодаря использованию радио, ему удалось так сильно «раздуть» свою репутацию, что вышестоящий штаб опасался, как бы его понижение в звании не сказалось негативно на боевом духе его подчиненных⁷⁵. Несколько месяцев спустя командование другой партизанской бригады обнаружило, что люди Сабурова бессовестно

⁷² Бринский А. Указ. соч. С. 382.

⁷³ Македонский М. Указ. соч. С. 179.

⁷⁴ Линьков Г. Указ. соч. С. 399.

⁷⁵ Рузанов А. Правда о партизанском движении // Фронтовой листок. 1943. Октябрь. С. 28, 30.

присваивали себе сбрасывавшиеся на парашютах продукты и снаряжение, предназначавшиеся для других отрядов. Пострадавшие в отместку отвечали тем же⁷⁶.

Любой изучающий управление советским промышленным производством найдет поразительную аналогию между этими чертами «групповщины» и практикой действий директоров провинциальных заводов и организаций.

Часто «групповщина» сопровождалась попытками выйти из-под контроля, с тем чтобы избежать выполнения трудных и опасных заданий. Иногда, напротив, партизанские командиры стремились к независимости, опасаясь, что сидящие в штабах бюрократы помешают эффективным действиям их отрядов. Одной из отличительных особенностей советского бюрократического аппарата являлось нежелание самостоятельно принимать решения. Такое нежелание, обычно приводящее к отсутствию результатов, могло оказаться фатальным в партизанских делах. В приводимой ниже примечательной выдержке один из руководителей партизан, который особо настаивал на подчинении отдельных отрядов полевым партизанским штабам, критикует свое московское руководство:

«Я просил свое начальство принять решение. Но Москва не отвечала. Ежедневно приходили радиogramмы по самым разным вопросам, но в них не было и намека на поднятый нами вопрос. Я понимаю это так: наше предложение все еще не попало к руководству, а непосредственные исполнители не хотели брать на себя всю ответственность за такое важное решение.

Но мы не могли увильнуть от обязанности сражаться. Я размышлял: если задание будет выполнено, ничего, кроме благодарности, мы не заслужим; если же мы погибнем, то кто-нибудь все равно вспомнит нас добрым словом»⁷⁷.

На роль партизанского командира подходил человек решительный, готовый идти на риск и нарушать установленные правила. Командир одной из крупных партизанских бригад рассказывает, как, еще будучи партийным секретарем, ему пришлось столкнуться с «законопослушным» сотрудником государственного банка. Тот отказывался выплачивать деньги без требуемого по правилам особого распоряжения из Москвы, хотя немцы уже стояли у ворот города. После короткого спора партийный секретарь заявил банковскому служащему, что деньги просто «мобилизованы» для военных нужд⁷⁸. Воспоминания об этом случае в самом начале мемуаров задают тон всей книге. В ней проводится мысль, что потребность, при которой достижение результата ставится выше подчинения бюрократическим правилам, пусть и не в полной мере присуща партизанским операциям, но может стать вполне предсказуемым ответом знающего свое дело советского руководителя на возникновение чрезвычайных ситуаций, угрожающих советской системе. При выполнении приказов следует проявлять гибкость. Отвергая довод о том, что сохранение небольших партизанских отрядов в 1942 году было необходимо увязывать с указаниями обкомов, полученными в 1941 году, командир одного из партизанских отрядов заявил: «Но именно в этом проявляется великая сила нашей партии, она нигде и никогда не следует догмам, нигде и никогда не живет по раз и навсегда установленным правилам. Каждый раз партия принимала решения сообразно обстоятельствам. В настоящий момент обстоятельства существенно изменились»⁷⁹.

Партизанскому офицеру было положено не столько подчиняться одному вышестоящему начальнику, сколько выполнять существующие приказы и установленные правила. Советский режим никогда не полагался на единый порядок подчиненности для контроля

⁷⁶ Федоров А. Подпольный обком действует. М.: Худож. лит., 1957. С. 475, 506.

⁷⁷ Линьков Г. Указ. соч. С. 269.

⁷⁸ Бегма В., Кизя Л. Указ. соч. С. 13.

⁷⁹ Сабуров А. За линией фронта: Партизанские записки. Кн. 1: Партизанский край. Львов: Книжно-журнальное изд-во, 1953. С. 181.

за партизанами. Все наши попытки обрисовать сложную систему контроля одной точной, всеобъемлющей схемой ее организации не увенчались успехом, и чем больше информации удастся получить, тем сложнее выработать четкую схему распределения полномочий. Возможно, нам все еще недостает информации или мы неверно проанализировали имеющуюся. Более вероятно, однако, что режим сознательно сохранял дублирующие друг друга командные структуры. Сохраняя сложный порядок подчиненности, он лишал каждого отдельного офицера положенного ему места в командной иерархии. В результате тот не имел четкого представления, кто будет его проверять или отдавать приказы. Поэтому он не мог поддерживать «удобные» отношения с одним конкретным вышестоящим начальником, на защиту которого в любых обстоятельствах он мог бы рассчитывать. Стремление к «семейственности» на всех уровнях было почти полностью искоренено. Оставаясь в каком-то смысле «обнаженным» перед требованиями неизвестных ему вышестоящих начальников, партизанский командир испытывал неуверенность, побуждавшую его проявлять инициативу, не дожидаясь приказов.

Нельзя не восхищаться той изобретательностью, с какой советский режим, сознательно или нет, создал механизм контроля, который стремился добиться от исполнителей максимальной отдачи. Гибкость и дублирование в порядке подчиненности, пожалуй, характерны для всей советской системы управления. Другой характерной особенностью, нашедшей свое отражение в партизанском движении, было стремление режима каждый раз создавать новую организационную структуру при возникновении очередной крупной проблемы. Когда первоначальная схема организации партизанского движения оказалась нежизнеспособной, начался долгий (осень 1941 года – весна 1942 года) период импровизации. Частично территориальная система организации была сохранена; отделения НКВД продолжали играть руководящую роль; в качестве организационных центров были использованы фронтовые части Красной армии, и в сентябре 1941 года в Ленинграде был сформирован Штаб партизанского движения. В мае 1942 года ленинградское решение стало моделью для Центрального штаба, а в последующие месяцы и для целого ряда региональных штабов. Новая организация предоставляла возможность связывать действия партизан с партией, а не с Красной армией. В результате в будущем партизанское движение могло быть провозглашено вкладом партии в достижение великой победы. Вместе с тем организация штабов позволяла собрать военных регулярной армии, партийных чиновников и вездесущих представителей полицейских структур в единый орган, созданием которого формально признавалось существование интересов различных ведомств в партизанском движении.

Однако формирование штабов отнюдь не означало, что система управления партизанами оказывалась «застывшей». Увеличившиеся обязанности Украинского штаба после ликвидации Центрального штаба в начале 1944 года явно имели отношение к необходимости расширения действий партизан на не ассимилированную в политическом отношении территорию Западной Украины и будущие восточноевропейские страны-сателлиты СССР. Украинский штаб продолжал действовать (хотя Строкача на посту начальника сменил командир партизанской бригады В. Андреев) до июня 1945 года, когда война в Европе уже закончилась⁸⁰. Однако только этим деятельность Украинского штаба не ограничивалась. Например, летом 1943 года им была образована особая оперативная группа при штабе Воронежского фронта для координации партизанских операций с быстрым продвижением частей регулярной армии⁸¹. В целом способность советского режима находить новые решения в меняю-

⁸⁰ См. подпись на письме, приведенном в статье «Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны» (Международные отношения. 1960. № 8. С. 119–121).

⁸¹ История Великой Отечественной войны. Т. 3. С. 307.

щихся ситуациях была ярко продемонстрирована предпринятыми мерами по контролю за партизанским движением.

Расширение коммунистической системы

1. Западные территории, отторгнутые СССР

До сих пор наше обсуждение в основном затрагивало отношение партизан к советской системе на «старых» территориях, где советская власть до вторжения немцев существовала более двух десятилетий. Как отмечалось выше, положение в регионах, вошедших в состав СССР в 1939 и 1940 годах, было совсем другим. В июне 1941 года советскую власть там еще предстояло устанавливать. Бывшие правительства были смещены, но советская власть продолжала оставаться чуждой и держалась на десятках тысяч направленных сюда чиновников. Хотя четко вырисовывались очертания предстоящих социальных преобразований, традиционные устои жизни не претерпели существенных изменений. Основные советские нововведения, такие, например, как колхозы, не получили широкого распространения. С приходом немцев отдельные введенные элементы советской системы почти сразу исчезли. Для советского режима это означало, что всю работу по включению новых территорий в советскую систему придется начинать заново, после того как они будут отвоеваны. Вместе с тем на этих территориях столь же важно, хотя давалось это куда труднее, чем в «старом» Советском Союзе, было продемонстрировать, что возврат на время ослабевшей советской власти неизбежен. Размеры оказавшихся затронутыми территорий делали это одной из главных целей режима. Около двадцати миллионов человек, более одной пятой населения всех оккупированных территорий, жили на вновь отторгнутой земле.

Партизаны представляли собой один из немногих имевшихся в распоряжении инструментов для проникновения на эти территории до того, как Красная армия сможет вновь пробиться сюда от ворот Москвы и Сталинграда. К сожалению, общий объем выполненных исследований тех немецких документов, на которых основана большая часть этой книги, помешал подробному изучению ситуации в западных территориях. Тем не менее достаточное количество информации, почерпнутой из различных источников, позволяет представить четкую картину партизанских действий там. Поражают существенные различия в условиях, с которыми столкнулись советские попытки расширить действия партизан.

В Белоруссии переход из «старых» в «новые» районы был плавным. За исключением отсутствия «привычки» к советской системе, население белорусских территорий, отторгнутых у Польши в 1939 году, мало чем отличалось от населения Советской Белоруссии. Веками оно в подавляющем большинстве состояло из бедных крестьян, исповедовавших православие. Незначительные проявления национального самосознания жителей Западной Белоруссии были направлены в первую очередь против поляков. Расширяя партизанское движение на западную часть Белоруссии, советское руководство старалось затушевывать специфические коммунистические черты своей системы куда тщательнее, чем это делалось среди крестьян, живущих в удаленных к востоку регионах. Поскольку здесь не было необходимости возрождать колхозы, можно было делать недвусмысленные, пусть и ложные, заявления о правах отдельно взятого крестьянина. Вместо восхвалений партии пропагандировались «антифашистские комитеты». Несомненно, партизан здесь встречали менее радушно, чем в восточных районах Белоруссии. Однако благодаря большой концентрации партизан в Восточной Белоруссии партизанское движение просто «перетекло» в западную часть республики, становясь по мере продвижения «разбавленным», но существенно не меняя своего характера. Единственным препятствием особого рода – помимо больших расстояний и нали-

чия меньшего числа просоветски настроенных элементов – оказалась национальная польская Армия крайова. Советские партизаны начали безжалостное уничтожение подпольных и партизанских групп, лояльных к находившемуся в изгнании в Лондоне польскому правительству, задолго до того, как с приходом Красной армии была уничтожена независимость в центральных областях Польши⁸².

Совершенно иной была ситуация в Прибалтийских республиках. Хотя Латвия, Литва и Эстония являлись суверенными государствами немногим более двадцати лет, стремление к независимости в этих странах было сильно развито. К тому же их население отличалось от населения любой части «старого» СССР по своему этническому составу и религии. В 1939–1940 годах советский режим оказал мощное давление на эти небольшие народы. Когда это давление исчезло, не осталось и следа от поддержки советской власти. В 1941 году здесь не оказалось жизнеспособной партизанской организации. Но на более поздних этапах проникновению партизан в Прибалтийские страны должно было существенно способствовать то, что они граничили с Ленинградской областью и Белоруссией, где партизаны были особенно многочисленны и сильны. Тем не менее даже советские источники вынуждены признавать, что партизанам в Прибалтике добиться ничего не удалось. Летом 1942 года «Латвийский партизанский полк» начал выдвигаться из Ленинградской области, но сумел лишь дойти до границы с Латвией. В декабре 1942 года остаткам этой части, преобразованным в отряд численностью всего в сто человек, удалось проникнуть в Латвию, но даже через год общее количество латвийских партизан, по сведениям советских источников, составляло всего 854 человека. В конечном итоге в сентябре 1944 года их насчитывалось менее трех тысяч⁸³. Советские авторы объясняют столь плачевные результаты отсутствием в Латвии крупных лесных массивов; на самом же деле условия местности здесь столь же благоприятны, как в прилегающих районах России и Белоруссии. Не вызывает сомнений, что главной причиной провала партизан стало крайне враждебное отношение местного населения. Результаты действий партизан в Эстонии и Литве оказались еще менее заметными.

Попытка использовать партизан для поддержания советского присутствия и восстановления советской власти в Молдавии также закончилась провалом, хотя причины этого были другими. Молдавская республика мало чем отличалась от Бессарабии, входившей до 1940 года в состав Румынии на правах провинции. Большую часть населения составляли исповедующие православие и говорящие на румынском языке сравнительно бедные крестьяне, с долгой историей нахождения в составе Российской империи. Мало что указывает на то, что население проявляло столь же сильную неприязнь к советской власти, как в Прибалтике. С другой стороны, нет и свидетельств того, что советская власть приветствовалась. В попытке насадить партизанское движение в Молдавии были сформированы две «молдавские» бригады. В их состав по большей части входили русские и украинцы, а подчинены они были Украинскому штабу партизанского движения. В любом случае эти бригады оставались в лесах Украины на расстоянии от 300 до 500 километров от молдавской территории до прихода туда частей Красной армии⁸⁴.

Положение на аннексированной территории Западной Украины было значительно сложнее. Поскольку автор подробно описывал его в других книгах, здесь его можно охарактеризовать кратко⁸⁵. Советский режим прилагал намного больше усилий по организации партизанского движения на Западной Украине, чем в Прибалтийских республиках и Молда-

⁸² См., в частности: Цанава Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Минск: Гос. изд-во БССР, 1951. Т. 2.

⁸³ Советские партизаны. С. 610; История Великой Отечественной войны. Т. 4. С. 337.

⁸⁴ Вершигора П. Рейд... С. 107; История Великой Отечественной войны. Т. 4. С. 470.

⁸⁵ Армстронг Дж.А. Украинский национализм, в частности гл. VI.

вии. В 1942 году пришлось пойти на большие жертвы для создания в северной части этого региона подпольной сети, поддерживаемой небольшими партизанскими отрядами⁸⁶. Западная Украина также являлась основной целью для «кочующих» отрядов. Бригада Ковпака прибыла к границам региона в начале 1943 года; ценой огромных потерь ей удалось продвигаться в центр Западной Украины лишь летом следующего года. Многие другие крупные «кочующие» отряды действовали на Западной Украине, но обычно это делалось при поддержке Красной армии. Существовало, пожалуй, четыре основных причины, побуждавшие прилагать столь значительные усилия ради Западной Украины: 1) этот регион представлял собой «природные ворота» в Восточную Европу, куда коммунисты стремились проникнуть; 2) Западная Украина являлась экономической базой для немцев; 3) советский режим надеялся, что демонстрация силы повлечет за собой серьезную поддержку отдельных слоев населения Западной Украины; 4) советские партизаны могли сыграть важную роль в ослаблении националистического партизанского движения Украины, представлявшего в долгосрочном плане серьезную угрозу для установления здесь советской власти.

Советским усилиям сопутствовал лишь ограниченный успех. Советские партизаны смогли использовать Западную Украину в качестве магистрального пути для продвижения в другие регионы, но только после приближения частей Красной армии, оказывавших им существенную поддержку. Причиненный экономическим ресурсам Германии ущерб (помимо дней, непосредственно предшествовавших появлению Красной армии) являлся скорее следствием реакции националистов на советское вторжение, чем результатом действий партизан. Воздействие на население было неоднозначным. Украинцы Галиции почти единодушно отказались поддерживать партизан, появление которых лишь усилило анти-советские настроения в Галиции. Значительное количество жителей Волыни (которые, в отличие от жителей Галиции, были православными и в прошлом находились в составе Российской империи) воспринимало партизан как представителей власти, которая неизбежно появится вновь. На Волыни, как и в Западной Белоруссии, партизаны организовывали «антифашистские комитеты» и поощряли церковные службы; это признавалось необходимым, поскольку существовавшие на Волыни национальные, социальные и религиозные различия были слишком велики⁸⁷.

Партизанам не удалось заручиться широкой поддержкой населения даже на Волыни. Но их усилия во многом способствовали в дальнейшем (после вновь произошедшей оккупации региона советскими войсками) успешному созданию сети осведомителей, затруднявших действия украинских партизан-националистов. По всей видимости, самым существенным вкладом, внесенным советскими партизанами в уменьшение угрозы, которую партизаны-националисты представляли для советской системы, явилось то, что они вынудили националистов отказаться от скрытных действий и перейти к полномасштабному повстанческому движению. Националисты создавали свои партизанские отряды не только для борьбы с коммунистами, но и для того, чтобы помешать советским партизанам привлечь на свою сторону всех тех, кто хотел сражаться с немцами. «Выход из подполья», несомненно, облегчил советским властям борьбу с националистами на Волыни. Даже в Галиции, где население почти единодушно поддерживало националистов, действия партизан в конечном счете играли на руку советскому режиму⁸⁸. Но советские партизаны почти не имели отношения к физическому уничтожению повстанцев-националистов. Советские источники признают, что летом 1944 года Красная армия сочла необходимым выделить один кавалерийский и два мотострелковых полка для поддержки войск НКВД, боровшихся с партизанами-национали-

⁸⁶ Медведев Д. Сильные духом. М.: Воениздат, 1951.

⁸⁷ Бринский А. С. Указ. соч. 366.

⁸⁸ Армстронг Д.А. Украинский национализм. С. 165.

стами⁸⁹. Другие свидетельства указывают на то, что количество советских регулярных войск, потребовавшееся в последующие годы (как минимум до 1947 года), было еще больше.

2. Будущие страны-сателлиты

Советские источники о партизанах признают, что партизаны столкнулись с особыми проблемами на аннексированных в 1939 и 1940 годах территориях, хотя считают само собой разумеющимся, что партизанская кампания там была составной частью усилий, предпринятых для изгнания захватчиков с советской земли и восстановления власти законного правительства. Но партизаны не остановились, достигнув «новых» советских границ. Если верить рассказу в одной из появившихся после войны книг, то партизанский командир получил запечатанный приказ Украинского штаба, который ему следовало вскрыть, по достижении границы. В секретном приказе говорилось: «По прибытии к границе нашей страны помните об освободительной миссии Советского Союза... Действуйте независимо, сообразно существующим условиям, как сознательный советский гражданин»⁹⁰. Командир, полагаясь на свою «социалистическую» сознательность, истолковал свою «освободительную миссию» следующим образом: «Там, за шатким пограничным столбом, живет и борется братский славянский народ, он проливает свою кровь. Тридцать две партии привели его к войне и поражению... И только одна, рабочая партия, вместе с нами могла вывести Польшу на путь к национальному освобождению...»⁹¹ «Рабочей партией» была, разумеется Польская рабочая партия, являвшаяся на самом деле коммунистической, но получившей новое название.

Если в 1943 году «кочующие» отряды являлись основным инструментом по «пересадке» партизанского движения из Брянских лесов на Северо-Западную Украину, то в 1944 году они стали основным средством для «привития» хорошо усвоенных партизанских навыков ведомым коммунистами слабым повстанческим силам соседей Советского Союза. Если польских повстанцев, лояльных к находящемуся в изгнании в Лондоне польскому правительству, советские партизаны атаковали и уничтожали, то значительно меньшим по численности партизанам из сформированной коммунистами Национальной гвардии они оказывали поддержку и снабжали оружием и снаряжением. Веной 1944 года между советским командованием и отрядами Национальной гвардии было установлено регулярное радиосообщение, и польские коммунистические партизаны снабжались по воздуху. Примерно в то же время был создан Польский штаб партизанского движения⁹².

За много месяцев до этого советские партизаны на всей оккупированной территории усиленно занимались призывом в свои ряды людей из Восточной Европы. Многие из них (в частности, поляки) прибывали из давно существовавших в СССР колоний или бежали из немецких трудовых лагерей⁹³. Большинство словаков, румын и венгров являлись военнослужащими, дезертировавшими из оккупационных войск стран-сателлитов Германии, или были захвачены в плен партизанами. Вполне вероятно, что еще на раннем этапе войны советский режим предполагал использовать таких людей для создания коммунистического сопротивления в их странах. В феврале 1944 года большое число поляков, служивших в трех крупных «кочующих» отрядах, были выведены из них и вошли в состав Польской партизанской бригады. В апреле прошедшие отбор партизаны польского и чехословацкого происхождения были отозваны для специальной подготовки. В лагере на Волыни их обучали опытные

⁸⁹ *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 224.

⁹⁰ *Вершигора П.* Рейд... С. 256.

⁹¹ Там же. С. 258.

⁹² *Советские партизаны*. С. 798; *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 489.

⁹³ *Советские партизаны*. С. 797.

советские партизанские офицеры, радисты и подрывники⁹⁴. В начале лета напряженная программа подготовки была расширена, как считается по просьбе коммунистических руководителей Чехословакии, Польши и Румынии. Согласно советским источникам, с этой просьбой обратились к Хрущеву, являвшемуся главой Коммунистической партии Украины. Он поручил это Украинскому штабу партизанского движения, ставшему главным центром подготовки и управления партизанами во всех этих странах⁹⁵.

Вероятно, советским «кочующим» отрядам и поддерживаемым Советским Союзом коммунистическим партизанам в Польше в целом не удалось добиться существенных результатов. В ряде случаев они вынуждали националистов из Армии крайовой на поспешные действия, вызванные либо желанием защитить поляков от коммунистов, либо призванные продемонстрировать, что националисты являются более действенным сопротивлением, чем коммунисты. Однако, учитывая ту подавляющую мощь, с какой Красная армия безжалостно подавляла националистическое подполье, достигнутые партизанами-коммунистами результаты можно считать в лучшем случае второстепенными.

Положение вдоль юго-западной границы Украины было намного более благоприятным для действий партизан. Здесь, по существу, не было никакой границы. Формально – даже по советским меркам – граница Украинской ССР проходила по гребню Карпатских гор. Дальше лежало Закарпатье, чье население этнически мало чем отличалось от населения Советской Украины. На Закарпатье формально претендовало находящееся в эмиграции правительство Чехословакии, от которой эта территория была отторгнута Венгрией в 1939 году. Большинство украинского населения, сохранявшее относительную пассивность при чехословацкой администрации, резко противилось более жесткому венгерскому правлению. Основная часть коренных жителей выступала в поддержку украинских националистов, но коммунистические элементы здесь были намного сильнее, чем в Галиции. Было создано несколько руководимых коммунистами партизанских групп, хотя они и не проявляли большой активности до подхода частей Красной армии в начале осени 1944 года. Тем временем Эдуард Бенеш, глава чехословацкого правительства в изгнании, по всей видимости, договорился с Москвой о передаче Закарпатья в состав СССР после войны. В результате коммунистическим партизанам было позволено действовать так, словно они уже находились на советской территории. Они формировали «антифашистские комитеты», которые впоследствии стали ядром переходной советской администрации.

Для советского режима большое значение имело важное в стратегическом отношении положение Закарпатья. В этом регионе не только находилось большое количество важных горных перевалов, но там Советский Союз оказывался в непосредственном соприкосновении со Словакией и Венгрией. Эти страны в середине 1944 года стали главными мишенями для расширения партизанского движения. Советские попытки внедрения партизан на территорию третьего закарпатского соседа, Румынию, потерпели полный провал. Советские источники мимоходом упоминают о небольших группах партизан, действовавших в различных частях Румынии, но ясно, что они не играли важной роли⁹⁶. По всей видимости, сильные антирусские настроения румынских крестьян не позволили «укорениться» коммунистическим партизанам. С практической точки зрения действия партизан в Венгрии едва ли были более значимыми. Один из советских источников признает, что небольшие отряды (чья общая численность не превышала двух тысяч человек), заброшенные при содействии Украинского штаба в Венгрию, не оказали прямой военной поддержки наступающим совет-

⁹⁴ *Партизанские были*. С. 542–544.

⁹⁵ *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 490; *Советские партизаны*. С. 804.

⁹⁶ *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 257.

ским силам. Советский источник лишь утверждает, что существование венгерских партизан имело важное в моральном плане значение⁹⁷.

Положение в Словакии было совершенно иным, и только здесь советскому режиму успешно удалось осуществить «пересадку» партизанского движения за пределы своих границ. В 1939 году Словакия стала номинально «независимой» страной, но по существу она полностью находилась под опекой Германии. Неясно, приветствовала или нет большая часть словаков распад чехословацкого государства, но они, несомненно, были недовольны тяжким бременем, возложенным на них военными усилиями Гитлера, – в частности, отправкой словацких войск для войны СССР. Словацкие части использовались главным образом в качестве войск охраны, они действовали вяло, и многие военнослужащие дезертировали в партизаны. После неудач держав оси в войне в словацкой армии на родине тоже началось брожение, она стала выказывать лояльность находящемуся в изгнании в Лондоне чехословацкому правительству. Но армейское командование хотело совершить революцию по выводу страны из состава держав оси с сохранением большинства ее институтов и с наименьшим риском подвергнуться жестоким репрессиям Германии. С самого начала войны чехословацкие коммунисты и советские источники жаловались, что даже руководство словацких коммунистов внутри страны попало под влияние «лондонской концепции», то есть хотело задержать восстание до тех пор, пока рядом не окажется Красная армия; совершить государственный переворот, а не вести «революционную борьбу»; сохранить «буржуазный» строй⁹⁸.

Такой план, разумеется, не устраивал Советский Союз. Представляется вполне вероятным, что советский режим в сговоре с Клементом Готвальдом, Рудольфом Слански и другими находящимися в СССР лидерами чехословацких коммунистов решил направить усилия всех ведущих борьбу внутри страны за ее выход из состава держав оси, на разжигание крупномасштабных партизанских действий. В 1943 году, совершая свой карпатский рейд, Ковпак послал нескольких находившихся в его отряде партизан словацкой национальности в Словакию для организации партизанских отрядов из коренных жителей. Но последовавший вскоре разгром отряда Ковпака оборвал эти контакты⁹⁹. В результате основным оружием для выполнения плана по разжиганию партизанской войны в Словакии стали партизанские отряды, организованные и подготовленные Украинским штабом. Смешанные отряды, в состав которых входили 220 прошедших специальную подготовку чехов и словаков и 450 советских партизан, стали забрасываться на парашютах в Словакию начиная с июня 1944 года. К концу августа тридцать таких отрядов, каждый из которых в среднем насчитывал десяток человек, оказались на месте. Они служили ядром для организации и укрепления местных партизанских сил, создаваемых коммунистическим подпольем в Словакии¹⁰⁰.

К концу августа партизанское движение, в рядах которого насчитывалось 8000 человек, организовало беспорядки на большей части территории страны. По официальной просьбе словацкого марионеточного правительства германские войска начали оккупацию страны. Столкнувшись с таким положением, командование регулярной словацкой армии чувствовало, что должно начать восстание, в противном случае шанс вывести Словакию из состава держав оси будет упущен. Восстание частей регулярной армии началось 30 августа 1944 года. Украинский штаб партизанского движения дополнительно направил много партизанских отрядов (в конечном итоге в Словакии было 3000 советских партизан) и большое

⁹⁷ *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 378.

⁹⁸ Там же. С. 317.

⁹⁹ *Вершигора П.* Рейд... С. 29.

¹⁰⁰ *Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны*. С. 119–121; *Петере И.А.* Помощь советских партизан словацкому народному восстанию в 1944 г. // Академия наук Украинской ССР. Институт истории. 1956. Вып. 7. С. 90; *Советские партизаны*. С. 804.

количество снаряжения¹⁰¹. Но координации действий со Словацким национальным советом (руководившим восстанием армии) не было, и Советский Союз не оказал восстанию существенной помощи. Отвергнув Словацкий главный штаб партизанского движения, сформированный в середине сентября Национальным советом, коммунистическое руководство обратилось к Украинскому штабу с просьбой прислать специальную руководящую группу. Группа во главе с советским полковником прибыла в конце сентября¹⁰². К этому времени оказавшиеся в изоляции силы словацких националистов находились в отчаянном положении и месяц спустя были вынуждены сдаться немцам. Руководимые коммунистами партизаны продолжили партизанскую войну. Их действия не смогли почти ничем помешать оккупации, но в Словакии, традиционно крестьянской стране, начался хаос¹⁰³. Несомненно, что нарушение привычных устоев во многом помогло коммунистам утвердиться в Чехословакии после прихода Красной армии. Вместе с тем коммунистическое руководство обрело патриотический ореол, благодаря своим антигерманским усилиям. Влияние этих процессов на последующий захват коммунистами власти в Чехословакии трудно оценить однозначно. Но важно отметить, что, будучи консервативной частью довоенной Чехословацкой Республики, Словакия к 1946 году стала оплотом коммунизма.

В целом советская попытка «пересадки» партизанского движения на территорию своих соседей не выглядит впечатляюще успешной, в особенности если сравнивать ее с достижениями югославских партизан, оказывавших помощь коммунистическим повстанцам в сопредельных с Югославией странах. Но советские усилия в достаточной мере свидетельствуют о том, насколько важной советский режим считал партизанскую борьбу для распространения коммунизма. В конечном счете присутствие Красной армии обеспечило приход коммунистических правительств в большинстве восточноевропейских стран, граничащих с СССР. Но военная интервенция не способна создать видимость всенародной поддержки, которой вполне способно добиться разумно направляемое партизанское движение. Насильственное вмешательство в политические институты, являющиеся барьерами на пути коммунизма, было скорее способно вызвать возмущение, чем «спонтанный хаос», возникавший в результате действий партизан. Партизанские действия, даже если их основной движущей силой были советские партизаны, укрепляли уверенность в себе местных коммунистов. Подготовка партизан в СССР и действия партизан на местах к тому же предоставляли прекрасную возможность проводить тщательный отсев среди местных коммунистических руководителей. Путем сравнительно скромного вклада советский режим не только обеспечил вспомогательные силы для Красной армии, но и получил в ряде регионов, где партизаны добились успеха, огромные политические дивиденды.

В целом на примере продвижения партизан в Восточную Европу видно, насколько были условны в советском понимании национальные границы. Продвижение со «старой» советской территории в аннексированные регионы, на тайно обещанную территорию Закарпатья и территории бывших союзников СССР – все это было четко рассчитанными ходами на шахматной доске политической целесообразности. Советские разработчики планов тщательно изучили различия в социальных и политических условиях каждого региона и в соответствии с ними регулировали свою политику. Но соображениям, касающимся соблюдения законных обязательств или национального самоопределения, никогда не придавалось серьезного значения. Повсеместно единственной целью являлось скрытое за формулировками – вроде «помощи рабочим партиям», «развития революционной борьбы» и «свержения буржуазного строя» – установление коммунистических режимов. Экспансионистские цели

¹⁰¹ *История Великой Отечественной войны*. Т. 4. С. 333.

¹⁰² Там же. С. 327.

¹⁰³ *Армстронг Дж.А.* Политика тоталитаризма. С. 167–168.

коммунизма столь глубоко укоренились в сознании, что позволяли режиму рассчитывать на проявление исполнителями инициативы по продвижению динамичной политики за пределы советских границ.

Партизаны в послевоенном СССР

Выше высказывалась мысль о том, что советский режим, по-видимому, рассматривал вырабатываемые партизанской жизнью заговорщические настроения и дурные привычки как потенциальную опасность для послевоенного советского общества. Что касается рядовых партизан, то искоренение этой проблемы началось вскоре после возвращения Красной армии в те районы, где действовали партизаны. За исключением крупных «рейдовых» отрядов и других партизанских частей, чьи действия могли оказаться полезными при дальнейшем продвижении на запад, партизанские отряды в отвоеванных районах подлежали быстрому расформированию. Часто партизанам разрешалось устраивать парад победителей в городах, на окраинах которых они вели свои сражения. После этого им иногда давали отпуск на несколько дней или недель. В это же время, согласно ряду утверждений, которые трудно подкрепить конкретными фактами, шло выявление подозрительных или непокорных элементов, которых отправляли в концентрационные лагеря. Но большинство рядовых партизан очень быстро направляли в Красную армию. В одном из советских источников указывается, что из 3149 партизан в Винницкой области 2345 пошли в армию¹⁰⁴. Там – если они оставались в живых – партизаны приобщались к строгой дисциплине, и на смену их особой партизанской выучке приходила армейская выучка военного времени, являвшаяся обычной для всех людей их возрастной группы.

Обращение с командными кадрами партизан было несколько иным. Несомненно, что и в этой группе тоже проводился отсев ненадежных элементов. Но, как правило, такой отсев в рядах партизанских офицеров уже происходил во время партизанских действий. По меньшей мере в одной из областей запрещалось призывать на службу в Красную армию командиров и комиссаров отрядов или вышестоящих партизанских звеньев без согласия секретаря обкома партии. Для режима огромную дополнительную, хотя и незапланированную, пользу партизанское движение представляло в качестве испытательного полигона перспективных руководящих кадров. Если в тяжелых условиях партизанских действий руководитель проявлял положительные качества, он, несомненно, мог представлять интерес в будущем. В частности, если человек проявлял инициативу, сохраняя полную лояльность и самодисциплину даже тогда, когда он не мог быть подвергнут проверке непосредственным начальством, то такой человек мог оказаться полезным в послевоенной тоталитарной системе. Режим, похоже, уже во время войны признавал важность такого потенциала, ибо предпринимал шаги к эвакуации партизанских командиров, таких как, например, Ковпак, когда их отрядам грозило уничтожение. После войны лицам с прошлым партизанского руководителя часто удавалось сделать блестящую карьеру.

Потребовалось бы специальное исследование, чтобы подробно проследить за карьерными продвижениями после войны бывших партизанских руководителей. Но ряд общих тенденций прослеживается довольно четко. Бывшие офицеры НКВД обычно возвращались на службу в полицейские структуры, но на более высокие посты. Так, Наумов и Сабуров, занимавшие до войны незначительные посты, возглавили полицейские органы в важных пограничных областях. С.С. Бельченко, начальник штаба партизанского движения на Калининском фронте, к 1957 году поднялся до уровня заместителя председателя Комитета государственной безопасности. Партийные чиновники обычно возвращались в партийный аппа-

¹⁰⁴ История Великой Отечественной войны. Т. 4. С. 472.

рат на должности, аналогичные их должностям в партизанах. Как правило, они оставались в тех же союзных республиках. В.Н. Малин, начальник политического отдела Центрального штаба, к 1958 году занял пост начальника отдела в секретариате КПСС. Алексей Бондаренко, являвшийся до войны мелким чиновником в одном из районов Брянской области, проявив себя в рядах партизан, стал первым секретарем Брянского обкома. Находившийся до войны на посту секретаря ЦК компартии Украины по кадрам Моисей Спивак, сыгравший огромную роль в организации партизанского движения на Украине и позже являвшийся заметной фигурой в Украинском штабе партизанского движения, после войны в течение нескольких лет занимал ряд ответственных постов. После публикации критических замечаний он бесследно исчез незадолго до смерти Сталина; возможно, он стал жертвой тайной чистки, направленной против евреев. Другие видные члены центрального аппарата украинских партизан, такие как, например, А.Н. Зленко, продолжали занимать высокие посты при Сталине и после его смерти. Большое число мелких чиновников, назначенных на посты секретарей подпольных партийных комитетов, погибло во время оккупации. Такая судьба постигла секретарей Днепропетровского, Харьковского, Кировоградского и Полтавского обкомов, а также многих занимавших более низкие посты. Но немногие (обычно те, кого направляли в качестве замены после первоначального разгрома), кому удалось выжить, после войны в качестве награды получили высокие посты в украинской провинции. С.А. Олексенко, успешно возглавлявший подпольную организацию в Каменец-Подольском, вновь занял пост первого секретаря обкома (в Дрогобыче), потерянный им во время «большой чистки». П.Х. Куманок, руководивший Сумским подпольем, занимал после войны посты второго секретаря нескольких обкомов. Занимавший до войны пост секретаря Винницкого обкома по кадрам Д.Т. Бурченко после руководства Винницким подпольем был повышен и возглавил областную администрацию. М.А. Рудич, возглавлявший подполье Львовской области, стал секретарем одного из райкомов партии Львова¹⁰⁵.

Помимо своей ценности в качестве испытательного полигона для кадров аппарата партизанское движение обладало огромным потенциалом для использования его режимом в качестве вдохновляющей легенды. О том, что режим распознал такой потенциал, свидетельствует огромное количество выходящих книг о партизанах. Совершенно ясно, что публикация документов, мемуаров и рассказов о партизанском движении тесно связана с изменением «генеральной линии» коммунистической пропаганды и имеет отношение к сильному соперничеству внутри советского режима. Подробное исследование такой связи потребовало бы более пристального изучения, анализа содержания и тем, затрагиваемых в книгах, вышедших в разное время. Такое исследование также должно было бы включать тщательное сравнение пусть и небольших, но часто крайне примечательных текстуальных различий нескольких изданий одной и той же книги. За неимением такого подробного исследования представленные ниже наблюдения в определенной степени отражают личную точку зрения автора, но они все же дают возможность понять основные направления изменений в литературе о партизанах.

Во время и сразу после войны произведения о партизанах стремились рисовать это движение как народное патриотическое восстание против немцев. Хотя партизанское движение никогда не описывалось как спонтанное, роль партии и НКВД в руководстве партизанским движением затушевывалась. Подобная трактовка, похоже, полностью отвечала генеральной линии советской пропаганды, делавшей упор на всенародном патриотизме, пока существовала необходимость использования любых средств для сплочения советских людей против немцев. К 1946 году режим, по всей видимости, почувствовал, что пришло время сместить

¹⁰⁵ Более подробные сведения о послевоенных назначениях руководителей подпольщиков и партизан на Украине содержатся в книге Джона А. Армстронга «Советская бюрократическая элита» (с. 131–132).

акценты на исключительную важность партийного руководства и идеологии. В течение двух последующих лет (в рамках того, что получило название «ждановщина») несколько вышедших ранее работ были подвергнуты критике за отсутствие в них упоминания о решающей роли партии в организации и руководстве партизанским движением. Акцент на тесной связи партизанского движения с партией имел прямое отношение к престижу А.А. Жданова, под чьим руководством проводились особо успешные партизанские операции в Ленинградском регионе. Но к началу 1948 года Жданов утратил свое влияние, в августе того же года он умер. Кое-что указывает на то, что покровительство Жданова бывшим партизанам способствовало его политическому закату¹⁰⁶.

В восточноевропейских странах-сателлитах Советского Союза в период с 1948 по 1953 год принадлежность коммунистического лидера к партизанам могла вызвать подозрения в его «буржуазном национализме» и «титоизме». Несомненно, основной причиной такой подозрительности стали расхождения во взглядах с югославскими лидерами, отстаивавшими точку зрения, что партизанская война является наилучшим средством для прихода коммунистических партий к власти. Следует, однако, отметить, что бывшие лидеры словацких партизан, находившиеся во время войны полностью под советским, а вовсе не югославским влиянием, подвергались в тот период особо интенсивным чисткам. Внутри Советского Союза бывшим партизанам приходилось проявлять осторожность. Наиболее яркий пример той опасности, которую влекло за собой прославление подвигов партизан и подпольщиков, связан с Д.М. Медведевым, чья успешная партизанская карьера первоначально способствовала его реабилитации после споров с высокопоставленными сотрудниками НКВД. В 1952 году Медведев в одном из украинских журналов опубликовал под названием «На берегах Южного Буга» подробный рассказ о деятельности Винницкого подполья. Серия его статей подверглась резкой критике в одной из винницких газет за прославление людей, якобы являвшихся «фиктивными», а отнюдь не настоящими героями подполья. В феврале 1953 года, незадолго до смерти Сталина, эта критика была подхвачена таким влиятельным изданием, как «Литературная газета». После смерти Сталина произведение Медведева, по-видимому без изменений, было опубликовано отдельной книгой тиражом в несколько сотен тысяч экземпляров. В предисловии редакции к одному из изданий говорилось, что написание книги «потребовало не только огромного труда, но и гражданского мужества. Когда Медведев приступал к работе над книгой, в истории Винницкого подполья было много неясного, а отдельные его участники подвергались необоснованным обвинениям»¹⁰⁷. Сам Медведев умер в 1954 году в возрасте пятидесяти шести лет.

Сразу после смерти Сталина некоторые видные работники органов безопасности, руководившие партизанским движением, оказались замешаны в конфликт, связанный с Берией. Строкач сыграл ключевую роль в событиях, которые в конечном итоге привели к падению Берии. Одна из причин, видимо, в том, что Строкач (если верить словам его бывшего адъютанта) был ярким антисемитом, — однажды он даже обвинил Хрущева в покровительстве евреям, — а Берия возвращал в полицейские органы евреев, лишившихся своих постов во время сталинских чисток. Но по всей видимости, главной причиной стало нежелание Строкача участвовать в заговоре Берии по дискредитации Компартии Украины. Вполне вероятно, что его нежелание объяснялось тесными связями с партией, появившимися у Строкача (и ряда его подчиненных, также имевших в прошлом отношение к охране границ) тогда, когда он руководил партизанским движением. Во всяком случае, даже после его ухода в отставку в 1956 году с поста министра внутренних дел Украины выходившие книги о партизанах продолжали превозносить его роль в руководстве партизанским движением. С

¹⁰⁶ Армстронг Дж.А. Политика тоталитаризма. С. 177.

¹⁰⁷ Медведев Д. На берегах Южного Буга. Киев: Советский писатель, 1962. С. 2.

другой стороны, некоторые – но отнюдь не все – высокопоставленные сотрудники органов безопасности, осуществлявшие руководство партизанским движением из Центра и в Белоруссии, подвергались чисткам как сторонники Берии. Судоплатов и Эйтингон, работавшие в Четвертом управлении НКВД, бесследно исчезли со сцены. Л.Ф. Цанава, возглавлявший полицейский аппарат Белоруссии и являвшийся автором одной из самых подробных работ о партизанском движении, лишился своего поста, а вместе с ним исчезла и его книга.

Но большинство бывших партизанских руководителей оказались в выигрыше от прихода Хрущева к власти. По словам некоторых авторов, он еще в 1944 году отдал распоряжение собирать рукописи литературных произведений о партизанах. В 1949 году Хрущев, вопреки существовавшей при Сталине тенденции с подозрением относиться к партизанам, открыто восхвалял их. После обретения Хрущевым контроля над Компартией Советского Союза в советских произведениях о партизанах стала особо подчеркиваться «братская помощь», оказанная партизанам коммунистами в восточноевропейских странах, и партизанское прошлое в этих странах снова стало знаком отличия. В СССР резко выросло количество выходящих мемуаров и сборников документов о партизанском движении. Но по непонятным причинам Хрущев весьма неодобрительно отнесся к системным историческим исследованиям партизанского движения. В марте 1962 года в речи на Пленуме Центрального комитета КПСС он презрительно сравнил диссертацию «Партизанские операции в лесах Белоруссии во время Великой Отечественной войны» с диссертацией по теме «Экологическое и экономическое значение европейского белого журавля, черного журавля и серой цапли для Белоруссии». Обе диссертации, по его словам, были «пустой» тратой советских денег. Если и нужно давать трактовки партизанского движения и прочих этапов войны, то пусть этим занимаются авторы мемуаров, статей и литературных произведений.

В связи с частой сменой курса Хрущевым было бы не вполне разумно делать вывод о том, что в будущем не следует ожидать появления подробных исторических исследований партизанских операций. Однако его высказывания являются весьма примечательными в долгосрочном плане. Как отмечалось выше, партизанское движение обеспечило режиму весьма полезную легенду, которая входит составной частью в эпос под названием «Великая Отечественная война», представляющий собой героическую страницу в истории того поколения, которое находилось у власти в СССР. Партизанская легенда имеет то преимущество, что она превозносит роль коммунистической партии, тогда как особый акцент на действиях регулярных войск способствует поднятию престижа армии. В ряде вышедших мемуаров утверждалось (пусть это и довольно сомнительно с точки зрения исторической правды), что служить в партизанах было труднее, опаснее и даже более почетно, чем в Красной армии¹⁰⁸.

К тому же историю партизан можно легко приспособить для закрепления в сознании молодежи коммунистических идей. Легенды об отрядах бесстрашных и связанных единой целью молодых людей, живущих под открытым небом, сражающихся против превосходящего противника и мстящих худшим из мерзавцев, привлекали внимание молодежи со времен Робин Гуда до эпохи покорения Дикого Запада. Добавьте к этому рецепту в качестве ингредиентов элементы детективного триллера, и у вас в руках окажется идеальное орудие пропаганды. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что литературные редакторы (а в ряде случаев и талантливые писатели с партизанским прошлым, такие как, например, П. Вершигора) переработали воспоминания настоящих партизан, сделав из них произведения, наделенные особой драматургией. Будучи безыскусными, такие книги резко отличаются от большинства скучных, написанных поучительным тоном советских произведений, получивших официальное одобрение. В то же время «литературная» переработка партизанских мемуаров предоставляет умелым пропагандистам широкие возможности сделать особый упор на

¹⁰⁸ Бегма В., Кизя Л. Указ. соч. С. 487; Македонский М. Указ. соч. С. 105.

позитивных сторонах партизан и косвенно предостеречь против действий, рассматриваемых режимом как негативные. Таким образом, жанр партизанской литературы создавался с тем, чтобы стать немаловажной и действенной частью механизма советской пропаганды. И эта роль вряд ли будет преуменьшена в обозримом будущем.

Часть вторая

Организация и управление партизанским движением

Джон Армстронг и Курт де Витт

Введение

Вопросы организации и управления являлись фундаментальными в советском партизанском движении во время Второй мировой войны. Их важность ярко продемонстрирована опытом ряда современных повстанческих движений. Децентрализованная организация обязательно присутствует во всех партизанских войнах, поскольку сложная организационная структура современных армий не может быть полностью спроецирована на нерегулярные вооруженные силы, вынужденные держаться в тех районах, где основные технические средства находятся в руках противника. Силы партизан в тылу противника не имеют возможностей для регулярного снабжения. Они должны избегать большого скопления, предоставляющего потенциально более сильному противнику возможность втянуть их в военные действия с участием регулярных войск, в которых они будут заведомо слабее. Помимо крайней важности сохранения партизанских подразделений, простота организации имеет ряд дополнительных преимуществ. Она требует очень небольшого количества «вышестоящих» начальников, при ней не нужны значительные коммуникации и техническое обслуживание. Большинству партизанских офицеров и сержантов не надо иметь такую же высокую специализацию и хорошую военную подготовку, как офицерам из регулярных частей, равных по численности их отрядам. Поэтому люди самых разных профессий и с различным опытом могут использоваться для командования партизанскими отрядами. Как и большинство групп, имеющих простую форму организации, партизанские подразделения трудно уничтожить, поскольку при разрушении группа стремится к быстрому переформированию.

Но присущие простоте и децентрализации преимущества не смогли быть успешно использованы большинством современных повстанческих движений из-за серьезных недостатков. Хотя группа партизан, оказавшись рассеянной противником, способна быстро восстановиться, она может распасться при устранении ее ключевых лидеров, ибо, в отличие от регулярных вооруженных сил, у нее часто нет альтернативной организационной структуры, к которой оставшимся в живых необходимо присоединиться. Поскольку даже не пострадавший партизанский отряд не является частью существующего на постоянной основе института армии, в нем могут возникать серьезные проблемы с моралью и дисциплиной. Хотя подобные проблемы находятся вне сферы данного исследования, рассмотрение роли партизан в общей стратегии войны вполне уместно. Действия партизан будут иметь сравнительно небольшую ценность в общих военных усилиях, если они не могут координироваться из Центра и направляться на достижение важных целей. Подобное утверждение верно еще и потому, что партизанские отряды, в частности тогда, когда они проводят свои операции в непосредственной близости от домов своих членов, стремятся избегать активных действий, способных вызвать суровые репрессии со стороны противника. Как правило, действиями, которым противник вынужден наиболее энергично противостоять, являются, конечно, те, что представляют наибольшую ценность для общих военных усилий страны, к которой принадлежат партизаны. Для советского режима контроль за партизанским движением был даже еще более важен, поскольку, в отличие от стран, где партизанское движение возникало как

спонтанная реакция на иностранное вторжение, на оккупированной советской территории поначалу наблюдалась пассивность по отношению к немецкой оккупации.

Помимо своей военной ценности централизованное управление обладает важным преимуществом с политической точки зрения. В партизанском движении, где централизованное управление неэффективно, отдельные партизанские командиры стремятся сами стать «законом». Поначалу командир партизанского отряда пассивно пытается выйти из-под контроля центральной власти, а затем открыто переходит в оппозицию. Подобное нередко происходило в первой трети XX века во время гражданских войн в таких странах, как Мексика и Китай, и во время Гражданской войны в России и на Украине. Советские правители прекрасно помнили свой опыт отношений с такими лидерами повстанцев, как, например, Нестор Махно на Украине, которые заявляли о своей преданности советскому режиму, когда считали это целесообразным для себя, но в конечном итоге пришлось прибегнуть к насильственному их подавлению, когда они отказались подчиняться указам советской власти. Советское руководство было полно решимости избежать повторного появления подобных «центробежных» тенденций в случае новой затяжной войны в Советском Союзе. Появление независимых лидеров среди своих граждан для тоталитарного режима так же неприемлемо, как полный контроль над этими гражданами иностранного агрессора.

Ради сохранения преимуществ партизанского движения и вместе с тем стремясь избежать его традиционных ловушек, советское руководство во время войны использовало два вида контроля, не имевшие ранее широкого применения в партизанской войне. Поскольку поддержку партизанам оказывала мощная индустриальная держава, какой являлся Советский Союз, широкое применение находили современные технические средства, такие как радио и самолеты. Не менее, а пожалуй, даже более важными были используемые режимом методы политического и общественного контроля. Центральное место в данной главе занимает рассмотрение методов, использование которых способствовало становлению организационной и управленческой структуры советского партизанского движения. Один из аспектов касается приложения проверенных советских методов к партизанскому движению; другой – того образа действий, при котором особые условия партизанской войны вызывали необходимость выработки новых методов или модификации уже имевшихся. С этих позиций изучение партизанской войны обеспечивает возможность получить более глубокое представление о функционировании советской системы в условиях оказываемого на нее давления извне.

Глава 1

Первые попытки организации партизанского движения

Довоенная советская концепция партизанской войны

Партизанская война занимала довольно серьезное место в менталитете советского руководства в период между войнами. В учебниках и курсах военных академий Красной армии анализировались партизанские операции периода Гражданской войны, а иногда рассматривались действия партизан в другие периоды и в других странах, например действия партизан против Наполеона в России и в Испании. Научные исторические и политические журналы, в особенности связанные с историей коммунистической партии, печатали иностранные статьи о красных партизанах времен Гражданской войны. В этих статьях анализировались социальные и политические предпосылки появления партизан в период Гражданской войны и подробно рассматривались как политические, так и военные аспекты этого движения¹⁰⁹. Партизанские лидеры превозносились как образцы «воинственности» и преданности делу коммунизма. Хотя многие партизанские руководители времен Гражданской войны вскоре после того, как советский режим прочно утвердился, оказались забыты или подверглись чисткам в период становления единоличной диктатуры Сталина, несколько видных лидеров, таких, например, как К. Ворошилов, продолжали провозглашаться героями партизанского движения.

Поэтому партизанская война являлась отнюдь не новым понятием для поколения советских граждан, — ну или по крайней мере находящихся среди них членов партии, — которому пришлось столкнуться с агрессией Германии в 1941 году. Тем не менее это поколение оказалось психологически не подготовленным вести борьбу с оккупантами в условиях подполья. В своих мемуарах Алексей Федоров, являвшийся первым секретарем Черниговского обкома партии, рассказывает, что сам термин «подполье» казался архаичным и «книжным» членам партии, утратившим всякий навык конспиративной работы за двадцать лет своего нахождения у власти¹¹⁰. Отчасти это можно объяснить тем, что региональные партийные руководители не знали о разработанных высшим руководством планах передачи полномочий на местах тайным организациям в случае оккупации противником. Когда Федоров вскоре после начала войны приехал в Киев для консультаций с Н. Хрущевым, являвшимся тогда первым секретарем Компартии Украины, он был поражен, узнав, что такие планы были давно разработаны для партийных организаций всесоюзного и республиканских уровней¹¹¹. По всей видимости, довоенное планирование ограничивалось обобщенными схемами, разработанными центральным партийным руководством. Отсутствие детальных разработок для регионального и местного уровней может указывать на полное отсутствие дара предвидения у партийных руководителей, но более вероятно, что это являлось неизбежным следствием советской доктрины, согласно которой будущая война являлась наступательной кампанией.

В открытую сигнал к организации партизанского движения был дан в радиообращении Сталина 3 июля 1941 года. В этой пространной речи, касавшейся многих аспектов войны,

¹⁰⁹ Гартхофф Р.Л. Советская военная доктрина. Гленко, Иллинойс: Фри пресс, 1953. С. 391–394.

¹¹⁰ Федоров А. Указ. соч. С. 15; см. также: Козлов И. В крымском подполье: Воспоминания. М.: Советский писатель, 1947. С. 10, 17–18.

¹¹¹ Там же. С. 12–13. Ряд немецких донесений ссылается на довоенную разработку Советским Союзом обширных планов партизанских действий. Но эти донесения либо составлены весьма туманно и бездоказательно, либо основаны на сведениях, полученных на допросах слабо информированных рядовых партизан.

содержались и строки о партизанской войне: «В занятых врагом районах создавать отряды конных и пеших партизан и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны повсюду, для взрывов мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов и транспорта. В захваченных районах создать невыносимые условия для врага и всех его пособников. Преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

В это же самое время ряд советских правительственных органов начал лихорадочные приготовления к партизанской войне. По всей вероятности, единого официального координирующего органа не существовало, но вполне вероятно, что высокопоставленные партийные работники, работники НКВД и военачальники Красной армии время от времени проводили совещания, касающиеся роли их ведомств в организации партизанского движения. О координации действий свидетельствует тот факт, что, несмотря на некоторую двусмысленность, основные приказы по формированию партизанского движения содержали общие указания по распределению обязанностей.

Территориальная организация

1. Роль партии

Одним из главных органов, имевших непосредственное отношение к организации партизанского движения в 1941 году, была сама коммунистическая партия. Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии руководил формированием партизанских отрядов, при этом организационная структура партизанского движения должна была копировать существующую территориальную структуру партии. Вероятно, ряд партийных чиновников занимался этим вопросом начиная с июля, но точной информации относительно этого нет. Имеются конкретные свидетельства об организации партизанского движения на уровне областей РСФСР и союзных республик¹¹².

В данном разделе основное внимание уделяется территориальным партийным органам, включавшим в себя упомянутые выше уровни. Наиболее важные города имели собственные партийные организации, по статусу соответствовавшие партийным организациям сельских районов, в ряде случаев и областей. В крупных городах, разделенных на районы, существовали районные партийные организации. Городские партийные организации создавали подпольные центры; а в ряде городов либо на городском, либо на районном уровне создавались истребительные батальоны, большая часть личного состава которых впоследствии являлась основой для формирования партизанских отрядов. Основным уровнем, на котором создавались партизанские отряды в большинстве крупных городов (и тех, что были оккупированы, и таких, как, например, Ленинград, где немцев не было), являлись первичные партийные организации отдельных предприятий. Это было вполне логично, поскольку на заводе, фабрике или транспортном предприятии работало столько же членов партии, сколько их было в целом сельском районе. По всей видимости, истребительные батальоны не формировались на предприятиях, но там шло создание похожих подразделений «народного ополчения», откуда многие тоже попадали в партизаны.

¹¹² Поскольку в РСФСР не существовало отдельной партийной организации, области, края и автономные республики представляли собой уровень следующий сразу после Всесоюзной коммунистической партии, номинально находившейся на одном уровне с компартиями союзных республик. В 1941 году активность партизан в Карело-Финской, Молдавской и трех Прибалтийских республиках была невелика, и об их действиях почти нет сведений. В Белоруссии, судя по имеющимся материалам, областные партийные организации, которые были меньше и слабее, чем областные организации на Украине, сыграли сравнительно небольшую роль в первые месяцы войны.

Партийные организации ряда крупных предприятий, таких, например, как отделения железных дорог, находившиеся в нескольких районах и соединявшие различные города, были обычно подчинены территориальной партийной организации не ниже областного уровня. В развитии партизанского движения такие партийные организации действовали аналогично партийным организациям городских предприятий, но под руководством областного, а не городского комитета партии.

На Украине секретари Центрального комитета Н.С. Хрущев, М.А. Бурмистенко и Д.С. Коротченко руководили приготовлениями, не прибегая к помощи специально создаваемого для этой цели аппарата. Какое-то время, как отмечалось выше, эта работа велась в Киеве, куда немцы вошли лишь в сентябре 1941 года. Здесь Хрущев и его помощники сформировали специальную организацию для руководства созданием партизанских отрядов в областях Украинской ССР. В каждой области, где должно было быть партизанское движение, эта задача возлагалась на секретаря областного комитета партии (обкома)¹¹³. Одновременно с этим другой партийный руководитель тайно назначался на пост «подпольного секретаря» и получал приказ остаться для партийной работы, в том числе и для организации партизанского движения, после прихода немцев¹¹⁴. Во многих случаях назначаемые на эту должность не являлись видными партийными руководителями, хотя примечательно, что однажды человеком, получившим такое назначение, стал первый секретарь обкома. Этим человеком был А. Федоров, работавший, как отмечалось выше, в Черниговской области. Федоров утверждает, что получил это назначение, «вытребовав» его у Хрущева; но его послужной список «кризисного менеджера» в партийной организации Украины свидетельствует, что для этого существовали и другие причины. Ряд свидетельств позволяет предположить, что такие люди, как Федоров, имевшие тесные контакты с НКВД в процессе решения определенных дисциплинарных проблем внутри партии, считались наиболее подходящими для работы по организации партизанского движения¹¹⁵.

2. Роль НКВД

Ряд особенностей подпольных партийных организаций вызывал необходимость, чтобы их руководители могли работать в тесном контакте с НКВД. Одной из главных составных частей подполья была широкая сеть диверсионных групп. Эта сеть, которая должна была существовать на всей оккупированной территории, но особенно важной являлась в городах, создавалась территориальными отделениями НКВД обычно из своих информаторов и агентов. Непосредственный контроль осуществлялся работниками НКВД, оставляемыми для работы на оккупированной территории. По всей видимости, контакт с партийным подпольем поддерживался лишь на областном уровне. Сеть состояла из групп численностью

¹¹³ Федоров А. Указ. соч. С. 13. Список областей, в которых проходил отбор секретарей, можно найти в донесении немецкой разведки, основанном на допросах большого количества партизан. На практике не все отобранные секретари смогли выполнить поставленные перед ними задачи; на Украине к западу от Днепра и на большей части Белоруссии на уровне областей в 1941 году не удалось организовать партизанского движения.

¹¹⁴ Помимо партизан и упоминающихся ниже диверсионных отрядов НКВД в ряде районов существовала широкая подпольная сеть агентов партии. Ими руководили секретари подпольных партийных организаций, и помимо пропаганды такие агенты занимались саботажем и устранением неугодных.

¹¹⁵ По словам самого Федорова, он сражался в рядах Красной армии во время Гражданской войны, но вступил в партию лишь в 1927 году, после чего занимал ответственные посты в аппарате профсоюзов. Позднее он стал членом Комитета партийного контроля в Черниговской области, затем вторым секретарем областного комитета партии, а в 1938 году – после крупных чисток – первым секретарем. Во время войны он и его отряд были посланы восстанавливать советскую власть в Ровненской и Волынской областях, что являлось весьма нелегкой задачей из-за крайне враждебного отношения местного населения к советской власти. После войны он работал первым секретарем в нескольких областях. Как будет отмечено ниже, руководителем подполья в Крымской АССР (где организация была несколько иной) являлся секретарь обкома по кадрам, то есть человек, занимавшийся персоналом и дисциплинарными вопросами.

от трех до семи человек (в том числе и женщин). Она создавалась в первую очередь для проведения диверсий и выполнения других задач по приказам советского руководства. Члены групп для маскировки тайной деятельности продолжали заниматься своим обычным делом. В целях конспирации каждому члену группы полагалось знать лишь ее командира, который, в свою очередь, знал лишь членов своей группы и единственного вышестоящего начальника.

Организационной связи между партизанским движением и сетью диверсионных отрядов не существовало, поскольку к последним предъявлялось особое требование избегать риска быть обнаруженными из-за контактов с открыто враждебными к немцам элементами, такими как партизаны. Но на практике многие члены диверсионных групп оказывались вынуждены прибегать к помощи партизанских отрядов и искать в них убежища.

Другое направление деятельности НКВД имело прямое отношение к партизанскому движению. 26 июня 1941 года Лаврентий Берия, народный комиссар внутренних дел (НКВД), отдал приказ районным отделениям НКВД формировать отряды народного ополчения, известные под названием «истребительные батальоны». В соответствии с этим приказом истребительный батальон по размерам должен был соответствовать армейской роте (100–200 человек), а его рядовой личный состав в основном должен был включать в себя людей слишком старых, слишком молодых или по иным причинам непригодных для службы в Красной армии. В то же самое время офицеры и большая часть сержантского состава являлись работниками НКВД или заслуживающими доверия членами партии. Общее руководство осуществлялось районным или межрайонным отделением НКВД, при этом Красная армия оказывала содействие, обеспечивая оружием и в отдельных случаях направляя инструкторов для подготовки.

Вполне вероятно, что планы создания истребительных батальонов разрабатывались задолго до начала войны, в то время, когда размах и быстроту продвижения немцев в глубь территории СССР нельзя было предвидеть. Они представляли собой в первую очередь оборонительные подразделения, в чьи задачи входила охрана важных объектов с целью предотвращения диверсий и атак немецких парашютистов. Однако уже в июле 1941 года приказы НКВД предусматривали превращение находящихся в прифронтовой полосе истребительных батальонов в партизанские отряды. При выполнении этой задачи работники НКВД должны были сотрудничать с территориальными партийными организациями, которым официально предписывалось осуществлять контроль за партизанским движением. Тем не менее перед НКВД была поставлена чрезвычайно важная задача по проведению строгого отбора людей для партизанских отрядов. На практике секретарь районного комитета партии назначался областным комитетом для руководства организацией партизанского движения в своем районе. Такое назначение должно было получить одобрение Центрального комитета компартии союзной республики, а в РСФСР – ЦК ВКП(б). Оказание помощи в работе по организации и решению других «военных» вопросов должен был осуществлять «военный отдел» партийного аппарата района, созданный на районном уровне до войны. Но вполне очевидно, что в период организации и развития партизанского движения наиболее существенную роль сыграл именно НКВД.

Офицеры формируемых партизанских отрядов, как и офицеры истребительных батальонов, откуда их по большей части и набирали, были заслуживающими доверия приверженцами советской системы. Большинство среди них составляли партийные работники и государственные служащие, но около одной трети являлись офицерами НКВД. Рядовые бойцы партизанских отрядов также были надежными людьми; наименее полезных членов истребительных батальонов, включая тех, кто был физически непригодным для тягот партизанской жизни, отсеивали. Значительную долю партизан составляли комсомольцы, по возрасту непригодные для службы в армии.

3. Отряд в действии

Не все партизанские отряды формировались из истребительных батальонов. В ряде случаев территориальные партийные организации формировали отряды путем прямого призыва считавшихся надежными людей, не привлекая личного состава истребительных батальонов НКВД. В ряде крупных городов истребительные батальоны сформированы не были, но аналогичные им подразделения народного ополчения служили основой для создания партизанских отрядов. При формировании партизанских отрядов использовались и иные методы. Однако, судя по всему, в первые месяцы войны в сельских районах оккупированной территории СССР основным источником живой силы для партизанских отрядов являлись истребительные батальоны.

Будучи сформированным, отряд удалялся в труднодоступное место и создавал там секретный укрепленный лагерь. По всей видимости, первоначальным планом намечались действия одного или нескольких таких отрядов в каждом районе или сосредоточение нескольких отрядов из соседних районов в одном хорошо защищенном месте¹¹⁶. В одном случае в качестве ядра партизанского движения и для защиты его областного штаба был сформирован специальный «областной отряд»¹¹⁷. Но по всей видимости, первоначальный план предусматривал, что руководство партизанским движением в областях, непосредственно не прилегающих к линии фронта, будет осуществляться секретарями подпольных райкомов и их аппаратами. Такой аппарат не входил в партизанский отряд, а должен был действовать в подполье.

Вероятно, командир районного отряда должен был руководить особыми тревожащими противника операциями, а находящийся в подполье партийный секретарь должен был получать и передавать директивы Центрального комитета компартии союзной республики, находящегося за линией фронта. Но это лишь предположение, ибо общая система управления партизанским движением, по существу, так и не была налажена. Большое количество районных отрядов, как и планировалось, отошло в свои убежища и приступило к проведению операций против сил немцев. По меньшей мере в одном случае секретарь подпольного обкома посещал партизан в своем регионе и давал указания, но вскоре он исчез. В других случаях контакта с выделенными для подпольной работы секретарями партизанам установить так и не удалось, поскольку секретари либо почти сразу были арестованы немцами, либо были вынуждены уйти из своих областей вместе с беспорядочно отступающими частями Красной армии. Отсутствие необходимого радиооборудования помешало большинству районных отрядов установить прямую связь с неоккупированной территорией Советского Союза. В результате большинство отрядов, удаленных от линии фронта, не могло координировать свои операции с общим планом действий.

Если бы территориальная система организации оказалась успешной, немцам пришлось бы столкнуться с сетью небольших партизанских отрядов в каждой оккупированной административно-территориальной единице Советского Союза. Такие отряды, действующие на своей исконной территории, не только сыграли бы весьма важную роль в причинении материального ущерба, но и стали бы центрами политического сопротивления оккупантам. Потенциальная важность такой системы в политическом плане, несомненно, позволяет объяснить главенствующую роль партии и НКВД в попытках ее создания. Однако на практике такую обширную сеть партизанских отрядов создать не удалось. Поэтому для оценки реальной ценности партизанского движения на раннем этапе необходимо рассмотреть то,

¹¹⁶ Федоров А. Указ. соч. С. 18, 19, 68; см. также: Ковпак С. От Путивля до Карпат. М.: Гос. изд-во детской литературы Наркомпроса РСФСР, 1945. С. 5, 9.

¹¹⁷ Федоров А. Указ. соч. С. 22.

как территориальные формирования были приспособлены к различным условиям партизанского движения.

Партизанское движение и Красная армия

Из директив партии и НКВД становится ясно, что партизанское движение предназначалось для операций, проводимых в тесном взаимодействии с Красной армией; в директивах неоднократно подчеркивалось, что особое внимание следует уделять организации партизанского движения в районах, находящихся в непосредственной близости от фронтов. Вместе с тем армейское командование было готово приспособить для собственных нужд партизанские отряды, организованные территориальными партийными аппаратами. Военный совет Северо-Западного фронта выпустил приказ, ставивший задачу по формированию партизанских отрядов по территориальному принципу: «Желательно, чтобы в каждом административном районе был по меньшей мере один партизанский отряд». В то же время приказ особо подчеркивал необходимость использования партизан в военных действиях. Он рассматривал территориальную систему просто как основу для формирования подразделений, которые могли бы использоваться в качестве вспомогательных: «В первую очередь партизанские отряды и диверсионные группы должны создаваться в районах проведения главных операций, то есть в районах наибольшей концентрации сил противника... Операции должны проводиться на территории, где леса обеспечивают прикрытие для отрядов. Такая территория может включать в себя до двух или трех административных районов; операции должны проводиться только против основных линий коммуникаций противника...»

На короткое время, в июне и июле 1941 года, задача по использованию партизанского движения для военных целей была возложена на особые отделы НКВД Красной армии, но в середине июля эту работу стали выполнять политические отделы армейских штабов¹¹⁸. На практике политотделы разных армий применяли различные методы использования сформированных по территориальному принципу партизанских отрядов. В одной из армий Западного фронта выполнение задачи по связи с партизанами в районе боевых действий было поручено батальонному комиссару. Этот комиссар в своих мемуарах признается, что раньше ничего не знал о партизанской войне и что председатель военного совета Западного фронта при назначении сказал ему, что до недавнего времени командование фронтом не воспринимало партизан всерьез. Теперь же армейское командование считает, что партизаны могут оказать военную поддержку, и потому оно готово выделить им оружие, а также помочь советами и людьми. Комиссар принял участие в заседании бюро райкома партии, на чьей территории действовала его армия, и изложил позицию своего командования секретарю райкома, начальнику районного военкомата, председателям сельских Советов и представителю НКВД¹¹⁹. Новые соратники не произвели на комиссара глубокого впечатления, и практическая помощь с их стороны оказалась минимальной. Даже если бы перспективы сотрудничества выглядели более многообещающими, поспешное отступление армии из данного района сделало невозможным широкое взаимодействие с партизанами на этой территории.

Но севернее и южнее территориальные отряды значительно шире использовались Красной армией. Политуправление Северо-Западного фронта активно сотрудничало с районными партийными структурами и даже направляло офицеров для оказания помощи в

¹¹⁸ Политические отделы отвечали за пропаганду и политическую учебу военнослужащих Красной армии. О недолгом периоде контроля НКВД сообщил Жигунов, офицер НКВД при одном из армейских штабов (на допросе 24 апреля 1942 года). Жигунов также сообщил о передаче полномочий по контролю политотделам; это изменение также подтверждает тот факт, что уже 13 июля 1941 года политическое управление Северо-Западного фронта направило доклад об организации партизанских отрядов Льву Мехлису, начальнику главного политического управления Красной армии.

¹¹⁹ Андреев В. Народная война: Записки партизана. М.: Худож. лит., 1952. С. 49.

организации партизанских отрядов. Видимо, часть этих отрядов осталась в районах, где они были сформированы, а другие были переданы в состав Красной армии для подготовки и оснащения. По завершении подготовки отряды оставались в подчинении штаба Северо-Западного фронта, который использовал их для ведения разведки в тылу у немцев.

Аналогичная схема возникла и на северном участке Западного фронта, но она имела ряд отличий. В Смоленской области управление Западной железной дороги совместно с областным комитетом партии занималось формированием партизанских отрядов из железнодорожных рабочих. По всей видимости, эта задача возлагалась на Особый отдел управления железной дороги. После формирования отряд прошел подготовку, скорее всего под руководством военных, и был передан в подчинение армейскому командованию для оперативных целей. По утверждению комиссара отряда, назначенного на этот пост НКВД и партийной организацией, вскоре после завершения подготовки отряд получил от «армейского комиссара и высокопоставленного офицера штаба» следующие инструкции:

1. Отряд должен действовать в направлении Гузина.
2. Задача отряда – диверсии и саботаж в тылу немецких войск.
3. Связь должна поддерживаться со штабом Западного фронта.
- А. Место встречи связных – деревня Ковши.
- Б. Встречи должны происходить 25-го числа каждого месяца.
- В. Пароль: «Вы не видели здесь лошадей?»; отзыв: «Лошади ушли из Ковшей».

Действия этого отряда по разрушению немецких коммуникаций, несомненно, представляли ценность для Красной армии, поскольку в этом отряде были технически грамотные люди. На важную роль отряда и особое внимание к нему армейского командования указывает тот факт, что для прохода отряда через линию фронта был выделен офицер Красной армии, а в дальнейшем его действия контролировал армейский комиссар, которому было поручено руководство проведением диверсий на оккупированной территории. Аналогичным образом командование Южного фронта использовало сформированные по территориальному принципу партизанские отряды для создания центра подрывной деятельности в Никопольской области.

Описанные партизанские отряды, подготовленные и руководимые командованием Красной армии, использовались в тех административно-территориальных единицах, в которых они создавались. Несколько иная система существовала в Ленинграде, который находился в осаде, но так и не был оккупирован. Здесь отряды численностью до полка создавались партийными организациями на заводах, комиссарами в них назначались партийные работники, а командирами люди, знающие военное дело. Эти отряды передавались в подчинение командованию Северо-Западного фронта для подготовки, по завершении которой их направляли в тыл противника. Оказавшись на оккупированной территории, крупные формирования делились на батальоны по 100–200 человек в каждом (по всей видимости, такая численность считалась наиболее рациональной для оперативных целей) и вели свои действия под контролем командования фронта. Существовали также партизанские отряды под командованием офицеров, личный состав которых специально отбирался партийными органами в не подвергшихся оккупации крупных городах, таких как, например, Москва; они проходили специальную подготовку в Красной армии и в дальнейшем использовались для выполнения стратегических задач. Партийные кадры из неоккупированных регионов играли важную роль в организации местных отрядов на оккупированной территории; этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Не все отправляемые Красной армией за линию фронта получили приказ действовать как партизаны. Многие набранные и прошедшие ускоренную подготовку парашютисты забрасывались без разбора, по всей видимости в надежде, что части из них удастся успешно провести диверсии на немецких объектах. Другие отряды парашютистов и дивер-

сантов состояли из военнослужащих регулярных частей Красной армии, в том числе и из офицеров штабов; их направляли для выполнения особых заданий, таких как разрушение линий коммуникаций противника и сбор разведывательной информации. Такие люди имели определенное значение для партизанского движения, поскольку им часто приходилось присоединяться к партизанским отрядам, если у них не было возможности вернуться назад за линию фронта. Но в 1941 году важной роли они не играли.

Судьба созданного по территориальному принципу партизанского движения

В течение 1941 года территориальные партизанские отряды не имели важного значения нигде даже тогда, когда, как отмечалось выше, они могли быть использованы Красной армией для выполнения военных задач. По мере того как немцы устанавливали жесткий контроль над обширными участками завоеванной территории СССР, во многих районах партизанские отряды исчезали. Многие из них распадались, когда над ними нависала угроза физического уничтожения. В результате в первые четыре месяца войны число организованных по территориальному принципу отрядов неуклонно сокращалось. Позже более благоприятные условия позволили ряду оставшихся районных партийных организаторов перестроить партизанские группы, а также дали возможность уцелевшим отрядам пополнить свой личный состав. Однако к этому времени территориальные отряды в большинстве регионов значительно уступали по количеству отрядам, сформированным за пределами их территорий. Но прежде чем обратить свой взор на этот этап организации партизанского движения, необходимо рассмотреть важные региональные различия, повлиявшие на судьбу территориальной системы.

1. Северные регионы

Хотя в северных регионах – на территории, расположенной к северу от линии Брест – Чернигов – Курск, – действовал целый ряд районных партизанских отрядов, после 1941 года они не играли важной роли, поскольку в партизанском движении происходили огромные перемены. Территориальные отряды, продолжавшие действовать в своих районах, имели важное значение в регионах Белоруссии, удаленных от линии фронта. В других частях районным отрядам часто удавалось уцелеть, но они действовали не в тех местах, где были сформированы.

В большинстве регионов остатки территориальной системы сохранились. На севере Украины партизанские отряды продолжали носить названия по наименованию районов даже после того, как их первоначальный личный состав был по большей части заменен. В большинстве регионов уцелевшие партийные функционеры и работники НКВД становились ядром для создания новых отрядов в набиравшем силу партизанском движении.

Эти люди играли важную роль в сохранении партизанами лояльности к коммунистической системе, а также могли способствовать восстановлению контроля партии над местным населением в районах действий партизан. Это происходило, например, в Черниговской области, где Алексей Федоров возглавлял территориальные партизанские отряды, ставшие ядром для создания крупной партизанской группировки. Какое-то время Федоров и его соратники, помимо выполнения своих функций партизанских командиров, осуществляли руководство партийным подпольем. Но партизаны не смогли остаться в области, где условия местности не позволяли долго уклоняться от столкновения с превосходящими силами. В начале 1943 года советское руководство также волновала проблема переброски большинства крупных партизанских отрядов Украины в район к западу от Днепра. Поэтому весной 1943 года, когда

группировка Федорова была переброшена в западные области Украины, он смог сыграть заметную роль в восстановлении политического и военного господства советского режима в этом регионе, где до 1939 года не было советской власти, и потому весьма важно было утвердить там коммунистическое влияние.

Но во многих районах партийные работники не смогли возглавить партизанские отряды. В частности, в районах, где сильным было влияние Красной армии, территориальный партийный аппарат отказывался от руководства партизанскими операциями, а ограничивался политической пропагандой, стимуляцией боевого духа партизан и мерами дисциплинарного порядка. Его функции были аналогичны функциям, выполняемым территориальными партийными организациями по отношению к действовавшим в их районах частям Красной армии.

2. Степные регионы

Территориальным партизанским отрядам в оккупированных южных регионах повезло меньше, чем отрядам северных регионов. Поскольку большая часть расположенной южнее территории представляет собой открытые степные пространства, система районных отрядов, действовавших в непосредственной близости от мест проживания партизан, вскоре доказала свою неэффективность. Отряду приходилось искать любое доступное убежище, даже если оно находилось за сотни километров от его района. Вместе с тем невыгодные условия местности, воспрепятствовавшие выполнению плана территориальной организации, помешали развитию массового партизанского движения. На открытых пространствах немцы быстро окружали отбившихся от своих частей солдат Красной армии, которые в северных регионах имели возможность скрываться в лесах и болотах, пока им не удавалось присоединиться к партизанам. Недовольных крестьян мало что побуждало покидать свои деревни, поскольку скрываться им было практически нигде. В результате, несмотря на их небольшое количество, территориальные отряды сохраняли относительную важность для этого региона.

Даже в первые недели войны в украинских степях к западу от Днепра активности партизан почти не наблюдалось. Наступающие силы немцев встретили сопротивление нескольких отрядов в лесах и болотах вдоль рек. По всей видимости, это были отряды аналогичные Никопольскому отряду, но они были значительно меньше, и руководство ими осуществляли партийные работники, а не армейские офицеры. Имеются лишь обрывочные сведения о главном центре партизанских операций к западу от Днепра, в Черном лесу неподалеку от Черкасс. Этот лес, по всей видимости, являлся местом сбора партизан со значительной части территории Центральной Украины; отряд, вероятно, был уничтожен в начале 1942 года, и о его организационной структуре ничего не известно. Руководство мелкими отрядами, действовавшими к востоку от Днепра в небольших лесах Киевской и Полтавской областей, по всей видимости, осуществляли подпольные структуры партии и НКВД. К началу 1942 года эти отряды тоже исчезли, а их остатки, видимо, искали убежище в расположенных севернее густых лесах. К концу 1942 года небольшие группы партизан в лесах Харьковской области были уничтожены сформированными немцами отрядами вспомогательной украинской полиции. В Донбассе появлялись сменявшие друг друга небольшие отряды, но их, видимо, забрасывала Красная армия.

Хотя территориальная организация партизан в степных регионах Украины, очевидно, к началу 1942 года была уничтожена, подпольные группы, по большей части в городах, продолжали проводить диверсии. Подпольный комитет партии в Киеве, по всей видимости, даже мог руководить действиями одного партизанского отряда в лесистой местности на северной границе области. Подпольные группы занимались диверсиями и оказывали

помощь направляемым сюда разведчикам. Но их наиболее важная функция состояла в том, чтобы впечатление о теневом присутствии советской власти не исчезало из сознания местного населения. Хотя изучение этой деятельности не входит в задачи данного исследования, стоит заметить, что, выполняя эти функции, подполье отчасти играло роль аналогичную роли партизан, действовавших севернее.

3. Крым

Видимо, используя опыт своих действовавших севернее коллег, аппарат партии и НКВД в Крыму смог сохранить территориальную основу для призыва и организации партизанских отрядов, приспособив ее к специфическим географическим условиям полуострова. С целью использования благоприятных условий местности отряды иногда удалялись на значительное расстояние; от практики сохранения отряда для операций в том районе, где он был сформирован, отказались с самого начала. Более того, сразу была тщательно спланирована система командования во главе с Крымским штабом партизанского движения, что позволяло проявлять гибкость при проведении партизанских операций; от неудачной попытки руководства действиями партизан подпольным областным комитетом партии, оторванным от сил партизан, отказались полностью. Кроме того, система организации по «районам» (термин, относящийся к партизанскому командованию, вышестоящему по отношению к отряду, но находившемуся в подчинении штаба) сохраняла остатки связи с административно-территориальным делением и вместе с тем позволяла действовать достаточно гибко при привлечении большого количества бывших военных и моряков в качестве офицеров и рядовых бойцов партизанских отрядов.

Партизанское движение в Крыму, несмотря на ряд крупных провалов, оставалось действенной силой до 1944 года. В последние месяцы своего существования, видимо как часть усилий по достижению единообразия в партизанском движении, данная территориальная система подверглась изменениям, чтобы больше соответствовать полувоенной форме организации, существовавшей повсюду. Тот факт, что территориальная система в Крыму смогла сохраниться так долго и, по всей видимости, получила одобрение у верховной власти, свидетельствует, что этот вид организации не стоит сбрасывать со счета ни как полностью нежизнеспособный, ни как однозначно отвергнутый советским режимом. Как будет показано ниже, введение такой формы организации летом 1942 года на новых оккупированных территориях подтверждает предположение, что советское руководство не хотело от нее отказываться.

4. Северный Кавказ

Немецкие армии вступили на территорию Северного Кавказа летом 1942 года, в то время, когда территориальная форма организации партизанского движения на большинстве оккупированной территории Советского Союза уже почти прекратила свое существование. Поэтому заслуживает внимания тот факт, что при организации партизанского движения в Кавказском регионе использовался уже знакомый территориальный принцип. Истребительные батальоны были организованы НКВД во многих районах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, в Кабардино-Балкарской АССР, а затем превращены в партизанские отряды под руководством партийных работников и сотрудников НКВД. Но в отличие от большинства появлявшихся ранее районных отрядов большинство таких групп не предпринимало попыток действовать на своей территории, а сразу направлялось в горные районы и предгорья Кавказа, где условия местности были более благоприятными. Каждый отряд сохранял свою самостоятельность и обычно создавал отдельный лагерь, но несколько отрядов оказались в подчинении так называемого кустового командования. Над

кустом не было вышестоящего оперативного партизанского штаба. Оперативные приказы, по всей видимости, поступали от армейских штабов, в зоне действия которых находился куст, а общий контроль оставался в руках либо областного или краевого комитета партии, либо региональных партизанских штабов. По всей видимости, существовало подчинение и Штабу партизанского движения юга.

По своей численности и эффективности партизаны Кавказа занимали скромное место в партизанском движении в целом. Большинство отрядов перестало существовать после отступления немцев на Кубанский плацдарм зимой 1942/43 года, но часть продолжала действовать до полной эвакуации немцев осенью 1943 года. По всей видимости, командование этими мелкими отрядами оставалось в руках партии; в порядке подчиненности между отрядом и партийным органом какое-то время сохранялось промежуточное кустовое командование. Позднее Штаб партизанского движения юга прислал сюда один отряд для реорганизации истощившихся партизанских сил.

Упорное стремление сохранить территориальную систему организации партизан в Крыму и ее использование в дальнейшем на Кавказе, когда в организационной структуре партизанского движения дальше к северу произошли существенные перемены, наводит на мысль, что эта система была желательна для советского руководства. Главной причиной этого, вероятно, была ее полезность для интеграции партизанского движения в механизм политического контроля партии и НКВД. Вполне вероятно, что усиливающийся контроль за партизанским движением Красной армии, которая взяла на себя руководство многими уцелевшими территориальными отрядами зимой 1941/42 года, стал причиной беспокойства ряда советских руководителей, опасавшихся дальнейшего усиления престижа и мощи армии. В этом отношении последующее развитие территориальной формы организации партизанского движения является лишь штрихом в общей картине преобразований в партизанском движении и изменений, предпринятых с целью укрепления влияния партии.

Глава 2

Расширение и реорганизация партизанского движения, 1942–1944 г.

Возрождение партизанского движения, начало 1942 г.

Как уже отмечалось, первоначальная цель советского режима – создать сеть групп сопротивления, призванных помешать установлению немцами контроля над территорией, покинутой войсками Красной армии, – достигнута не была. Однако совокупность обстоятельств, в большинстве своем непредвиденных, создала возможность для возрождения партизанского движения зимой 1941/42 года, пусть и с существенными отклонениями от первоначального плана.

Одним из таких обстоятельств был масштаб советских военных поражений. Советское руководство, конечно, не ожидало, что значительная часть войск попадет в окружение, в результате чего несколько миллионов солдат окажутся отрезанными от основных сил Красной армии. Более двух миллионов красноармейцев вскоре попали в плен к немцам и были отправлены в лагеря. Такая судьба ожидала большую часть войск, оказавшихся в ловушке в так называемом Уманском котле в степях Украины к западу от Днепра, и большинство отрезанных от основных сил войск в степях Полтавщины к востоку от Киева. Но в лесистой и болотистой местности на участках действий групп немецких армий «Центр» и «Север» многим удалось избежать плена. К ним можно отнести значительное число уцелевших военнослужащих в двух котлах под Брянском, а также пять оказавшихся в окружении группировок войск на пути продвижения противника к Москве – под Гродно, Минском, Смоленском, Рославлем и Вязмой. Часть солдат, покинувших поля сражений, находилась в составе небольших подразделений, потерявших связь со своим вышестоящим командованием, но по-прежнему остававшихся под контролем офицеров. В других случаях офицеры Красной армии и НКВД, которым в одиночку или с несколькими подчиненными удалось избежать плена, собирали отбившихся от своих частей солдат, которых они – либо своей властью как представители советского режима, либо силой своего личного авторитета – принуждали оставаться в составе создаваемых ими военных формирований. Обе эти разновидности групп военнослужащих часто предпринимали попытки пробиться к линии фронта для воссоединения с частями Красной армии, но ввиду быстрого отступления советских сил им это не удавалось. Многие из этих групп в дальнейшем распадались, хотя другие сохранились в отдаленных районах и, как правило, не проявляли активности, пытаясь в первую очередь уцелеть, но вместе с тем не проявляя готовности попасть под власть немцев. Сотни тысяч солдат и офицеров Красной армии, утратившие всякую связь с командованием и властью, часто собирались в мелкие группы, в составе которых им было легче выжить. Помимо этого тысячи солдат Красной армии, оказавшиеся в тылу у немцев, пробирались домой, где старались слиться с гражданским населением или просто задерживались в находящихся на отшибе деревнях, скрываясь в домах одиноких крестьянок.

Сотни тысяч бывших солдат, проживавших нелегально в оккупированных районах, должны были в любых обстоятельствах создавать оккупантам трудности в поддержании порядка, а проводимая немцами политика лишь значительно увеличивала опасность для них. Для превращения существовавшей для немцев потенциальной опасности в реальную угрозу было необходимо, чтобы масса этих пригодных для ведения партизанских действий людей оказалась организованной кем-то для нанесения регулярных ударов по силам оккупантов.

Руководство такой организацией мог взять на себя уцелевший территориальный партизанский отряд, получавший возможность пополнить свои ряды за счет бывших красноармейцев; вместе с тем многочисленные небольшие подпольные группы партийных работников, не сумевшие до сего времени организовать партизанские отряды, теперь получали возможность формировать партизанские отряды из бывших солдат. Еще более важным являлось то, что среди попавших в окружение было много фронтовых армейских офицеров, комиссаров и офицеров НКВД. Две последние группы знали о проводимой немцами политике уничтожения оказавшихся в плену комиссаров и офицеров НКВД, поэтому им не оставалось ничего другого, как продолжать скрываться или оказывать сопротивление. Как отмечалось выше, офицеры формировали отряды из отрезанных от основных сил красноармейцев с самого начала, но такие группы в первую очередь стремились просто выжить, если им не удавалось пересечь линию фронта для воссоединения с основными советскими силами. Поначалу многие рядовые солдаты стремились скрыться, но, когда становилось ясно, что сдача в плен или попытки спастись в одиночку более рискованны, чем участие в партизанских действиях, они проявляли готовность подчиняться власти офицеров.

В дальнейшем оказавшимся в изоляции офицерам Красной армии и НКВД предстояло стать основной силой возрождения партизанского движения. Правда, несмотря на то что рядовые красноармейцы быстро проявили готовность вести борьбу против немцев, количество операций, которые намечались и проводились под руководством офицеров, не имевших в течение многих месяцев связи с советским руководством, было ограниченным. С тем чтобы стать частью полнокровных партизанских сил, были необходимы организаторы, снабженные четкими инструкциями и обеспеченные средствами для поддержания связи с избежавшими оккупации территориями Советского Союза. Вместе с тем именно наличие таких организаторов, проявлявших решимость создавать партизанское движение, не считаясь с населением оккупированных территорий, и наделенных полномочиями представлять советский режим, было во многих местах главным, что побуждало бывших военнослужащих Красной армии сражаться против немцев.

Едва ли подлежит сомнению, что в верхних эшелонах власти советского режима уже к осени 1941 года хорошо знали о сложившейся ситуации на оккупированных территориях и планировали ею воспользоваться. Во многих частях не подвергшейся оккупации территории Советского Союза уже в августе 1941 года были созданы специальные тренировочные лагеря для партизан, которых предстояло забрасывать на парашютах в оккупированные районы. Личный состав, направляемый в такие лагеря, делился на несколько категорий. Во-первых, большинство тех, кого предполагалось сделать командирами или организаторами партизанского движения, отбирались партийными организациями среди заслуживающих доверия членов партии, часть которых занимала достаточно высокие посты. Партийные аппараты в крупных городах РСФСР, в частности многочисленная партийная организация Москвы, предоставляли широкие возможности для набора¹²⁰. Позднее осенью большое количество партийных работников и сотрудников НКВД, спасшихся бегством или эвакуированных с оккупированных территорий, стало одним из важных источников пополнения рядов. По всей видимости, этих людей направляли в партизаны отчасти благодаря их связям, а отчасти для искупления «грехов» за бегство от противника. Аналогично, значительное количество направляемых в тренировочные лагеря осенью отбирали среди солдат Красной армии, оказавшихся отрезанными от своих частей, но оставшихся на советской стороне, тогда как летом большинство рядовых набирали из числа уже призванных в Красную армию.

Можно предположить, что отобранные члены партии подробно инструктировались партийными чиновниками по политическим и военным вопросам порученного им задания,

¹²⁰ Цанева Л. Указ. соч. Т. 2. С. 30; Линьков Г. Указ. соч. С. 14–17.

а их техническая подготовка проводилась под руководством офицеров Красной армии и НКВД. Она длилась около двух недель и включала в себя обучение навыкам обращения с взрывчатыми веществами и парашютные прыжки. Но поскольку особый упор, по всей видимости, делался на призыв радистов и других технических специалистов, необходимых партизанским группам, углубленной подготовки во всех областях не требовалось.

После подготовки новобранцев разбивали на небольшие, численностью меньше взвода, группы, имевшие командира, комиссара, других офицеров, в их составе обязательно был радист и другие специалисты. Офицеры назначались из военнослужащих младшего офицерского состава Красной армии. Из тренировочного лагеря такие группы направляли в штабы Красной армии, – по всей видимости, фронтовые штабы, – где они проходили дополнительный инструктаж и им выделяли район для действий, куда их забрасывали на парашютах¹²¹.

По достижении района группы парашютистов прежде всего пытались наладить контакт с лояльными к советской системе лицами, чьи имена им сообщали перед заброской на оккупированную территорию. Часто эти люди являлись членами подпольных партийных организаций, и многие из них исчезали в течение нескольких недель после эвакуации советских сил из этих районов. Еще чаще они были мелкими чиновниками или простыми членами партии, не проявлявшими особого стремления подвергать себя риску участия в сопротивлении, но их тем не менее удавалось убедить сотрудничать с заброшенными на парашютах группами. Для организации такого сотрудничества группы парашютистов наделялись полномочиями по руководству всеми имеющимися в районе их действий партийными и советскими организациями, в том числе и существовавшими партизанскими отрядами. Они также выступали в роли представителей центральной власти, в частности командования Красной армии. Не менее важным, по всей вероятности, было и наличие у этих групп средств связи с последними.

Группы парашютистов приступали к созданию сети агентов из сторонников советской власти и использовали их в качестве вербовщиков или рядовых членов партизанских отрядов. Но большинство рядовых партизан набиралось из отрезанных от своих частей красноармейцев, для которых авторитет находившихся среди парашютистов офицеров Красной армии, представлявших Верховное командование, был особо важен. Однако в течение нескольких месяцев до начала зимы группы парашютистов не смогли организовать крупномасштабного партизанского движения, а главным образом занимались налаживанием контактов с местными сторонниками советской власти и скрывающимися в лесах группами красноармейцев. В декабре крупное поражение немцев на подступах к Москве существенно повлияло на взгляды большинства населения оккупированных территорий.

Почти одновременно создались благоприятные в тактическом плане условия для проведения крупномасштабных партизанских операций. Немцы оголили тылы своих войск, пытаясь поддержать рушившийся фронт. Этим самым они оставили незащищенными линии коммуникаций в то время, когда бесперебойное снабжение фронта являлось жизненно необходимым. Вместе с тем партизаны смогли получать подкрепление от Красной армии через брешу, образовавшуюся в немецких позициях на линии фронта. Одна из таких брешей к востоку от Витебска – так называемый Витебский коридор – служила воротами для тысяч партизан, многие из которых набирались из числа эвакуированных в этот район. Находящаяся дальше к югу брешь в районе Кирова позволяла направлять крупные силы партизан в район между Брянском и Вязьмой. Использование этих брешей создавало возможность посылать не только организаторов и технических специалистов, но и целые партизан-

¹²¹ Линьков Г. Указ. соч. С. 19, 30, 74.

ские отряды для подкрепления партизан, уже набранных на оккупированной территории¹²². Кроме того, через те участки фронта, где условия местности и недостаток войск не позволяли немцам сохранить линию фронта непрерывной, осуществлялось снабжение и направлялось подкрепление.

Возросший престиж советской власти после зимних побед дал возможность группам организаторов преобразовать значительные силы бывших красноармейцев и новобранцев, в особенности не служившую в армии молодежь, во внушительное по размахам партизанское движение. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что значительная часть людей из этих категорий не присоединилась к партизанам и многие из них активно сотрудничали с немцами. Но в разных областях методы достижения цели существенно различались. В Ленинградской области большое число организованных партийными работниками отрядов направлялось через линию фронта уже с начала осени; в этом регионе не было попавших в окружение крупных войсковых группировок, и, по всей видимости, зимой 1941/42 года основную часть новобранцев партизанского движения составляли жители деревень. Как отмечалось выше, организаторы партизанского движения и отряды, направляемые через бреши в линии фронта, были особенно важны для территории Орловской области, расположенной к северу от Брянска, а также в Смоленской и Витебской областях. В южной части Орловской области и прилегающих районах Украины, напротив, главную роль в организации партизанского движения сыграли уцелевшие местные партийные работники, а также офицеры Красной армии и НКВД, оказавшиеся в окружении. Группы парашютистов играли относительно важную роль в южной и центральной частях Белоруссии, куда не было доступа по суше с советской стороны и где территориальные партизанские отряды понесли серьезный урон.

Хотя по площади данный регион являлся лишь небольшой частью оккупированных территорий, занимаемое им центральное положение и благоприятные условия местности делали его весьма значимым для дальнейшего развития партизанского движения. Поэтому вполне разумно предположить, что использование групп парашютистов в этом регионе по важности оказанного ими влияния на развитие партизанского движения оказалось несоизмеримо большим по сравнению с численностью таких групп или площадью региона, где они действовали.

Развитие партизанского отряда

Прежде чем рассматривать последствия быстрого роста партизанского движения зимой 1941/42 года для высших уровней управления, необходимо рассмотреть развитие основной единицы партизанского движения; ее организационная структура оказала огромное влияние на дальнейшее проведение партизанских операций. Но представленная обобщенная картина вполне способна ввести в заблуждение, если не учитывать, что с начала до конца этого периода (1942–1944 гг.) существовали сотни партизанских отрядов и среди них не было двух одинаковых. Поэтому необходимо подчеркнуть, что именно разнообразие, а отнюдь не единообразие было характерной чертой партизанского движения, и описанные в данном разделе тенденции не представляют собой единой для всех партизанских отрядов модели развития, а являются просто обобщениями, сделанными на основе изучения большого количества примеров¹²³.

¹²² Цанава Л. Указ. соч. Т. 2. С. 28.

¹²³ Обобщенное описание развития партизанского отряда основано на большом количестве источников, в частности на упомянутых мемуарах Л. Цанавы, В. Андреева, Г. Линькова, А. Федорова, С. Ковпака, Д. Медведева. См. также: *Шаян А.* Партизанский край. Киев: Украинское гос. изд-во, 1946; *Вершигора П.* Люди с чистой совестью. М.: Советский писатель, 1951. В этих произведениях рассматривается формирование и развитие многих отдельных отрядов.

К зиме 1941/42 года, когда партизанские отряды были готовы начать операции, большинство отрядов, вне зависимости от способа создания, имело одинаковую численность (20–200 человек) и организационную структуру¹²⁴. Ключевую роль в них играли командир и комиссар. Командир, который часто был выбран на этот пост благодаря своим познаниям в военном деле или популярности в районе формирования партизанской группы, номинально являлся верховной властью, но иногда настоящим начальником отряда был комиссар. Положение, ранее занимаемое этими людьми и другими офицерами отряда, было различным. Ими могли быть бывшие работники региональных партийных органов и отделений НКВД, офицеры и комиссары Красной армии, офицеры отделов НКВД Красной армии и очень редко лица, занимавшие руководящие посты на промышленных предприятиях и в колхозах. Кем бы ни были в прошлом эти люди, их значение трудно переоценить. Именно они принимали решение об организации сопротивления немцам в то время, когда быстрое отступление советских сил ставило под сомнение действенность такого сопротивления. Решение этими бывшими представителями советской номенклатуры принималось благодаря либо их лояльности к советскому режиму, либо страху оказаться в руках немцев. Если их не забрасывали в составе групп парашютистов, их часто прятали проверенные люди, или они долго скрывались небольшими группами в лесах, прежде чем им удавалось организовать свои отряды. Командирам групп парашютистов удавалось быстрее добиваться результатов, но они, часто не будучи знакомы с местными условиями, подвергались большому риску. Пользуясь своими личными качествами или высокими званиями, партизанские лидеры сгоняли людей в отряды и управляли ими твердой рукой, а когда требовалось, могли прибегнуть и к насилию¹²⁵.

Нижестоящие партизанские командиры в прошлом занимали почти такое же положение, как командир и комиссар отряда, хотя они, как правило, набирались из представителей более низких уровней советской иерархии, например, среди них было много комсомольских работников, председателей колхозов и мелких партийных или советских чиновников. Часто им не хватало решимости, а также организаторских способностей и технической подготовки, имевшихся у руководителей партизанских отрядов. Многие были либо устранены по мере роста партизанского движения, либо занимали сравнительно невысокие посты, хотя кое-кто проявил свои способности и быстро продвинулся. На ранних этапах эти люди оказывали огромное личное влияние на своих подчиненных, с которыми они часто были из одной сельской общины или подружились, пока вместе скрывались в лесах, прежде чем оказаться в партизанском отряде.

На следующем этапе развития, в течение зимы и начале весны 1942 года, численность обычного партизанского отряда значительно возросла. Вполне естественно, что отряды, возглавляемые способными офицерами, а также офицерами, получавшими особые полномочия советского режима, стали быстро развиваться. В ряде случаев – особенно к концу весны

¹²⁴ Данное утверждение, как и последующее описание развития партизанского отряда, применимо к большинству партизанских групп в основных районах скопления партизан на большей части Белоруссии и Брянских лесов, а также многих отрядов в Смоленской, Калининской и Ленинградской областях. Существенные отличия наблюдались в тех регионах, где с самого начала велика была роль партийных организаций (Крым и Северный Кавказ), и там, где организацию и управление партизанским движением возглавляли военные (районы к востоку от Смоленска и северная часть Брянских лесов).

¹²⁵ Послевоенные советские источники иногда утверждают, что уцелевшие территориальные партийные организации осуществляли управление партизанскими отрядами в этот период, либо находясь в подполье, либо входя непосредственно в состав партизанских отрядов. Но имеющиеся свидетельства и глубокий анализ советских мемуаров показывают, что зимой 1941/42 года положение немногих уцелевших подпольных партийных комитетов было слишком шатким, чтобы они могли эффективно руководить партизанским движением. В тех же случаях, когда партийные комитеты присоединялись к партизанским отрядам, в оперативных вопросах они обычно оказывались под контролем командиров и комиссаров, хотя на них и возлагались функции по проведению политической учебы и поддержанию дисциплины. Несмотря на столь значительную потерю влияния, в ряде случаев отдельные члены территориальных партийных комитетов занимали высокое положение в партизанских отрядах, являясь их командирами и комиссарами. Следовательно, было бы неправильно принижать важность вклада территориальных партийных организаций в развитие партизанского движения.

1942 года – за несколько недель мелкие группы превращались в крупные формирования численностью в тысячу и более человек. В таких случаях новый, значительно увеличившийся отряд получал название «бригада» и делился на несколько подчиненных отрядов. Как и в рассматриваемых ниже бригадах, чье развитие шло более сложным путем, один из отрядов обычно был значительно больше других и имел тесную связь с командиром бригады. Ряд партизанских командиров не только увеличивали численность своих отрядов, но и часто брали под свое командование другие отряды. Возникавшие в результате этого формирования имели различные названия. На раннем этапе они назывались соединением, но для удобства мы будем называть их бригадами. Бригада не всегда действовала всем составом – многие операции проводились отдельными отрядами, получавшими лишь общие указания командира бригады. Но в обороне против атак немцев, за исключением чрезвычайных ситуаций, когда отряды разбивались на очень мелкие группы и пытались спастись отступлением, входившие в состав бригады единицы стремились действовать вместе. Целиком всем составом бригада обычно действовала и при нападениях на железные дороги. Для проведения собственно взрывов железнодорожных путей требовалось всего несколько человек, но крупные силы были нужны для сдерживания немецких сил, охранявших дороги. Еще более важной причиной сохранения отрядов большой численности была необходимость иметь достаточное количество людей под началом одного командира для замены групп при выполнении длительных операций на больших по протяженности участках железных дорог. Со временем важность таких операций существенно возросла.

К концу лета 1942 года осталось очень мало районов, где бы преобладали отряды численностью менее 350 человек. Несколько таких отрядов, в основном получавших специальные задания, как правило, имелось в большинстве районов. Численность других отрядов, находившихся в процессе формирования или понесших потери, часто снижалась и составляла менее 350 человек, но терявшей личный состав бригаде обычно удавалось пополнить свою численность за короткое время. Если ей не удавалось достичь своей прежней численности, она обычно переставала существовать или присоединялась к более крупному подразделению.

Однако численность лишь очень небольшого количества отрядов превышала 2000 человек в течение продолжительного времени. Такая верхняя граница отчасти возникла в результате того, что летом 1942 года, когда численность большинства отрядов достигла 350–2000 человек, масштабные действия немцев против партизан стали причиной того, что общая численность партизан больше не увеличивалась, и в результате отдельным отрядам стало трудно наращивать свои размеры. В свою очередь, созданные в немецком тылу центры управления партизанским движением стремились заморозить уже достигнутую отрядами численность.

В отряде численностью более 2000 человек у командира и его заместителей не было бы возможности иметь четкие представления о потенциале каждого входившего в его состав подразделения и быть лично знакомыми с каждым из подчиненных им офицеров. Личное знакомство и постоянный контакт являлись неперенным условием для гибкости командования, необходимого в партизанской войне, и были особо важны, поскольку слабые военные навыки партизан делали их не подготовленными для выполнения тщательно разработанных приказов. Личный контакт, кроме того, был необходим для поддержания боевого духа и дисциплины. Советский режим был защищен от потенциальной опасности мятежа, способного возникнуть из-за глубокой преданности командиру отряда, поскольку ни один отряд не был достаточно силен для организации крупного восстания. В то же время группа численностью более 350 человек вполне могла включать в свой состав достаточно разнородные элементы для того, чтобы развитие характерного для замкнутой группы духа пассивного сопротивле-

ния приказам встречало сопротивление или, по крайней мере, об этом сообщалось вышестоящим начальникам.

Одной из важнейших причин ограничения количества отрядов и тем самым сохранения сравнительно крупной численности отдельных отрядов была нехватка грамотных командиров и комиссаров. Таких лидеров можно было найти для нескольких сотен бригад, численность каждой из которых в среднем составляла 800 человек, но просто невозможно было набрать достаточного количества людей, способных возглавить тысячи отрядов со средней численностью в 100 человек. К тому же с точки зрения престижности большие отряды выглядели более эффектными. Были ли они более полезны с точки зрения эффективности действий – трудно сказать. Как отмечалось выше, ряд операций требовал участия групп, по численности равных бригаде, но такие операции проводились нечасто. В обороне дополнительная численность оказывалась полезной, хотя партизанам в случае поражения в составе бригады отходить было труднее, чем при действиях, требовавших участия всего нескольких десятков человек. В целом главным преимуществом бригады численностью 350–2000 человек, пожалуй, было то, что она включала в себя максимальное количество партизан, чьи действия могли эффективно контролироваться одним командиром.

Важен был не только размер отряда, но и его мобильность. Сначала большинство отрядов действовало внутри очень небольших по размерам районов. Это прежде всего относится к территориальным отрядам, которые создавались в одном районе и предназначались для действий непосредственно в нем, но, пусть и в меньшей степени, это также относилось к действиям состоявших из бывших красноармейцев отрядов, которые месяцами оставались в одном районе. Как уже отмечалось, ограничение действий партизанского отряда одним небольшим районом являлось главной особенностью первоначального плана организации партизанского движения. В рамках этого плана такое ограничение выглядело вполне логичным. Но когда территориальная система в большинстве оккупированных регионов распалась, оказалось нежелательным, чтобы немногие уцелевшие территориальные отряды и новые, формируемые по другому принципу, оставались в своих районах. Во многих регионах это было просто невозможно, поскольку открытую местность противник мог прочесывать без труда. Но даже когда отряд имел возможность оставаться на одном месте, это вскоре оказывалось нецелесообразным. Советские руководители, по всей видимости, считали, что хорошее знание партизанами местности станет значительным преимуществом; на практике тем не менее даже некоторые специально отобранные партийные работники и сотрудники НКВД в таких группах стремились укрыться в удобных и более или менее постоянных убежищах, чтобы не привлекать внимания немцев. Многие руководители партизанского движения таким образом вскоре обнаружили, что их отрядам пусть и внутри небольшого района, но целесообразнее чаще передвигаться, чтобы не прозябать в бездействии. Не менее важен был и второй фактор, убеждавший командиров выводить отряды из районов их базирования. Если партийные работники и офицеры НКВД часто не имели личных привязанностей в районах своей службы, то рядовые партизаны имели там семьи, которые могли пострадать от рук немцев, оказавшись жертвами карательных операций. Поэтому большинство партизанских отрядов было переведено в районы, удаленные по меньшей мере на несколько километров от мест их создания.

По мере увеличения численности отрядов и их ухода со своих территориальных баз их организационная структура становилась более военизированной. Отряд делился на взводы или приблизительно равные им по численности подразделения. Создавались отдельные штабные отряды, в составе которых находились разведывательный отдел, особый отдел (НКВД) и интендантская служба. «Начальники штабов» существовали во многих отрядах с самого начала, но в бригаде этот пост был более важен. Часто начальник штаба бригады был кадровым офицером Красной армии, оказавшимся отрезанным от основных сил или при-

сланным с советской территории для выполнения функций военного специалиста. Помимо планирования военных операций, начальник штаба, по всей видимости, оказывал существенное влияние на организационную структуру отряда, которому он стремился придать черты военного подразделения. Как будет показано ниже, эти изменения были тесно связаны с созданием в различных регионах оккупированной территории постоянно действующих высших уровней командования партизанскими отрядами.

Эти изменения, происходившие еще весной, но ставшие общими для набравших силу отрядов летом и осенью 1942 года, должны были превратить партизанские отряды в нечто напоминающее формирования регулярной армии, но по многим важным параметрам они продолжали оставаться «доморощенными». Бригады существенно отличались друг от друга размерами, вооружением и организационной структурой, точно так же как и входящие в их состав отдельные отряды. Хотя были созданы штабные подразделения и штабы, во многих случаях командир продолжал осуществлять руководство не только самой бригадой, но и своим «личным» отрядом, на чьей основе она была создана. Более того, этот отряд обычно был больше любого другого в бригаде (часто таким же, как все остальные, вместе взятые) и имел лучшее вооружение. Ясно, что в основе такого превосходства лежала тесная связь командира и комиссара с отрядом и, наоборот, преданность бойцов отряда командиру и комиссару способствовала упрочению их авторитета во всей бригаде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.